

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю

3

Научный отдел

Соломонов В.А. Исторический факультет Саратовского государственного университета: время, события, люди

5

«Гроза двенадцатого года»

Рабинович Я.Н. Неизвестное сражение при Преишиш-Эйлау 26 января 1807 года

28

Тотфалушин В.П. Рекрутские наборы в Саратовской губернии в Отечественную войну 1812–1814 гг.

33

Шведов С.В. К вопросу о назначении и реальном использовании ополчений 1812 года в России

39

Малышкин С.А. Из истории архивов русской армии в эпоху Отечественной войны 1812 года

44

Парсамов В.С. В. А. Жуковский и Аустерлиц («Песнь барда над гробом славян-победителей» в историческом контексте)

53

Плешаков И.Н. Саратовская квартирная комиссия (1808–1872 гг.). К истории постоянной повинности в России

58

Культура России XIX века

Новичкова О.В. Русский национальный характер глазами французских мемуаристов (первая четверть XIX века)

68

Мезин С.А. Исторический курьёз

77

Луконин Д.Е. Митрофан Беляев и его кружок: капризы мецената или направление в искусстве? (к постановке вопроса)

80

Ласкина С.В. Историко-культурное наследие Борисоглебского уезда Тамбовской губернии в XIX веке

85

Манова Е.Н. «...Сделать это издание я считал своим долгом»

89

(к истории создания первого собрания сочинений Н.Г. Чернышевского)

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Коссович Леонид Юрьевич

Заместитель главного редактора

Усанов Дмитрий Александрович

Ответственный секретарь

Клоков Василий Тихонович

Члены редакционной коллегии

Аврус Анатолий Ильич

Белов Владимир Николаевич

Бучко Ирина Юрьевна

Вениг Сергей Борисович

Дыльнов Геннадий Васильевич

Захаров Андрей Михайлович

Зимняков Дмитрий Александрович

Кабанин Вячеслав Кузьмич

Комкова Галина Николаевна

Лебедева Ирина Владимировна

Левин Юрий Иванович

Мирзеханов Велихан Салманханович

Монахов Сергей Юрьевич

Первушов Евгений Михайлович

Прозоров Валерий Владимирович

Прохоров Дмитрий Валентинович

Смирнов Анатолий Константинович

Сперанский Дмитрий Васильевич

Федотова Ольга Васильевна

Худяков Глеб Иванович

Чумаченко Алексей Николаевич

Шляхтин Геннадий Викторович

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ

Главный редактор

Мирзеханов Велихан Салманханович

Заместители главного редактора

Парфенов Виктор Николаевич

Майорова Алла Степановна

Ответственный секретарь

Золотавина Татьяна Сергеевна

Члены редакционной коллегии:

Герман Аркадий Адольфович

Данилов Виктор Николаевич

Девятайкина Нина Ивановна

Мезин Сергей Алексеевич

Мосолкина Татьяна Валентиновна

Плеве Игорь Рудольфович

Синюкова Татьяна Витальевна

Черевичко Татьяна Викторовна

Зарегистрировано

в Министерстве Российской

Федерации по делам печати,

телерадиовещания и средств

массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации СМИ

ПИ № 77-7185 от 30 января 2001 года

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации общетеоретические, методические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований по всем научным направлениям.

К статье прилагается сопроводительное письмо, внешняя рецензия и сведения об авторах: фамилии, имена и отчества (полностью), рабочий адрес, контактные телефоны, e-mail.

1. Рукописи объемом не более 1 печ. листа, не более 8 рисунков принимаются в редакцию в бумажном и электронном вариантах в 1 экз.:

а) бумажный вариант должен быть напечатан через один интервал шрифтом 14 пунктов. Рисунки выполняются на отдельных листах. Под рисунком указывается его номер, а внизу страницы – Ф.И.О. автора и название статьи. Подписанные подписи печатаются на отдельном листе и должны быть самодостаточными;

б) электронный вариант в формате Word представляется на дискете 3,5 или пересылается по электронной почте. Рисунки представляются в виде отдельных файлов в формате РСХ, TIFF или GIF.

2. Требования к оформлению текста.

Последовательность предоставления материала: индекс УДК; название статьи, инициалы и фамилии авторов, аннотация (на русском и на английском языках); текст статьи; библиографический список; таблицы; рисунки; подписи к рисункам.

В библиографическом списке нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте.

Ведущий редактор

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Трушина Валентина Александровна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Верстка

Багаева Ольга Львовна

Технический редактор

Агальцова Людмила Владимировна

Корректор

Рогова Галина Александровна

Адрес редакции

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Издательство Саратовского университета

Тел.: (845-2) 52-26-89, 52-26-85

E-mail: izdat@sgu.ru

Подписано в печать 21.11.07.

Формат 60x84 1/8.

Усл. печ. л. 11,16 (12).

Уч.-изд. л. 11,8.

Тираж 500 экз. Заказ 147.

Отпечатано в типографии

Издательства Саратовского университета

© Саратовский государственный университет, 2007

CONTENTS

To the Reader 3

Scientific Part

Solomonov V.A. Department of History of Saratov State University:
the Time, the Events, the People 5

«The Storm of 1812 Year»

Rabinovitch Ya.N. Unknown Battle at Eylau 26 January 1807 28

Totfalushin V.P. Recruitment in Saratov Region
in Patriotic War 1812–1814 33

Shvedov S.V. Predestination and Real Application of Militia
in Patriotic War of 1812 in Russia 39

Malyshekin S.A. From the History Archives of the Russian Army
During of 1812 Year 44

Parsamov V.S. V.A. Zhukovsky and Austerlitz («Song of a Bard
on the Grave of Slavs-Conquerers» in Its Historical Context) 53

Pleshakov I.N. Saratov Room Commission (1808 – 1872).
To a History Accommodation of Armies in Russia 58

Russian Culture of XIXth Century

Novichkova O.V. Russian National Character Viewed
by the French Memoirists (the first quarter of the XIXth Century) 68

Mezin S.A. A Historical Curious Incident 77

Lukonin D.E. Mitrophan Belaiev and His Circle: a Maecenas Caprice
or an Art Trend? (to raise a problem) 80

Laskina S.V. Historical and Cultural Heritage of Borisoglebsk District
of Tambov Province in XIXth Century 85

Manova E.N. «...I Regarded this Publication as My Derby»
(about the history of N.G.Chernyshevski's first collection of works) 89

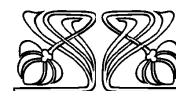
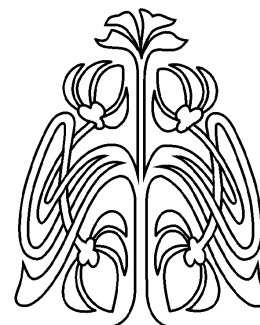
К ЧИТАТЕЛЮ

Предлагаемый вниманию читателей *второй* выпуск «Известий Саратовского университета» (серия «История») составлен в основном из материалов межрегиональной научной конференции «Россия в XIX веке: политика и культура», посвященной 75-летию доктора исторических наук, профессора кафедры истории России Николая Алексеевича Троицкого. Конференция состоялась 20–21 декабря 2006 г. на историческом факультете СГУ. Кроме преподавателей и аспирантов Саратовского университета в ней приняли участие историки из Москвы, Нижнего Новгорода, Воронежа, Самары, Балашова, Борисоглебска, Кустаная (Казахстан), а также коллеги из многих вузов Саратова. Наряду с историками старшего поколения, такими известными в России специалистами, как А.И. Аврус, М.Д. Карпачёв, В.А. Китаев и др., с докладами выступили многочисленные ученики юбиляра, среди которых также есть доктора наук.

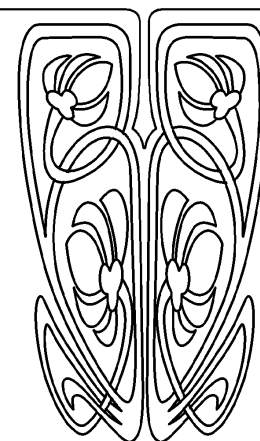
Тематика выступлений определялась научными интересами Н.А. Троицкого – одного из крупнейших специалистов по истории России XIX века. Девятнадцатое столетие – период очень благодатный для исторического изучения. Между исследователями и людьми позапрошлого века уже имеется временная дистанция, которая позволяет максимально объективно рассмотреть историю века, начало которого было ознаменовано наполеоновскими войнами, а закат уже предвещал Первую мировую войну и грядущие революционные потрясения. В то же время события XIX века прекрасно отражены в многочисленных и доступных источниках (от предшествующих столетий до нас дошло гораздо меньше источников, а источники XX века ещё не все доступны). Условный характер понятия «век» позволяет включить в настоящее издание и исследования, посвященные событиям начала XX столетия.

Ряд сообщений посвящен эпохе наполеоновских войн и, в частности, Отечественной войне 1812 года. Статьи касаются и предыстории, и довольно далёких отголосков «грозы двенадцатого года». Речь идёт о восприятии поэтом В.А. Жуковским разгрома русской армии при Аустерлице в 1805 г., о малоизвестных эпизодах сражения при Прейсиш-Эйлау 26 января 1807 г., о рекрутских наборах и солдатском постое в период войн с Наполеоном, о судьбе военных архивов 1812 года, о восприятии России французскими военнопленными и т.д. Авторами статей являются как ветераны историографии 1812 года (В.П. Тотфалушин, С.А. Малышкин, С.В. Шведов), так и начинающие историки (И.Н. Плешаков, Я.Н. Рабинович, О.В. Новичкова), а также исследователи, занимавшиеся прежде смежными темами (В.С. Парсамов, С.А. Мезин).

История культуры, историография и краеведение также занимали видное место в докладах участников конференции. Особое внимание слушателей вызвал доклад Д.Е. Луконина о роли мецената М.П. Беляева

К
ЧИТАТЕЛЮ

в русской музыкальной культуре второй половины XIX века. Об истории издания первого собрания сочинений Н.Г. Чернышевского рассказала Е.Н. Манова. Краеведческий характер носило сообщение С.В. Ласкиной, посвящённое архитектурному наследию уездного города Борисоглебска.

Центральное место на конференции занимали доклады, связанные с различными аспектами истории освободительного движения (от декабристов до народников) и общественной мысли в России во всех её проявлениях – социалистическом, либеральном, консервативном. Коллеги и ученики Н.А. Троицкого (В.А. Китаев, М.В. Калашников, Ю.Г. Степанов, Ю.В. Варфоломеев, Д.В. Рязанов, С. В. Лёвин и др.) представили в своих докладах широкую картину индивидуальных судеб, идейных исканий, конкретных событий из истории многогранного освободительного движения в России.

Наконец, целая группа сообщений касалась вопросов социальной и политической истории России XIX – начала XX века.

При явном разнообразии тематики и авторских подходов (не все авторы полностью разделяют взгляды Н.А. Троицкого на коренные проблемы отечественной истории XIX в.) все материалы научной конференции в большей или меньшей степени носят новаторский, исследовательский характер. Это позволяет надеяться, что представленный здесь выпуск «Известий Саратовского университета» найдет заинтересованных читателей.

Очередной выпуск «Известий» выходит в то время, когда гуманитарии Саратовского университета отмечают 90-летие историко-филологического факультета, стоявшего у истоков двух мощных современных факультетов – исторического и филологического. А в 2009 г. университетская общественность готовится отметить столетие *alma mater*. Этими обстоятельствами обусловлена публикация юбилейной статьи В.А. Соломонова «Исторический факультет Саратовского государственного университета: время, события, люди».

УДК 378.4(470.44–25)+929

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ САРАТОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА: ВРЕМЯ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

В.А. Соломонов

Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: Solomonovva@mail.ru

В статье дается общая канва и главные особенности становления и развития исторического факультета Саратовского государственного университета с 1917 г. и до настоящего времени. За 90-летний период своей истории его коллектив переживал и творческие взлеты, и невыносимые трагедии, нередко лишавшие ученых не только их профессорских званий, но и жизни – в сталинских лагерях. Однако выпавшие в прошедшие и нынешние времена на долю саратовских историков тяжелые испытания не смогли, в конечном счете, истребить в них твердого желания и впредь честно делать свою работу, добиваться высоких научных результатов и готовить себе талантливую молодую смену. И как показало время, заложенные на факультете первыми его сотрудниками славные научные традиции не только не канули в Лету, но, став достоянием новых поколений исследователей, получили еще большее развитие.

Department of History of Saratov State University: the Time, the Events, the People

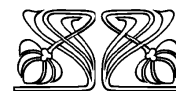
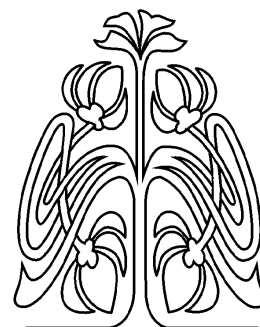
V.A. Solomonov

In the article author describes major peculiarities of development of Historical Department of Saratov State University from 1917 until the nowadays. During this period faculty and its teachers lived through the grate scientific ascensions, professional success as well as drastic tragedies which was not only harmful for their academic careers, but also sometimes lead to loss of their lives in Stalin's prison-camps. However, all the difficulties that occur during this period could not exterminate their will to keep their fairness and professional honor, which helps them in achievement of highest results and train new generations of talented historians. The time proved that strong traditions created by the first professors of the Department did not disappear, but on the contrary further developed and revived in the minds of today's faculty members.

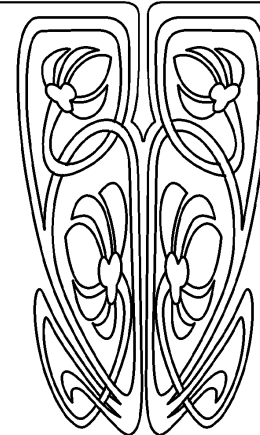
На протяжении всей дореволюционной истории Саратовского государственного университета (СГУ), учрежденного в 1909 г. в составе одного медицинского факультета¹, современники не раз высказывали мысль о том, чтобы он как можно скорее «сделался прежде всего университетом по существу, т. е. обогатился бы всеми факультетами, которые в совокупности составляют университет в полном смысле этого слова»².

Однако заветная мечта саратовцев о полнокровном, «каноническом» университете была реализована только после Февральской революции: тогда удачно совпали объективные и субъективные обстоятельства. С одной стороны, этому способствовала научная миграция в годы Первой мировой войны, когда весной 1915 г. из Киева в Саратов эвакуировался университет Св. Владимира³, среди профессоров которого были такие известные историки России и русского права, как М.В. Довнар-Запольский и М.Ф. Владимирский-Буданов. С другой – февраль 1917 г., на короткое время, до утверждения тоталитарного режима, установивший автономию общества от государства, вынудил Временное правительство обратиться к реализации общественных интересов.

Окончательное решение этого вопроса было поручено Комиссии по реформе высшего образования при Временном правительстве во главе с известным общественным деятелем профессором М.М. Новиковым. Разработанный и представленный 30 мая 1917 г. в правительство про-

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

ект предполагал открытие новых факультетов в составе Саратовского университета уже в 1917/18 учебном году. Для этого имелась вся необходимая материальная база. К тому же первоначальное устройство гуманитарного факультета не требовало специальных построек, достаточно было нескольких лекционных аудиторий и комнат для семинарских занятий. Отличным подспорьем в учебном процессе, по мнению членов комиссии, могла стать и университетская библиотека, к тому времени уже имевшая в своих хранилищах немало печатных и рукописных раритетов⁴.

Назначенный после свержения самодержавия министром народного просвещения, бывший до этого профессором и ректором Московского университета, А.А. Мануйлов объявил о принятом Временным правительством окончательном решении – открыть с 1 июля 1917 г. в составе Саратовского университета историко-филологический факультет⁵.

Функционируя вот уже 90 лет (не считая 1931–1935 гг., когда подготовка специалистов-историков в Саратовском университете не велась), научно-преподавательская жизнь на факультете не раз подвергалась всевозможным и не всегда оправданным изменениям.

Четырежды трансформировалось само название гуманитарного факультета: историко-филологический (1917–1921); факультет общественных наук (1919–1922); педагогический (1922–1931); исторический (1935–1941); историко-филологический (1941–1945) и снова исторический (с 1945 по настоящее время). Судьбу факультета в точности повторило и его историческое отделение. С 30 апреля 1919 по 1922 г. в связи с изменением по решению НКП РСФСР структуры гуманитарного образования оно было выделено из состава историко-филологического факультета и присоединено к юридическому, образовав с ним факультет общественных наук (ФОН). В 1922 г., при очередной реорганизации вуза, оно вошло в состав педагогического факультета, просуществовав в подобном качестве до создания в 1931 г. на базе последнего самостоятельного педагогического института. И только с возрождением в 1935 г. в отечественных университетах исторического образования исторический факультет вновь органически влился в систему учебно-научных подразделений СГУ.

***

Историко-филологический факультет Саратовского университета, по оценке М.Е. Сергеевко, «был в первые годы своего существования превосходным»⁶. Работать на нем изъявили желание ученые из Петрограда, Москвы, Томска и других крупных научных центров, в основном талантливая молодежь, но также «и люди постарше, уже не новички в науке, уже богатые своим опытом и в исследовательской, и в преподавательской рабо-

те». Разные по возрасту, характеру, мировоззрению, все они с завидным энтузиазмом и рвением принялись за строительство основ саратовской гуманитарной науки, мечтая сделать факультет настоящим «научным центром края, придать его научному облику свое особое выражение»⁷.

Первым деканом историко-филологического факультета был назначен приват-доцент Петроградского университета, магистр философии Семен Людвигович Франк (1877–1950)⁸. Искренне радуясь общей рабочей атмосфере на факультете, в письме М.О. Гершензону от 12 декабря 1917 г. он замечал: «У меня мечта перетянуть сюда как можно больше культурных сил <...>. Факультет у нас в общем неплохой – есть живые и талантливые люди <...> и группа свободных и культурных людей имеет большинство в факультете над группой чиновников от науки»⁹.

Среди тех, кому факультет обязан своим становлением и развитием, следует, прежде всего, вспомнить имена его первых профессоров: В.И. Веретенникова (русская история), В.А. Бутенко (всеобщая история), В.М. Жирмунского (всеобщая литература), Н.К. Пиксанова (русский язык и литература), М.Р. Фасмера (лингвистика), С.В. Меликову (классическая филология). Позже к ним присоединились Ф.В. Баллод (история искусства), Н.Н. Дурново (русский язык), Н.С. Арсеньев (романская филология и история религии), Г.А. Ильинский (славяноведение). В октябре 1917 г. к чтению курса лекций по русской истории был допущен С.Н. Чернов, а в сентябре 1918 г. – по всеобщей истории – Е.Н. Петров¹⁰.

Благодаря этим людям, их самоотверженной и созидательной деятельности, «прекрасные традиции старой русской науки, казалось, прочно утверждались на юном факультете, который чуть не на границе Азии становился достойным преемником старых славных научных центров»¹¹.

Таким же впечатляющим оказался количественный и качественный состав первых студентов историко-филологического факультета. В 1917 г. на первый курс было принято 183 человека (в том числе 121 вольнослушатель), в 1918 г. число учащихся возросло до 810, а в 1919 г. – до 1172 человек. Размещался факультет в IV корпусе СГУ (Анатомический институт), где ему гостеприимно выделили три большие лекционные аудитории (одну на 200–250 и две на 300–350 чел.), две комнаты для практических занятий (на 30–40 чел.) и шесть – для устройства кафедральных кабинетов. Спецсеминары историков по архивоведению, дипломатике и филологов-этнографов проходили в помещении Саратовской ученой архивной комиссии¹².

В русле культурно-просветительской работы с января 1918 г. в университете начало действовать Философско-историческое общество, председателем которого стал С. Л. Франк, а его заместителями – В.А. Бутенко и В.И. Веретенников. При обществе имелась отдельная историческая

секция, где заслушивались научные доклады. Все заседания общества и его секций проходили публично в обширном зале «старого» университета (угол улиц Радищева и Чернышевского), вход на которые для студентов и вообще для всех желающих был свободным. 14 мая 1919 г. при историко-филологическом факультете открылся Музей истории и истории искусств, заведующим его был назначен профессор Ф.В. Баллод. Музей состоял из нескольких секций: истории науки, университетов, книг и переплетов и истории древнего, античного, древнерусского, восточного, западного, нового русского искусства. Тогда же по инициативе ученых-гуманитариев в университете появилось Отделение рукописей и старопечатных книг, первоначально включавшее в себя 163 рукописи из библиотеки Братства Св. Креста, 383 – из книжного собрания И.А. Шляпкина, 55 – из собрания Юрьевича и 16 – из подотдела Губернского отдела народного образования по охране памятников старины и искусства¹³.

При создании историко-филологического факультета существовало, собственно, две кафедры исторического профиля – *русской истории*, являвшейся, по признанию современников, наиболее сильной в научно-преподавательском плане¹⁴, и *всеобщей истории*.

Во главе первой с 1917 по 1920 г. стоял воспитанник петербургской исторической школы, прошедший научную подготовку под руководством известного русского историка А. С. Лаппо-Данилевского, профессор *Василий Иванович Веретенников (1880–1942)*.

Не принадлежа к числу блестящих рассказчиков, чьи лекции оставляли неизгладимый след в памяти и сердцах слушателей и будили самостоятельную творческую мысль, В.И. Веретенников оказался, тем не менее, великолепным педагогом-наставником и талантливым руководителем семинарских занятий¹⁵. С его именем неразрывно была связана и работа членов СУАК «по спасению погибавших архивов, принявшая особенно большие размеры в 1918 г.»¹⁶

В 1920 г. В.И. Веретенников переехал на постоянное жительство в Харьков¹⁷, а освободившуюся в Саратовском университете кафедру русской истории возглавил профессор *Павел Григорьевич Любомиров (1885–1935)*.

Войдя в университетский коллектив молодым, но уже сложившимся ученым, виртуозно владевшим техникой исторического исследования и опубликовавшим к тому времени немало интересных работ, в том числе знаменитую монографию о нижегородском ополчении 1611–1613 гг.¹⁸, П.Г. Любомиров очень скоро стал одной из самых ярких и авторитетных фигур не только на своей кафедре, но и на всем факультете¹⁹.

Организатором и первым заведующим кафедрой всеобщей истории являлся крупный специалист по проблемам изучения французского либерализма первой половины XIX в., профессор

Вадим Аполлонович Бутенко (1877–1931). Одновременно с заведованием кафедрой в период с 22 сентября 1918 по 1 апреля 1919 г. он был деканом историко-филологического факультета, а со 2 июня 1920 г. – руководителем ФОНа²⁰.

До своего назначения на профессорскую кафедру в Саратовский университет ученый уже обладал немалым научным и педагогическим опытом, в разные годы читая лекции в Александровском лицее, Психоневрологическом институте, Петровском училище и ведя практические занятия в Петербургском университете. Располагал он и солидными навыками в организационно-административной работе, состоя одно время в должности декана исторического отделения частного университета в Петрограде.

Помимо профессорской деятельности в университете В.А. Бутенко читал общий курс истории Западной Европы XV–XVIII вв. в Саратовском институте народного хозяйства (в 1920/21 учебном году), являлся членом Саратовского общества истории, археологии и этнографии и заведовал Радищевским музеем, привлекая всех заинтересованных лиц к систематизации музейного собрания и развертыванию первых в городе научно обоснованных экспозиций²¹.

В 1919–1921 гг. историко-филологический факультет возглавлял известный историк, археолог и искусствовед, признанный знаток древнеегипетских манускриптов, заведующий кафедрой теории и истории искусств, профессор *Франц Владимирович [Франц Александр Владимир] Баллод [Balodis] (1882–1947)*.

В Саратове ученый читал три лекционных курса: по археологии Восточной Европы, истории Древнего Востока и истории египетского искусства, помимо этого он вел семинарий по расшифровке древнеегипетских текстов. Ф.В. Баллоду принадлежит немалая роль и в организации подотдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины Губернского отдела народного образования²². Однако широкую известность он приобрел после того, как возглавил первую университетскую археологическую экспедицию и впервые научно описал полученные ею результаты²³.

После реорганизации в апреле 1919 г. структуры гуманитарного образования судьба исторического отделения, вошедшего в состав вновь созданного факультета общественных наук, долгое время оставалась неопределенной. Комментируя в письме С.Ф. Платонову от 27 декабря 1919 г. происшедшие в жизни саратовских историков перемены, С.Н. Чернов замечал: «...В отношении заседаний хуже положения историков, по крайней мере у нас, нет, ибо они сидят и в Филфаке (истор[ико]-фил[ологический] фак[ультет]), и в Факоне (Фак[ультет] Обществ[енных] Наук), и в Колпропрепистоте (Коллегия Проф[ессоров] и преп[одателей] Истор[ического] отд[еления]). В Факоне сидят по обязанности все через него проводить. В Филфаке – по внутреннему чувству

и определенному желанию Филфака, чтобы вся деятельность отделения протекала через него. В Колпропрепистоте – по необходимости прийти и в Филфак, и в Факон с выработанными проектами, ибо от первого мы официально ушли, а ко второму по существу не пристали»²⁴.

Новое университетское подразделение оказалось весьма специфическим и, как показало время, нежизнеспособным структурным образованием. На передний план в его учебной и научной деятельности выдвигались для многих непонятные, исходившие исключительно из марксистской теории задачи, к реализации которых в принудительно-обязательном порядке привлекались все сотрудники ФОНа. «Здесь впервые в университете, – подчеркивал летописец саратовского истфака, профессор Л.А. Дербов, – началось чтение лекций по таким дисциплинам, как история социализма, советское государственное право, рабочее право, теория социалистического хозяйства, методология истории, история Интернационала и др., несколько позже стал читаться курс истории ВКП (б)»²⁵.

Отстаивать в таких условиях в полном объеме традиции и принципы свободной академической науки не под силу оказалось даже руководителям ФОНа, а за пять лет существования этого факультета его возглавляли люди отнюдь неординарные.

Первым в списке деканов факультета общественных наук Саратовского университета стоит имя воспитанника Петербургского политехнического института, ученика М.И. Туган-Барановского, А.А. Чупрова и П.Б. Струве, доктора политической экономии (1910), профессора *Леонида Наумовича Юровского (1884–1938)*.

Встретив с большим воодушевлением известие о свержении самодержавия в России, более того, согласившись в августе 1917 г. занять пост управляющего Особым статистико-экономическим отделом Министерства продовольствия Временного правительства, Л.Н. Юровский тем не менее очень скоро усомнился в способности новой власти эффективно управлять страной. Что касается Октябрьской революции, то к ней он, как и большинство российской интеллигенции, отнесся вначале исключительно враждебно. Но «характерная для Юровского способность объективно анализировать сущность происходящих процессов независимо от личных пристрастий привела его к сотрудничеству с Советской властью. В ноябре 1917 г. он переехал в Саратов, где работал до осени 1921 г. профессором университета, деканом факультета общественных наук, ректором организованного в 1918 г. Института народного хозяйства, членом губернской плановой комиссии»²⁶.

Оказавшись затем в Москве, Л.Н. Юровский «вошел в число тех высококвалифицированных специалистов по денежному обращению, которые с осени 1921 г. привлекались правительством

для поиска путей оздоровления денежного обращения», имевших до определенного момента «редкую для экономиста-теоретика возможность реализовывать свои идеи на практике»²⁷.

Как человек высокой культуры, разносторонних интересов и познаний ученый всячески старался избегать «конфликтов в повседневной жизни, но в сфере профессиональной он твердо и принципиально отстаивал свои взгляды. <...> Но время для честного исполнения своего предназначения уже подходило к концу»²⁸.

26 июля 1930 г. обвиненный в принадлежности к антисоветской «трудовой крестьянской партии» Леонид Наумович был арестован и спустя два года осужден на восемь лет лагерей. Однако «13 декабря 1934 г. на фоне нового витка массовых репрессий после убийства С.М. Кирова было принято решение Политбюро об освобождении Юровского», но, увы, ненадолго: в конце 1937 г. он вновь был арестован и 17 сентября 1938 г. расстрелян²⁹.

Такой же трагический финал судьба уготовила и преемнику Л.Н. Юровского на посту декана ФОНа, профессору В.А. Бутенко.

Не желая в обстановке нарастающего идеологического прессинга дожидаться худшей для себя доли, Вадим Аполлонович 23 февраля 1928 г. обратился к известному в Саратове медику, профессору Ф.Я. Китаеву за врачебной консультацией. Тщательно обследовав пациента, тот констатировал у него «...неврастению в тяжелой форме и настоятельно рекомендовал временно отказаться от преподавания и поправить здоровье»³⁰. После этого, сославшись на сильное недомогание, В.А. Бутенко написал заявление с просьбой освободить его от чтения лекций и ведения практических занятий до конца текущего семестра.

В конце августа 1928 г., вынужденно расставшись с Саратовом, семья Бутенко поселилась в Ленинграде, но желаемого успокоения историк не нашел и у берегов Невы³¹. Более того, когда среди столичных ученых начались аресты, связанные с «делом Академии наук», 26 апреля 1930 г. на своей квартире (ул. Красных Зорь, 54) был арестован и В.А. Бутенко. Обвиненный в причастности к контрреволюционной монархической организации «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России», якобы возглавляемой академиком С.Ф. Платоновым, 10 февраля 1931 г. он был приговорен к десяти годам лишения свободы. Скончался В.А. Бутенко 14 сентября 1931 г. от скоротечного легочного туберкулеза и был похоронен на арестантском кладбище недалеко от станции Май-Губа, находящемся ныне на дне Беломоро-Балтийского канала³².

Единственным руководителем ФОНа, кому чудом удалось избежать политических репрессий, оказался специалист по социально-экономической и государственно-правовой истории феодальной России, профессор *Серафим Владимирович Юшков (1888–1952)*.

В Саратовском университете он проработал девять лет, с 1919 по 1927 г., успешно сочетая педагогическую и общественную деятельность с большой научно-исследовательской работой, развивавшейся в двух основных направлениях. С одной стороны, он занимался изучением древнейших источников русского права, а с другой – разрабатывал вопрос о генезисе феодальных отношений в Древней Руси. В Саратове увидели свет его работы о древнерусских юридических сборниках XIII в., об Уставе князя Владимира, Судебнике 1497 г., а также исследования по истории феодальных отношений в Киевской Руси³³.

В 1927 г. С.В. Юшков был избран профессором юридического факультета Ленинградского университета, где предпринял попытку осуществить важную для истории русского права задачу – издать Русскую Правду. В 1935 г. поставленная им цель была успешно достигнута³⁴. Позже он вел научно-преподавательскую работу в высших учебных заведениях Узбекистана, Дагестана, Свердловска и Москвы. С 1944 г. С.В. Юшков являлся профессором Московского университета, Военно-юридической академии и Всесоюзного института юридических наук.

Со второй половины 1920-х гг. основная проблема гуманитарного образования состояла уже не столько в отсутствии специалистов, сколько в том, что сами занятия становились все более схоластичными и далекими от научно-исследовательских задач университетского образования. Этот процесс, связанный с университетской «реформой», приводил к снижению преподавательской востребованности историков «старой» школы, которые «учили источникам». Отторжение профессионалов от учебного процесса провоцировало и разделение студенческой аудитории: одна часть придерживалась традиций дореволюционной науки, сохранявшихся и «контрабандно» доходящих до них от историков петербургской школы, а другая – все больше превращалась в догматиков и неосновательных интерпретаторов исторических фактов и явлений³⁵.

Положение осложнялось усилением гонений в отношении «старых» специалистов. Особенно жестко научное «охранительство» заявило о себе в 1928–1931 гг., в период подготовки к так называемому «Академическому делу» и общих репрессий в отношении научной и технической интеллигенции. Именно в эти годы вынуждены будут навсегда проститься с Саратовом такие яркие научные деятели, как С.Н. Чернов, В.А. Бутенко, П.Г. Любомиров, С.И. Протасова, П.А. Аргунов, Е.Н. Кушева и др. Официальным обоснованием их изгнания были названы неверные методологические принципы и отход от идеологической догмы – марксизма-ленинизма.

В конце 1920-х гг. машина идейно-политического натиска на историков «старой» школы все больше и больше набирала обороты. Об этом свидетельствуют, в частности, строки из пись-

ма С.Н. Чернова С.Ф. Платонову от 12 декабря 1927 г.: «...о, если бы Вы знали, как безумно тяжело в Университете! Там с новой силою назревает какой-то огромный катаклизм, и я не знаю, какое и как разрешение приобретет ход наших дел и отношений, – но сильно опасаясь безмерных бед: то есть окончательного изгнания научного духа из Университета. Это совершенно верно, что мы его хранили и до настоящего времени донесли контрабандно. Теперь оборотистые руки властно протягиваются к нему, чтобы его с корнем вырвать. Крайняя по своим выводам и целям группа (ее же пророк Меерсон!) требует ведения практических занятий не по источникам, а по литературе – с привлечением источников лишь для иллюстраций... Должны и делать нечего. Если это осуществится, пойдет насмарку вся долгая предыдущая работа, все контрабандное сохранение в Университете духа научности! И параллельно с ростом “методических” требований растет и жесткость постановки отношений и вопросов. Беда придет не в лайковых, а в железных перчатках...»³⁶.

Тревожное предчувствие не обмануло саратовского историка. Почти год спустя «беда», действительно, вошла в жизнь, как его личную, так и близких ему людей, и вошла именно так, как он и предсказывал – «в железных перчатках».

Политический процесс, больше известный под названием «Академическое дело», сфабрикованный по указанию политбюро ЦК ВКП (б) и протекавший в течение 1929–1931 гг., стал частью общего тактического плана по уничтожению дореволюционного ядра в Академии наук (до 1929 г. сосредоточенной в Ленинграде) и системе высших учебных заведений. Ставилась задача полного подчинения науки и высшей школы партийной идеологии тоталитарного государства под лозунгом построения нового, социалистического общества³⁷.

От потрясшего ученый мир «Академического дела» начали отпочковываться в самостоятельные делопроизводства новые следственные дела. Чекисты стремились «разоблачить» целую сеть контрреволюционных вредительских сообществ, созданных по всей стране ленинградскими и московскими «заговорщиками». Интересовали их и историки Саратовского университета.

О стремительно сгущавшихся в Саратове тучах П.Г. Любомиров писал С.Ф. Платонову еще весной 1929 г.: «В Университете и, особенно, на нашем факультете, какая-то тяжелая атмосфера, удушье. Чувствуешь, что за каждым твоим шагом следят с подозрением, каждое слово встречают с недоверием. И даже не столько студенты, сколько начальство. Не чувствую, чтобы мне удалось дойти до ума студентов, добиться принятия того, что я говорю, чему учу. В некоторых группах есть необходимое доверие. Другие – настроены легкомысленно-безразлично. Но тяжелы насупленные взоры исподлобья, выводят из себя записки с целью уловить тебя в каких-нибудь противоречиях

догме. И трудно побороть это, когда воздействие против идет за твоею спиной, или когда власть имущие открыто стараются уличить тебя в «неблагонадежности»³⁸.

Судя по протоколам допросов академика Е.В. Тарле, С.Н. Чернов и П.Г. Любомиров попали в поле зрения следователей уже в мае 1930 г. Они были упомянуты Тарле как участники некой «организации», на которых С.Ф. Платонов «имел в виду опереться» в Саратове, как «члены саратовской группы», как лица, группировавшие «вокруг себя учеников, как своих, так и преподававших там Франка С.Л. и Федотова Георгия Петровича, находящихся в белой эмиграции»³⁹. В протоколе допроса самого С.Ф. Платонова от 19 сентября 1930 г. С.Н. Чернов и П.Г. Любомиров также фигурируют как члены саратовской группы мифического «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России»: «Кроме Ленинградской группы “Всенародного союза...”, была группа в Москве, Саратове. <...> Московскую группу нашей организации возглавляли, как я раньше показывал, – Богословский, Любавский, Егоров, Готье, Бахрушин; Саратовскую группу – Любомиров, Чернов, Бутенко»⁴⁰.

Поэтому ни С.Н. Чернов, ни П.Г. Любомиров избежать ареста в связи с «Академическим делом» не могли. «На основании ордера ПП ОГПУ по Н[ижне]-В[олжскому] краю от 2 ноября 1930 г., № 82 <...> уполномоченным Секретного отдела...», как явствует из составленного позже протокола, был «произведен обыск и арест у гражданина Любомирова Пав[ла] Григ[орьевича], проживавшего в г. Саратове по адресу: Крапивная улица, дом № 67, кв[артира] № 1»⁴¹. Тогда же был взят под стражу и вместе с П.Г. Любомировым конвоирован в саратовскую тюрьму С.Н. Чернов, приехавший в Саратов к больной матери и навестивший в этот день старого друга. «В одно время с ними, – вспоминала Е.Н. Кушева, – были арестованы и 4 члена исторического кружка, который Павел Григорьевич вел в Саратове при Обществе краеведения». Но, к счастью, тюремная изоляция саратовских историков, в отличие от других задержанных по «Академическому делу» ученых, продлилась недолго. Менее, чем через полмесяца с момента задержания следственные действия в отношении С.Н. Чернова и П.Г. Любомирова были полностью прекращены, а сами они «освобождены без репрессий, что было тогда редким исключением», – подчеркивала Е.Н. Кушева⁴².

Парадоксально, но особенно ревностно над изгнанием из стен Саратовского университета духа свободной научной мысли и разрушением его гуманитарного (педагогического) факультета, в составе которого с 1922 г. находилось историческое (общественно-экономическое) отделение, потрудился не кто иной, как бывший в 1927–1931 гг. деканом педфака, специалист по истории русской литературы XVI–XVII вв., профессор *Владимир Владимирович Буш (1888–1934)*.

Понять истинные мотивы неблагоприятных деяний В.В. Буша, зная его «общественно-политическую биографию», думается, несложно. Стремление всегда оставаться на верхних ступенях иерархической пирамиды власти, пользуясь ее привилегиями, и боязнь ненароком лишиться всего этого из-за своего «мелкобуржуазного» происхождения заставляло его постоянно оглядываться в прошлое и вспоминать собственные «политические заблуждения». Из автобиографии видно, что к безоговорочному принятию большевистской власти В.В. Буш пришел не сразу. Поначалу он «Октябрьскую революцию не понял: мелкобуржуазная идеология, будучи в плену идеологии буржуазной, продолжала делать ставку на буржуазно-демократический парламентский строй, который должен быть установлен Учредительным собранием». Более того, работая в Российской книжной палате, он вместе с другими ее сотрудниками примкнул «к саботажу, охватившему подавляющее большинство буржуазной интеллигенции», за что даже «был арестован Ч.К., но быстро освобожден (15–20 дней в декабре) без предъявления <...> каких-либо обвинений». Только после этого В.В. Буш «...решительно включился в советскую работу на основе *сознательного* понимания и принятия принципа Октябрьской революции – диктатуры пролетариата»⁴³.

Всю последующую жизнь он рьяно доказывал новой власти свою абсолютную лояльность и преданность. Наиболее заметно это проявилось в его работе по организации Ташкентского университета, протекавшей, по словам В.В. Буша, «в атмосфере напряженной борьбы за высшую школу на новых началах, в борьбе против остатков старых академических традиций и в борьбе за реорганизацию истор[ико]-филол[огического] факультета в педагогический». То же самое наблюдалось и в период его службы в Саратовском университете, где в течение шести с половиной лет (с конца 1924 г. по март 1931 г.) он все также «вел решительную борьбу с реакционной частью профессуры и принимал деятельное участие в пролетаризации ВУЗ’а»⁴⁴.

***

В период с 1931 по 1935 г., в связи с образованием на базе педагогического факультета с входившим в него историческим отделением самостоятельного института, подготовке специалистов-историков в Саратовском университете не велась. Благоприятные условия к восстановлению исторического образования в Саратове возникли лишь после обнародования постановления ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 15 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР», один из пунктов которого гласил: «В целях подготовки квалифицированных специалистов по истории восстановить с 1 сентября 1934 года

исторические факультеты в составе Московского и Ленинградского университетов»⁴⁵. На основании этого документа в 1934/35 учебном году в двух крупнейших университетах страны возобновили свою деятельность исторические факультеты с контингентом учащихся в 300 человек⁴⁶. Летом 1935 г. Саратовский обком ВКП (б) и облисполком обратились в правительство с ходатайством об учреждении аналогичного факультета в Саратове. И уже 8 сентября того же года наркомом просвещения РСФСР А.С. Бубновым соответствующий приказ был подписан⁴⁷. Так, третьим в РСФСР (после МГУ и ЛГУ) и первым на периферии в 1935 г. был создан, а по существу – восстановлен исторический факультет в Саратовском университете.

«Подготовительные работы к фактическому осуществлению постановления об открытии истфака были проведены ускоренными темпами: с 11 сентября был объявлен прием студентов и с 16 сентября начались занятия, правда, лишь для одной группы. С 1 октября были организованы занятия и остальных 3-х групп...»⁴⁸.

Как следует из воспоминаний Р.А. Таубина, на историческом факультете Саратовского университета, после его восстановления, «было развернуто пять исторических кафедр: истории древнего мира, истории средних веков, нового времени, зависимых и колониальных стран и истории [народов] СССР. Кафедры основ марксизма-ленинизма, философии, политэкономии были общеуниверситетскими»⁴⁹. Для нормального функционирования учебно-образовательного процесса университетской администрации предстояло решить массу неотложных вопросов. Прежде всего необходимо было подобрать квалифицированный преподавательский состав, в связи с чем к работе на истфаке были привлечены: П.С. Рыков и И.В. Сеницын (археология), В.Н. Охочимский и Г.С. Зайдель (всеобщая история), В.А. Осипов и Р.А. Таубин (история СССР), Ф.С. Большов и А.А. Комков (философия), С.Д. Альфиш (политическая экономия) и др.

«В настоящее время, – подчеркивал в 1935 г. профессор П.С. Рыков, – на факультете преподают 4 профессора, 1 доцент, 3 ассистента и 3 преподавателя по языкам. Число студентов – 110 чел[овек], причем из них 65 чел[овек] принадлежат к партийно-комсомольской группе, а по социальному происхождению 76 чел[овек] относятся к рабочей и крестьянско-колхозной группам»⁵⁰.

Из-за отсутствия своего помещения занятия по всем историческим дисциплинам проводились на первых порах в аудиториях I, II и III учебных корпусов СГУ. Но уже «ко второму полугодью истфак получил новое помещение на углу Ленинской [ныне – Московской] и Радищевской улиц. Студентам и преподавателям оно показалось хоромами. Просторно, чисто, уютно. А главное – свое собственное здание, в центре города, с выходом на две главные улицы»⁵¹, – вспоминал бывший студент, а впоследствии профессор исторического факультета СГУ С.А. Соколов.

От преподавательского состава довоенного истфака, вначале немногочисленного, подобранного из сотрудников саратовских вузов и пополненного затем москвичами и ленинградцами⁵², во многом зависел успех и будущий статус саратовской исторической науки, судьба факультета и его воспитанников. Однако основной груз ответственности за работу по укреплению учебной базы и обеспечению факультета научно-педагогическими кадрами целиком возлагался на плечи его деканов.

Первым руководителем возрожденного исторического факультета Саратовского университета был назначен видный советский археолог, краевед и организатор музейного дела, профессор Павел Сергеевич Рыков (1884–1942).

Его научно-педагогическая и общественная деятельность в Саратове началась 24 сентября 1920 г., с избранием на должность доцента и заведующего кафедрой археологии Саратовского университета. Здесь же он сдал магистерские испытания и в 1922 г. получил звание профессора. С 1923 г. П.С. Рыков являлся заместителем декана, с 1924 по 1927 г. – деканом педагогического факультета, а с 1927 по 1932 г. – заместителем ректора Саратовского университета⁵³.

В 1921–1922 гг., в результате начатых им археологических раскопок и разведок в районе Саратова и Покровска, а позже в окрестностях Хвалынского, «были обнаружены многочисленные памятники различных эпох, начиная от древне-ямной культуры и кончая поздним средневековьем»⁵⁴. В 1924 г. детальному обследованию впервые подвергся большой курганный могильник у села Суслы Саратовской области, давший уникальный материал по сарматской культуре. Так же интенсивно велись в последующие годы археологические раскопки и в других местностях края. Итогом полевых работ становились, как правило, интереснейшие музейные экспозиции и научные доклады профессора, с которыми он нередко выступал в археологической секции Саратовского общества краеведения⁵⁵.

Замечательный педагог, умелый организатор и руководитель археологических экспедиций, П.С. Рыков воспитал и подготовил к самостоятельной научной работе целую плеяду молодых талантливых исследователей. Большим дарованием и целеустремленностью из его учеников особенно выделялись: Павел Давыдович Рау (1897–1930), Николай Константинович Арзютов (1899–1942), сестры Кушевы – Анна Николаевна (1897–1991) и Екатерина Николаевна (1899–1990), П.М. Козин, Татьяна Максимовна Минаева (1896–1973), Павел Дмитриевич Степанов (1898–1974) и Иван Васильевич Сеницын (1900–1972).

Личная судьба П.С. Рыкова сложилась трагично. В августе 1937 г., обвиненный «в причастности к свержению Советской власти и реставрации капитализма путем проведения терактов против руководителей ВКП (б) и Советского правительства», он был арестован. Через полтора года постановлением закрытого судебного заседания

выездной сессии Военной коллегии Верховного Суда СССР от 24 января 1939 г. его приговорили к десяти годам заключения с отбыванием наказания во Владлаге, близ г. Владивостока. Умер П.С. Рыков 26 марта 1942 г., так и не дождавшись пересмотра своего дела, о чем не раз обращался с ходатайством и в Верховную прокуратуру СССР, и лично к И.В. Сталину⁵⁶.

Политические репрессии 1930-х гг., лишив факультет лучших его научных деятелей (Д.Б. Рязанов, Г.С. Зайдель, В.Н. Охоцимский, П.С. Рыков, Ф.С. Большов, А.И. Доватур и др.⁵⁷), нанесли серьезнейший урон развитию всей саратовской исторической науки. Печальную участь своих учителей разделили и многие воспитанники истфака, в том числе ученики и последователи П.С. Рыкова – П.Д. Рау, Н.К. Арзютов и Т.М. Минаева⁵⁸.

В этот трагический для факультета период, временно (с 1938 по 1939 г.) возглавить его работу поручено было кандидату исторических наук, доценту (с 1938 г. – профессору) *Рафаилу Абрамовичу Таубину* (1906–1976).

До вступления в новую должность он с 1935 по 1938 г. являлся заведующим кафедрой истории народов СССР⁵⁹. Несмотря на молодость, в первые же годы после возрождения кафедры Р.А. Таубин сумел придать ее облику прежнее, казалось, навсегда утраченное значение. Были возобновлены и с учетом новых запросов советской исторической науки продолжены многие начатые еще в 1920-е гг. научно-исследовательские работы. Как и раньше сотрудниками кафедры активно стали разрабатываться вопросы археологии Нижнего Поволжья, истории Саратова и Саратовского края, изучаться жизнь и деятельность Н.Г. Чернышевского, история русского крестьянства в эпоху феодализма, а также проблемы методологии истории и историографии.

Исследовательские интересы самого Р.А. Таубина относились, главным образом, к области изучения проблем общественного движения в России в 50-е гг. XIX в. и научного краеведения. Его внимание привлекали как сюжеты исторической биографии, так и страницы из истории гражданской войны в Поволжье⁶⁰.

Новому декану «...довелось возглавить факультет и работать преподавателем в очень тяжелое время “большого террора”. Во всех дошедших до нас документах, – подчеркивал профессор Г.Д. Бурдей, – он выступал громовержцем и активнейшим борцом против “врагов народа”. Но и ему не удалось избежать наказания за недостаточное усердие. Поскольку инакомыслящие чаще всего изымались на историческом факультете, Таубину приходилось выступать сокрушителем “кромолы”, в роли лидера правдолюбцев, быть у всех на виду. В этой обстановке даже партийный выговор был для него во благо. <...> Когда “большой террор” достиг своего пика, декан – первое лицо на факультете – обязан был возглавить, и возглавил борьбу за “чистоту” студенческих и преподава-

тельских рядов. Иного ему не было дано. <...> Выступая на партсобрании 26 декабря [1940 г.], Таубин скажет: “Я выполнял генеральную линию партии и никогда не примыкал ни к каким группам. Я всегда считал нужным высказывать свои принципиальные взгляды”»⁶¹.

В дальнейшем, уже после Великой Отечественной войны, ученый работал в Ульяновском педагогическом институте, защитил докторскую диссертацию по проблемам общественно-политического движения в России XIX в.⁶², продолжал установившиеся до войны научные контакты с Институтом истории СССР АН СССР, с группой по истории революционной ситуации, которую долгие годы возглавляла академик М.В. Нечкина.

В 1939–1940 гг. историческим факультетом Саратовского университета руководил заведовавший с 1938 г. кафедрой истории нового времени доцент *Борис Саулович Зевин* (1901–1941).

Свою самостоятельную трудовую деятельность он начал в марте 1918 г., когда без отрыва от учебы в школе 3-й ступени поступил контролером в пекарню. В сентябре того же года семнадцатилетним юношей Б.С. Зевин вступил в партию левых социалистов-революционеров⁶³, а через месяц – в РКП(б) и Красную гвардию. Участвовал в боях на Южном и Туркестанском фронтах.

Демобилизовавшись в 1926 г., одно время он работал в главном управлении по делам литературы и искусств Самарканда, затем заворгом Окружкома КП(б) Туркмении (Ашхабад) и членом коллегии Наркомпроса ТуркмССР. С 1935 г. Б.С. Зевин – слушатель курсов марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б). Два с половиной года он учился затем на историческом отделении Института красной профессуры (ИКП) и одновременно – в 1936/37 учебном году – преподавал в Высшей и Московской областной школе пропагандистов, а также читал курс лекций по новой истории в Московском коммунистическом институте журналистики и права.

С 5 марта 1938 г., после ликвидации ИКП и направления Б.С. Зевина в распоряжение Саратовского обкома ВКП(б), жизнь и деятельность его полностью оказались связаны с историческим факультетом Саратовского университета, где он сразу же занял «одно из почетных и ведущих мест»⁶⁴. Богатый жизненный опыт помог ему, по мнению Л.А. Дербова, «...стать видным и авторитетным руководителем кафедры <...>, а позже деканом исторического факультета. Видимо, этим же определялась и его популярность как яркого и уважаемого студентами преподавателя, лектора, создавшего впервые в нашем вузе трудный и сложный лекционный курс новейшей истории, по которому в то время не было еще ни учебников, ни пособий»⁶⁵.

Эту точку зрения подтверждают и ряд архивных источников, в частности, сохранившаяся в личном деле Б.С. Зевина копия его обращения в

марте 1941 г. в ВАК с просьбой разрешить ему «представить для защиты на степень кандидата исторических наук 65 стенограмм <...> лекций, используемых в качестве учебного пособия»⁶⁶. Получив на свой запрос положительный ответ – «...против предоставления в качестве диссертации стенограммы курса В[аших] лекций по новой истории Высшая Аттестационная Комиссия не возражает»⁶⁷, – Б.С. Зевин не успел, однако, воспользоваться представившейся возможностью: уйдя добровольцем на фронт, он погиб в самом начале войны⁶⁸.

После оставления в 1940 г. Б.С. Зевиным поста декана исторического факультета, на эту должность была назначена кандидат исторических наук, доцент кафедры истории народов СССР *Тамара Лукинична Морозова (1909–2001)*.

Подобно своим предшественникам, руководить истфаком ей пришлось в период страшных сталинских репрессий. Противостоять, а тем более открыто бороться с тоталитарным режимом, отваживались считанные единицы. Большинство же людей – невольных свидетелей судебного произвола, молча переживая общую трагедию, лишь украдкой осмеливались сочувствовать попавшим в беду товарищам. Но для того времени даже такое «опосредованное» участие в судьбах обреченных современники расценивали как исключительно смелый и рискованный поступок.

К этой категории нравственно не сломленных граждан принадлежала и Т.Л. Морозова. Постепенно постигая азы административно-организационной работы, она, по оценке профессора Г.Д. Бурдея, «...проявила максимум собранности, жестко поставила вопрос о необходимости усиления дисциплины, повышения чувства ответственности. Когда читаешь ныне строки острых партийных решений того времени, как-то трудно представить нам, тогда еще беспартийным, нашего декана – миловидную женщину с голубыми глазами, такой воительницей, такой острой, смелой и решительной. <...> Однако и ей, – замечал бывший студент истфака, – при всем старании, удавалось делать далеко не все»⁶⁹.

В годы Великой Отечественной войны Т.Л. Морозову направили на работу в отдел школ и науки Саратовского обкома ВКП (б). Позже она жила в Москве, трудилась в центральном партийном аппарате, поднимала отстающий колхоз и, наконец, будучи частым гостем в Институте истории СССР АН СССР, снова вернулась к научной деятельности.

Т.Л. Морозова дожила до глубокой старости, скончавшись в 2001 г. в возрасте 92 лет.

В период с 1937 по 1940 г. на историческом факультете Саратовского университета работала и некоторое время (1939–1940 гг.) заведовала кафедрой истории народов СССР профессор *Анна Михайловна Панкратова (1897–1957)*.

Ее приезд в Саратов, хотя и походил на административно-политическую ссылку, для местных

историков явился очень важным событием, в корне изменившим их научно-исследовательскую и педагогическую жизнь. Будучи одним из ведущих советских историков, крупным ученым и организатором науки, А.М. Панкратова «щедро делилась со своими учениками и сотрудниками богатым опытом и знаниями, была инициатором всех научно-педагогических и общественно-политических начинаний на факультете. По ее инициативе, – вспоминал Л.А. Дербов, – при истфаке была организована аспирантура, велась интенсивная работа по повышению квалификации молодых преподавателей, защищались диссертации, печатались научные труды. <...> А.М. Панкратова в годы своего пребывания в Саратове завершила работу по подготовке к изданию известного всей стране школьного учебника по истории СССР, который потом выдержал более 20 изданий, был переведен на многие языки народов Советского Союза и зарубежных стран...»⁷⁰

По отзывам современников⁷¹, А.М. Панкратова умела легко объединять вокруг себя работоспособных и талантливых исследователей, чему в немалой степени способствовали ее личные качества. Исключительная требовательность к себе и к работам своих помощников, способность увлечь окружавших ее людей новой смелой идеей и постоянная готовность к самопожертвованию – все это подкупающее действовало на молодежь.

Предвоенный исторический факультет существовал в составе шести кафедр: истории народов СССР, истории древнего мира, истории средних веков, истории нового времени, истории колониальных и зависимых стран, археологии и этнографии. «Научная деятельность этих кафедр, – указывал Л.А. Дербов, – отражала потребности тогдашнего этапа развития советской исторической науки и охватывала актуальную проблематику. Саратовские историки работали над историей народов Поволжья и Саратовского края, занимались изучением наследия Н.Г. Чернышевского, проводили археологические исследования, разрабатывали темы по истории русского крестьянства, вопросы историографии и другие важные проблемы отечественной и зарубежной истории»⁷². В условиях отсутствия необходимых для высшей школы учебников и обобщающих научных работ университетские ученые разрабатывали собственные учебные и методические пособия. Особое значение в это время «имели самостоятельно подготовленные курсы истории СССР советского времени (А.М. Панкратова), истории новейшего времени (Б.С. Зевин), истории колониальных и зависимых стран (А.М. Дубинский), русской историографии (А.Л. Шапиро)...»⁷³.

В 1940 г. состоялся первый выпуск исторического факультета – из 52 студентов пятого курса 16 получили дипломы с отличием⁷⁴. Некоторая часть молодых специалистов-историков осталась работать на гуманитарных кафедрах в Саратовском университете (А.П. Васильчук, В.И. Ивакин,

С.А. Соколов, П.А. Кузнецов, Н.Г. Гончаренко, П.А. Анохин), другие поступили в аспирантуру (В.А. Ермолаев, Н.В. Афанасьев, Н.Н. Мельников, В.М. Гохлернер). Многие из числа первых выпускников истфака впоследствии стали крупными дипломатами, военными деятелями, партийными и государственными служащими (В.Ф. Грубяков, М.Ф. Кучмин, А.В. Шукин, Н.Ф. Кузьмин и др.).

Невзирая на трудности и невзгоды довоенной сталинской эпохи, исторический факультет Саратовского университета продолжал жить полной и насыщенной жизнью. Так продолжалось до начала Великой Отечественной войны, коренным образом изменившей условия работы не только саратовских историков, но и всей страны в целом.

***

В воскресенье, 22 июня 1941 г., в 9-й аудитории IV корпуса СГУ, в котором помещался исторический факультет, собрались на митинг преподаватели и студенты. Звучавшие на нем речи были немногословны:

«Мы – историки, а это значит, что в момент опасности, нависшей над Родиной, должны не только изучать историю, а в меру сил делать ее, в данный момент – защищать ее от опасного врага»⁷⁵ (Б.С. Зевин).

После таких призывных заявлений десятки студентов и преподавателей истфака, взяв в руки оружие, влились в ряды Красной Армии, другие были мобилизованы для выполнения различных работ оборонного значения. С войной кардинально изменилась сама система подготовки кадров историков: вместо привычных пяти лет обучения в университете вводился трехлетний учебный план, но и его выполнение нередко напрямую зависело от фронтовых сводок и распоряжений военных властей. В результате, 1941/42 учебный год в Саратовском университете реально начался лишь в конце декабря. Из 400 студентов историко-филологического факультета (осенью 1941 г. при истфаке открыли филологическое отделение) к занятиям приступили всего 124 человека – 66 историков и 58 филологов. При этом учебу в университете большинство из них «совмещали с самой разнообразной работой по возведению оборонительных сооружений, в госпиталях, на фабриках и заводах, на заготовке дров и уборке урожая»⁷⁶. Существенно сократились тогда «материальная база, учебные площади (учебный корпус факультета был передан на время войны другой организации). Остро ощущался недостаток научно-педагогических кадров (на некоторых кафедрах оставалось всего 2–3 сотрудника). Помещения, в которых проводились занятия, почти не отапливались, плохо освещались»⁷⁷.

Ощутимые коррективы война внесла и в тематику научных исследований, выдвинув на передний план военно-исторические проблемы, связанные с изучением и пропагандой среди

населения героического прошлого родной страны и борьбы нашего народа против иноземных захватчиков. К решению этих и других задач военного времени наряду с саратовскими историками активно привлекались и некоторые крупные исследователи московских и ленинградских вузов, на период эвакуации пополнившие собой профессорско-преподавательский коллектив Саратовского университета⁷⁸.

Так, кафедру истории СССР в 1941–1942 гг. возглавлял известный специалист по истории России эпохи феодализма и русской историографии, профессор Московского университета *Николай Леонидович Рубинштейн (1897–1963)*, одновременно исполнявший обязанности декана историко-филологического факультета СГУ⁷⁹.

В 1943–1944 гг. кафедрой истории СССР Саратовского университета руководил другой видный российский ученый, крупный знаток социально-экономических проблем и классовой борьбы в России в эпоху феодализма, истории русской государственности и военной истории, профессор Ленинградского университета *Владимир Васильевич Мавродин (1908–1987)*⁸⁰.

Имея за плечами богатый научно-исследовательский и педагогический опыт работы, оба историка, хотя и представляли разные вузы страны, в бытность свою в Саратове приложили максимум усилий и знаний в деле изучения и популяризации военно-патриотических традиций отечественной истории.

В обозрении деятельности исторического факультета ЛГУ за время его эвакуации профессор О.Л. Вайнштейн подчеркивал: «Как занятия со студентами, так и особенно научная работа нашего факультета были организованы в тесном контакте с преподавателями истфака Саратовского государственного университета. <...> Объединившись с ними, мы организовали серию открытых заседаний двух исторических факультетов, на которых ставились научные доклады. Эти “субботники”, как их называли, привлекали подчас обширную аудиторию студентов, учителей, военных политработников Саратова. Доклады вызвали весьма оживленные прения. Интерес довольно широких кругов саратовской общественности к этим совместным заседаниям объясняется в немалой степени актуальной тематикой докладов»⁸¹.

Аналогичными наблюдениями делился с читателями «Исторического журнала» и назначенный в 1942 г. деканом историко-филологического факультета СГУ, доцент кафедры истории народов СССР *Григорий Михайлович Деренковский (1912–1978)*⁸².

Отмечая большой подъем научно-исследовательской работы саратовских историков, он писал: «За время Великой Отечественной войны научные работники факультета опубликовали ряд статей как в местной, так и в республиканской печати.

Вышла из печати брошюра проф. Н.Л. Рубинштейна “Полководческое искусство Су-

ворова”⁸³. Выходят из печати брошюры: Дубинского А. “Война на Тихом океане”⁸⁴ (3 п. л.); Генделя Г. “Германия и ее вассалы”⁸⁵ (3 п. л.); Деренковского Г. “Отечественная война против немецких оккупантов в 1918 году”⁸⁶. Проф. Н.Л. Рубинштейн готовит к печати исследовательский очерк “Возникновение народного ополчения в России в начале XVII века”⁸⁷ (4 п. л.). В очередных номерах журнала “Советская археология” (№№ 8 и 9) будут опубликованы статьи доц. И.В. Сеницына “Памятники сарматской культуры Нижнего Поволжья” и “Предскифская культура в степях юга Поволжья”⁸⁸. В материалах, издаваемых Институтом истории материальной культуры АН СССР, должна выйти его же статья “Археологические исследования в Нижнем Поволжье в 1937–1939 годах”⁸⁹. В кабинетах истории СССР и новой истории составляется библиография всей выходящей литературы и печатаемых в журналах статей, посвященных Великой Отечественной войне”⁹⁰.

О научном содружестве в годы войны ученых-гуманитариев Саратовского и Ленинградского университетов свидетельствовал также ряд успешно проведенных совместных защит кандидатских диссертаций, в том числе выполненных саратовскими историками – А.М. Дубинским, И.В. Сеницыным, А.Л. Шапиро и Л.А. Дербовым⁹¹.

Не всем питомцам довоенного истфака повезло выжить в смертельной схватке с врагом. Многие из них навсегда остались на поле брани, в том числе бывший декан исторического факультета Б.С. Зевин, студенты Вячеслав Шеметов, Николай Пузанов, Василий Садиков, Фёдор Самсонов, Иван Хмелев и многие другие. Их подвиг навечно запечатлен в мраморном обелиске, открытом во дворе университетского городка в память всех, не вернувшихся с войны сотрудников и студентов Саратовского университета. Те же, кто уцелел и вернулся к мирной жизни (Н.Я. Казаков, удостоенный звания Героя Советского Союза, Н.Ф. Кузьмин, И.В. Мальшев, В.А. Ермолаев, И.В. Порох, Г.Д. Бурдей и другие), до конца своих дней свято чтят память о погибших товарищах.

Общие думы фронтовиков выразил в письме к членам группы «Поиск» бывший студент-истфаковец И.Ф. Аношкин: «Все, что сделано каждым из нас, оставшихся в живых, в частности мною, кажется песчинкой в гигантском горном хребте, воздвигнутом советскими людьми и названном словом “Победа”. С одной стороны, теплится чувство гордости за участие в этой общей борьбе. С другой – давит щемящее чувство неоплаченного долга перед теми миллионами наших соотечественников и зарубежных боевых соратников, которые завоевали эту победу не только ценой напряжения всех своих сил, но и своей кровью, своей жизнью»⁹².

***

В послевоенные годы исторический факультет постепенно восстановил свои силы, пополнил преподавательский состав, значительно увеличил прием студентов. В 1945 г. гуманитариям вернули их любимый IV учебный корпус на площади Революции (ныне – Театральной), в котором вместе с историками разместился тогда же и вновь образованный филологический факультет. Возрожденная общими усилиями учебно-методическая база позволила уже в первый послевоенный 1945/46 учебный год организовать на истфаке относительно нормальные занятия со студентами. Более благоприятными стали и условия для развития научно-исследовательской деятельности факультета.

Немалая заслуга во всем этом процессе принадлежала крупному ученому-археологу, с 1943 по 1953 г. являвшемуся деканом исторического факультета СГУ, доценту (с 1965 г. – профессору) *Ивану Васильевичу Сеницыну (1900–1972)*.

Выходец из бедной крестьянской семье, трудовой путь он начал народным учителем. Затем в течение почти полувека его жизнь была связана с Саратовским университетом, где И.В. Сеницын, будучи студентом, получил научную подготовку под руководством основателя саратовской школы археологов профессора П.С. Рыкова⁹³.

Перед деканом истфака в военный и послевоенный периоды вставало немало острых и злободневных задач. Но, пожалуй, самая сложная из них заключалась в восстановлении потрепанного войной факультетского хозяйства и пополнении его преподавательского состава. Последняя проблема, по свидетельству Л.А. Дербова, «...была успешно решена частично путем приглашения некоторых ведущих работников, но главным образом путем воспитания собственных научно-педагогических кадров из числа молодых историков, окончивших истфак»⁹⁴.

В 1945 г. на факультете был восстановлен прием в аспирантуру, и большинство сотрудников, ставших позже живой легендой истфака и общепедагогических кафедр гуманитарного профиля, прошли через эту форму учебы.

Осенью 1955 г. в связи с объединением исторических факультетов университета и педагогического института саратовский истфак получил очередное солидное пополнение своих рядов. В его штат были зачислены высококвалифицированные и перспективные работники – В.К. Медведев, А.Ф. Остальцева, М.С. Персов, защитившие впоследствии докторские диссертации и ставшие в стенах университета профессорами⁹⁵.

В дни празднования 40-летней годовщины восстановленного в 1935 г. исторического факультета тогдашний его декан, профессор Г.А. Герасименко, с гордостью замечал, что в течение 1950–1960-х гг. саратовский истфак «...превратился в одно из крупных учреждений подобного рода в

РСФСР, в базу по подготовке историков Поволжья»⁹⁶. И снова, как в прежние времена, уровень и качество учебной и научно-исследовательской работы на факультете, сохранение и умножение традиций университетской исторической науки во многом зависели от тех, кому в этот и последующие периоды выпал почетный жребий руководить деятельностью саратовского истфака.

Двенадцать лет, с 1953 по 1965 г., его деканом являлся кандидат исторических наук, доцент кафедры истории СССР досоветского периода *Владимир Алексеевич Осипов (1905–1994)*.

Ученый и педагог, наставник студенческой и преподавательской молодежи, он являлся старейшиной и главой саратовских краеведов. Научные исследования В.А. Осипова, начиная с кандидатской диссертации⁹⁷, подготовленной под руководством академика Ю.В. Готье и защищенной в 1940 г., «охватывают широчайший круг проблем истории Саратовского края, от глубокой древности до советского периода включительно. Ему принадлежит ценная, дважды (в 1940 и 1947 гг.) изданная монография “Саратовская организация РСДРП в 1905–1907 гг.” Он – автор ряда учебных пособий, редактор и составитель документальных сборников и популярной хрестоматии по истории Саратовского края 1590–1917 гг., также выдержавшей два издания. Под редакцией и с участием В.А. Осипова подготовлен капитальный коллективный труд “История Саратовского края с древнейших времен до 1917 г.” в двух томах <...>.

В начале 60-х годов первым в СГУ В.А. Осипов разработал лекционный курс по истории Саратовского края, читал его в течение четверти века на высоком профессиональном уровне. Факультет обязан ему и образцовой постановкой спецкурсов, спецсеминаров по истории края, курса архивоведения и архивной практики»⁹⁸.

Владимир Алексеевич «активно проявил себя и за пределами университета в качестве председателя президиума Саратовского городского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры и заместителя председателя областного Совета этого общества. Особого внимания заслуживает такая страница его биографии, как специальная командировка на 1954–1955 гг. в Румынию для работы в Бухарестском университете советником ректора и преподавателем истории СССР»⁹⁹.

С 1965 по 1970 г. истфаком руководил заведующий кафедрой истории нового времени, кандидат исторических наук, доцент *Игорь Сергеевич Кашкин (1921–1994)*.

Все свои силы он отдавал совершенствованию учебного процесса, организации научно-исследовательской работы. Прекрасные организаторские способности, энергичность и деловитость в решении насущных для факультета вопросов снискали И.С. Кашкину всеобщее уважение и заслуженный авторитет у коллег по работе и сту-

денческой молодежи. Последним он был известен не только как популярный лектор по сложному курсу новейшей истории стран Азии и Африки, но и как декан, знавший каждого студента и всегда готовый помочь в трудную минуту.

Воспитанник исторического факультета МГУ, в 1950 г. окончивший его же аспирантуру, И.С. Кашкин с успехом защитил диссертацию по истории внешней политики Турции накануне Второй мировой войны. Научным руководителем был А.Ф. Миллер, а оппонентом – академик И.М. Майский. Они-то и дали путевку в жизнь молодому ученому.

С тех пор из-под его пера вышло более двадцати научных трудов, занявших достойное место в ряду исследований отечественных балканистов¹⁰⁰. Игорь Сергеевич неоднократно участвовал в работе различных научных форумов – XIII Всемирного конгресса историков в Москве, конгресса балканистов в Софии.

Дважды, в 1970–1973 и в 1980–1981 гг., деканом исторического факультета был кандидат исторических наук, доцент, а ныне профессор *Владимир Ильич Тюрин (род. в 1938 г.)*.

В течение семи лет, с 1973 по 1980 г., эту же должность занимал известный специалист по истории русского освободительного движения, истории становления и развития местных органов власти в Нижнем Поволжье и земского самоуправления в России, доктор исторических наук, профессор *Григорий Алексеевич Герасименко (1931–2005)*.

Выходец из крестьянской семьи, бывший военный летчик, в 1959 г. он успешно окончил исторический факультет Саратовского университета. В 1965 г. защитил кандидатскую диссертацию, освещающую вопросы партийной борьбы в Советах Нижнего Поволжья в 1917 г., а в 1973 г. – докторскую, посвященную изучению деятельности низовых крестьянских организаций в 1917 – первой половине 1918 г.¹⁰¹

Позже, начиная с 1980 г., Г.А. Герасименко жил и работал в Москве, занимая в разные годы ответственные руководящие посты в Высшей комсомольской школе при ЦК ВЛКСМ и Академии общественных наук при ЦК КПСС (ныне – Российская Академия государственной службы при Президенте Российской Федерации).

После непродолжительного второго деканства В.И. Тюрина в 1981 г. во главе факультета встал кандидат исторических наук, доцент кафедры истории СССР досоветского периода *Иван Васильевич Галактионов (1921–1995)*.

Его научная, педагогическая и общественная деятельность с первого послевоенного года и до смерти прочно была переплетена с жизнью Саратовского университета. Вначале в качестве студента, затем аспиранта и преподавателя кафедры истории СССР он вошел в коллектив исторического факультета и навсегда остался в его анналах.

Со студенческой скамьи проникшись глубоким интересом к исследовательской работе, И.В. Галактионов всерьез занялся изучением международных отношений и внешней политики России XVI–XVII вв. Этим сюжетам он посвятил свое дипломное сочинение, кандидатскую диссертацию¹⁰² и первые печатные труды¹⁰³. Магистральным направлением его научных изысканий стало «...изучение различных аспектов русско-польских отношений во второй половине XVII века и, в связи с этим, деятельности выдающегося русского дипломата того времени А.Л. Ордина-Нащокина»¹⁰⁴.

Всему факультету хорошо была известна и его преподавательская деятельность. Он читал общие и специальные курсы по истории СССР досоветского периода, вел разнообразные практические занятия и семинары, руководил дипломными и аспирантскими работами. В памяти многих студентов-историков он навсегда остался как очень требовательный и, вместе с тем, удивительно доброжелательный педагог-наставник, искренне любивший молодежь.

В 1988 г. на должность декана исторического факультета был избран заведующий кафедрой истории нового и новейшего времени, доктор исторических наук, профессор *Игорь Данилович Парфёнов (1938–2001)*.

Выпускник саратовской школы, золотой медалист, он пришел учиться на истфак в 1955 г. Специализируясь по кафедре истории нового и новейшего времени у профессора А.Ф. Остальцевой, в 1960 г. И.Д. Парфёнов защитил дипломную работу по истории Великобритании, затем год работал старшим библиографом в Научной библиотеке СГУ. «...Отличная библиографическая подготовка, – вспоминал Игорь Данилович, – потом сыграла важную роль, когда я стал заниматься историей серьезно, поступив в аспирантуру»¹⁰⁵, где под руководством А.Ф. Остальцевой приступил к изучению неокolonиальной политики лейбористского правительства Англии в 1945–1951 гг.

Защита его кандидатской диссертации состоялась в 1965 г. в Пермском университете (первый оппонент – профессор Л.Е. Кертман). Докторскую же по совету своего друга и официального оппонента, известного отечественного специалиста по истории Англии Н.А. Ерофеева (два других оппонента – академик С.Л. Тихвинский и профессор К.Б. Виноградов), Игорь Данилович защищал уже в Институте всеобщей истории АН СССР¹⁰⁶.

В 1983 г. И.Д. Парфёнов стал профессором, читал курсы по истории мировой исторической науки, методологии истории, вел спецсеминары по истории колониализма. В годы его заведования кафедрой на ней сложились новые научные направления: история общественной мысли, история колониализма и постколониального развития стран Азии и Африки. Ученый стремился не просто сохранить, но в меру отпущенных сил и возможностей преумножить научные и образо-

вательные традиции, он искренне радел о судьбе кафедры и всего факультета, защищая не личные амбиции, а интересы коллектива.

И.Д. Парфёнов обладал также редким даром педагога-наставника, подготовив к защите 19 кандидатов исторических наук. Его аспирантами в разные годы были: В.С. Мирзеханов (защитивший под руководством И.Д. Парфёнова и докторскую диссертацию), С.Е. Летчфорд, А.В. Гладышев (ныне доктор исторических наук, профессор), М.Д. Никитин, Е.Ю. Лыкова, Н.И. Николаева, А.В. Баранов и многие другие известные в нашем университете и за его пределами историки.

Стоит признать, что руководить историческим факультетом И.Д. Парфёнову довелось в весьма непростое время: рушились старые идеологические символы, классическое университетское образование и отечественная историческая наука мучительно вживались в рыночные отношения, оставляя при этом «...за бортом науки пену сиюминутной конъюнктуры и сохраняя все то ценное, что было накоплено за многие десятилетия»¹⁰⁷.

«Раньше деканы в основном занимались судьбой студентов, всем остальным – кафедры. Мне, – вспоминал Игорь Данилович, – пришлось сосредоточиться на глобальных проблемах, прежде всего, кадровых: шла смена поколений, нужно было по-новому строить работу со школой – проблема конкурса при поступлении становилась острой. Надо было развивать международные связи. Организовывать борьбу за гранты на научные исследования (дело тоже новое) и, наконец, изменять учебный план и открывать новые специальности»¹⁰⁸.

За десять лет своего руководства историческим факультетом Игорь Данилович блестяще справился со всеми стоявшими перед ним задачами. Возглавляемый им факультет сохранил за собой славу одного из лучших истфаков страны. Серьезным подспорьем для его развития в эти годы стало участие саратовских историков в реализации большой международной программы академической мобильности с зарубежными научно-исследовательскими и учебно-образовательными центрами – проекта Европейского союза Tempus TACIS T-JEP 08501-94 «Социальные науки: междисциплинарный подход» (1995–1997 гг.) в тесном сотрудничестве с университетами городов Пуатье, Анже (Франция) и Гранада (Испания).

Работа в рамках этой программы привела к качественной трансформации системы обучения на факультете, модернизации учебных планов, открытию новой специальности «Социально-культурный сервис и туризм», призванной готовить организаторов туризма, гидов-переводчиков и преподавателей истории мировой культуры. В этот же отрезок времени на факультете появился компьютерный класс и свой издательский центр, что способствовало увеличению объема и качества выпускаемой истфаком научной и учебно-методической печатной продукции. Достигнутые сов-

местными усилиями высокие научные и учебные показатели явились надежным ориентиром для будущего процветания как самого факультета, так и в целом всей саратовской исторической науки.

Весной 1999 г. произошло очередное, второе по счету (первое – в 1955 г.) слияние университетского истфака с историческим факультетом Саратовского пединститута, заметно повысившее его интеллектуально-образовательный ресурс (двое бывших работников пединститута – А.В. Гладышев и А.П. Мякшев – позже стали докторами исторических наук¹⁰⁹). В том же году факультет переехал из легендарного IV корпуса на Театральной площади в наспех отремонтированное здание бывшего вертолетного училища на углу улиц Московской и Университетской. Последняя смена его «прописки» произошла в декабре 2005 г.

***

С декабря 1998 г. по настоящее время исторический факультет Саратовского государственного университета возглавляет его воспитанник, доктор исторических наук, профессор *Велихан Салманханович Мирзаханов* (род. в 1962 г.).

С именем этого молодого, энергичного, поновому мыслящего ученого и незаурядного администратора связаны наиболее значимые сдвиги в жизни саратовского истфака. Самое главное, что ему удалось достичь в период своего деканства – это вселить в души коллег уверенность в завтрашнем дне. Мобилизовав доставшийся в наследство от былых времен внушительный научно-педагогический потенциал факультета, он выдвинул перед коллективом «невероятно талантливых людей»¹¹⁰ новые сверхзадачи: создание на истфаке современных наукоемких технологий и поиск широких возможностей для долгосрочной и глубокой интеграции его достижений не только в российское, но и в мировое интеллектуальное пространство.

С 2000 г. исторический факультет участвовал в мегапроекте «Развитие образования в России» Института «Открытое общество» в программе поддержки кафедр. Первоначально победил проект кафедры истории нового и новейшего времени (руководитель – зав. кафедрой, профессор И.Д. Парфёнов) в сотрудничестве с Институтом всеобщей истории РАН, а в 2001 г. – проект кафедры истории России (руководитель – зав. кафедрой, профессор Н.А. Троицкий) в сотрудничестве с Санкт-Петербургским филиалом Института российской истории РАН (ныне – Санкт-Петербургский Институт истории РАН).

Другим знаменательным событием в жизни гуманитариев стало создание в ноябре 2001 г. при Саратовском государственном университете Межрегионального института общественных наук (МИОН), главным инициатором и системообразующим элементом которого выступил исторический факультет СГУ. В наши дни Сара-

товский МИОН является крупным научно-исследовательским объединением, сосредоточившим в своих рядах лучших представителей социально-гуманитарных наук Саратовского университета, ученых-обществоведов из других вузов города и целого ряда регионов России. Постоянно расширяется география его научных связей, прочатся международные контакты.

Саратовский МИОН пробудил в сознании большинства саратовских гуманитариев необходимость и желание активного участия в грантовой политике. И очень скоро научные работники ощутили от этого вполне реальную выгоду.

Благодаря выигранным грантам – индивидуальным и коллективным – многие сотрудники исторического факультета получили возможность стажироваться и вести исследования в самых престижных научных центрах мира: в Доме наук о человеке в Париже, в Национальном центре научных исследований Лионского университета, в университетах Гарварда, Дуйсбурга-Эссена, Стенфорда, Беркли и других. Наряду с ведущими учеными исследовательские центры США и Западной Европы в последнее время посетили десятки аспирантов и студентов истфака. Летнюю практику в 2006 г. на базе отелей «Риксос» (Турция) и различных туристических центров США в общей сложности прошел 31 студент истфака, обучающихся на 2-м, 3-м и 4-м курсах по специальности «Социально-культурный сервис и туризм».

В свою очередь, в феврале – мае 2006 г. в рамках реализации исследовательского проекта «Генезис неолита в зоне лесостепи междуречья Волги и Урала» (научный руководитель – зав. кафедрой археологии и этнографии, доцент В.А. Лопатин) на истфаке стажировался аспирант Варшавского университета¹¹¹. Кроме того, исторический факультет СГУ несколько лет назад выиграл «очень впечатляющий грант, позволяющий обучать 30 молодых перспективных ученых из стран Восточной Европы и бывшего Советского Союза»¹¹².

Из 135 сотрудников истфака 25 имеют ученую степень доктора наук и 84 – кандидата наук. Это сильный и квалифицированный научно-педагогический коллектив, способный успешно решать стоящие перед ним исследовательские и учебно-воспитательные задачи в различных областях истории, изучения культурного наследия и права. О признании вклада саратовских историков в развитие отечественной и мировой социально-гуманитарной науки убедительно свидетельствует сам факт открытия в сентябре 2003 г. на базе исторического факультета СГУ филиала Института всеобщей истории РАН.

На факультете регулярно проводятся международные и всероссийские научные конференции, издаются межвузовские сборники: «Античный мир и археология», «Средневековый город», «Освободительное движение в России», «Новая и новейшая история», «Историографический

сборник», «Поволжский край», «Археология Восточно-Европейской степи», «Военно-исторические исследования в Поволжье» и «Саратовский краеведческий сборник». Только за последние три года (2004–2006) сотрудниками истфака опубликовано (включая зарубежные издания) 758 научных и учебно-методических работ общим объемом 2303 печатных листа, в том числе: 16 монографий (202 п. л.), 646 статей (475 п. л.) и 96 учебных пособий (823 п. л.) Выпускникам общеобразовательных школ хорошо известны учебники по истории средних веков Н.И. Девятайкиной, по истории нового и новейшего времени А.А. Кредера, по истории России XIX в. Н.А. Троицкого, по истории Саратовского Поволжья М.В. Булычёва, А.В. Воронезцева, Е.К. Максимова и В.П. Тотфалушина¹¹³.

В состав исторического факультета входят двенадцать кафедр: истории древнего мира, истории средних веков, истории нового, новейшего времени и международных отношений, истории России, отечественной истории в новейшее время, историографии и региональной истории, археологии и этнографии, истории российской цивилизации, туризма и культурного наследия, теории и истории государства и права, публичного права, российского и международного частного права. По данным на 1 января 2006 г. на факультете обучалось 1822 студента (дневное, вечернее и заочное отделения), проходивших подготовку по шести специальностям высшего профессионального образования: «История» – 020700 (дневное, вечернее, заочное); «Социально-культурный сервис и туризм» – 230500 (дневное, заочное); «Юриспруденция» – 021100 (дневное, заочное); «Международные

отношения» – 350200 (дневное); «Искусствоведение» – 020900 (дневное, заочное); «История» – 032600 педагогическая (дневное)¹¹⁴.

Современный истфак – это твердо стоящий на ногах и динамично развивающийся факультет, готовый к открытому и плодотворному сотрудничеству со всеми, кому дороги академические традиции и небезразличны настоящее и будущее Саратовского университета. Сейчас он является одним из крупнейших учебно-научных структур гуманитарного профиля в Российской Федерации.

***

Такова общая канва и главные особенности становления и развития исторического факультета Саратовского государственного университета с 1917 г. и до настоящего времени. За 90-летний период своей истории его коллектив переживал и творческие взлеты, и немислимые трагедии, нередко лишавшие ученых не только их профессорских званий, но и жизни – в сталинских лагерях. Однако выпавшие в прошедшие и нынешние времена на долю саратовских историков тяжелые испытания не смогли, в конечном счете, истребить в них твердого желания и впредь честно делать свою работу, добиваться высоких научных результатов и готовить себе талантливую молодую смену. И как показало время, заложенные на факультете первыми его сотрудниками славные научные традиции не только не канули в Лету, но, став достоянием новых поколений исследователей, получили еще большее развитие.

ДЕКАНЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА СГУ (1917–2007)

№ п/п	Ученое звание	Фамилия, имя, отчество, годы жизни	Время работы деканом
а) Историко-филологический факультет:			
1.	профессор	Франк Семен Людвигович (16 (28).01.1877 – 10.12.1950)	12.09.1917 – 22.09.1918
2.	профессор	Бутенко Вадим Аполлонович (30.06 (12.07).1877 – 14.09.1931)	22.09.1918 – 1.04.1919
3.	профессор	Баллод Франц Владимирович (26.07 (7.08).1882 – 8.08.1947)	1.04.1919 – май 1921
б) Факультет общественных наук (ФОН):			
1.	профессор	Юровский Леонид Наумович (24.04 (6.05).1884 – 17.09.1938)	30.04.1919 – 2.06.1920
2.	профессор	Бутенко Вадим Аполлонович	2.06.1920 – 1921
3.	профессор	Юшков Серафим Владимирович (4 (16).04.1888 – 14.08.1952)	1921 – 1922
в) Педагогический факультет:			
1.	профессор	Юшков Серафим Владимирович	1922 – 1924
2.	профессор	Рыков Павел Сергеевич (7 (19).10.1884 – 26.03.1942)	1924 – 1927
3.	профессор	Буш Владимир Владимирович (4 (16).01.1888 – 14.05.1934)	1927 – 1931

№ п/п	Ученое звание	Фамилия, имя, отчество, годы жизни	Время работы деканом
з) Исторический факультет:			
1.	профессор	Рыков Павел Сергеевич	1935–1937
2.	доцент	Таубин Рафаил Абрамович (13 (26).10.1906 – 25.02.1976)	1938 – апр. 1939
3.	доцент	Зевин Борис Саулович (2 (15).08.1901 – 17.10.1941)	апр. 1939 – 28.04.1940
4.	доцент	Морозова Тамара Лукинична (27.04 (10.05).1909 – 31.10.2001)	28.04.1940 – 31.10.1941
д) Историко-филологический факультет:			
1.	профессор	Рубинштейн Николай Леонидович (23.12 (4.01).1897 – 26.01.1963)	31.10.1941 – 1942
2.	доцент	Деренковский Григорий Михайлович (29.11 (12.12).1912 – 26.12.1978)	1942 – апр. 1943
3.	доцент	Синицын Иван Васильевич (21.02 (6.03).1900 – 11.08.1972)	апр. 1943 – 1945
е) Исторический факультет:			
1.	доцент	Синицын Иван Васильевич	1945 – 1953
2.	доцент	Осипов Владимир Алексеевич (1 (14).03.1905 – 11.01.1994)	1953 – 1965
3.	доцент	Кашкин Игорь Сергеевич (30.01.1921 – 11.05.1994)	1965 – 1970
4.	доцент	Тюрин Владимир Ильич (род. 8.09.1938)	1970 – 1973, 1980 – 1981
5.	профессор	Герасименко Григорий Алексеевич (19.08.1931 – 13.08.2005)	1973 – 1980
7.	доцент	Галактионов Иван Васильевич (15.02.1921 – 12.03.1995)	1981 – 1988
8.	профессор	Парфёнов Игорь Данилович (6.05.1938 – 2.12.2001)	1988 – дек. 1998
9.	профессор	Мирзаханов Велихан Салманханович (род. 10.12.1962)	дек. 1998 – 14.04.2006; 12.05.2006 – н/вр.

ЗАВЕДУЮЩИЕ КАФЕДРАМИ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА СГУ (1917–2007)

№ п/п	Ученое звание	Фамилия, имя, отчество, годы жизни	Время работы заведующим кафедрой
Кафедра археологии:			
1.	профессор	Рыков Павел Сергеевич (7 (19).10.1884 – 26.03.1942)	24.09.1920 – 1922
2.	профессор	Синицын Иван Васильевич (21.02 (6.03).1900 – 11.08.1972)	1940 – 1941; 1943 – 1944
Кафедра археологии и этнографии:			
1.	доцент	Лопатин Владимир Анатольевич (род. 30.12.1953)	1.09.2005 – н/вр.
Кафедра русской истории:			
1.	профессор	Веретенников Василий Иванович (21.08 (2.09).1880 – 1942)	1917 – 1920
2.	профессор	Любомиров Павел Григорьевич (10(22).08.1885 – 7.12.1935)	1920 – 1931

№ п/п	Ученое звание	Фамилия, имя, отчество, годы жизни	Время работы заведующим кафедрой
Кафедра истории народов СССР (до разделения в 1963 г.):			
1.	профессор	Таубин Рафаил Абрамович (13 (26).10.1906 – 25.02.1976)	окт. 1935 – 20.08.1939; 1.09.1940 – 1941
2.	профессор	Панкратова Анна Михайловна (28.01 (9.02).1897 – 25.05.1957)	20.08.1939 – 1.09.1940
3.	профессор	Рубинштейн Николай Леонидович (23.12 (4.01).1897 – 26.01.1963)	1941 – 1943
4.	профессор	Мавродин Владимир Васильевич (21.02 (5.03).1908 – 20.11.1987)	1943 – 1944
5.	доцент	Дербов Леонард Адамович (10 (23).10.1909 – 19.10.1994)	1944 – 1963
Кафедра истории СССР досоветского периода (до переименования в 1991 г.):			
1.	доцент	Дербов Леонард Адамович	1963 – 1970
2.	профессор	Пугачёв Владимир Владимирович (26.06.1923 – 23.10.1998)	1970 – 1975
3.	профессор	Троицкий Николай Алексеевич (род. 19.12.1931)	1975 – 1991
Кафедра истории России:			
1.	профессор	Троицкий Николай Алексеевич	1991 – 2002
2.	профессор	Мезин Сергей Алексеевич (род. 26.07.1958)	2002 – н/вр.
Кафедра истории СССР советского периода (до переименования в 1991 г.):			
1.	профессор	Медведев Василий Константинович (?.03.1903 – 14.12.1969)	1963 – 1969
2.	профессор	Соколов Святослав Александрович (12(25).08.1913 – 17.01.1985)	1969 – 1985
3.	профессор	Ванчинов Дмитрий Поликарпович (8.11.1919 – 4.12.1987)	1985 – 1987
4.	доцент	Васькин Василий Васильевич (4.07.1941 – 15.09.1999)	1987 – 1991
Кафедра отечественной истории в новейшее время:			
1.	доцент	Васькин Василий Васильевич	1991 – 1993
2.	доцент	Плеве Игорь Рудольфович (род. 14.06.1958)	1993 – май 1995
3.	профессор	Голуб Юрий Григорьевич (род. 14.05.1953)	май 1995 – 2005
4.	профессор	Герман Аркадий Адольфович (род. 26.06.1948)	2005 – н/вр.
Кафедра всеобщей истории:			
1.	профессор	Бутенко Вадим Аполлонович (30.06 (12.07).1877 – 14.09.1931)	1917 – 1928
2.	профессор	Герчиков Израиль Вениаминович (1.(13).01.1889 – ?)	апр. – сент. 1931
Кафедра истории древнего мира:			
1.	профессор	Рыков Павел Сергеевич	1935 – 1937
2.	доцент	Вейцковский Иван Иванович (1900 – 1977)	1937 – 1940

№ п/п	Ученое звание	Фамилия, имя, отчество, годы жизни	Время работы заведующим кафедрой
3.	доцент	Путныйнъ Эдуард Кришевич (27.12 (9.01).1905 – 7.11.1976)	1941 – 1969
4.	профессор	Борухович Владимир Григорьевич (род. 16.12.1920)	1969 – 1991
5.	профессор	Парфёнов Виктор Николаевич (род. 21.06.1951)	1991 – н/вр.
Кафедра истории средних веков:			
1.	профессор	Байбаков Е.И.	1.10 – 10.10.1936
2.	доцент	Васильева А.В.	1936/37 уч. год
3.	доцент	Бартенев Алексей Сергеевич (20.09 (3.10).1906 – 16.01.1942)	1937 – 1941
4.	профессор	Стам Соломон Моисеевич (род. 21.11 (4.12).1913)	1949 – 1991
5.	профессор	Девятайкина Нина Ивановна (род. 26.02.1947)	1991 – н/вр.
Кафедра истории нового, новейшего времени и международных отношений:			
1.	?	Верман	с 19.12.1935
2.	доцент	Зевин Борис Саулович (2 (15).08.1901 – 17.10.1941)	1937 – 1941
3.	доцент	Гендель Григорий Матвеевич (1909 – 1977)	1942 – 1946
4.	доцент	Шапиро Арон Маркович (?.03.1906 – 12.07.1961)	1947 – 1951
5.	доцент	Кашкин Игорь Сергеевич (30.01.1921 – 11.05.1994)	1952 – 1970
6.	профессор	Остальцева Алевтина Фёдоровна (28.10 (10.11).1902 – 17.01.1980)	1970 – 1973
7.	профессор	Парфёнов Игорь Данилович (6.05.1938 – 2.12.2001)	1973 – 2001
8.	профессор	Мирзеханов Велихан Салманханович (род. 10.12.1962)	2001 – 1.05.2007
9.	профессор	Креленко Наталья Станиславовна (род. 18.03.1951)	1.05.2007 – н/вр.
Кафедра истории зависимых и колониальных стран:			
1.	доцент	Михалев Леонид Несторович (8 (21).03.1908 – ?)	1937–1940
2.	доцент	Могилевский Соломон Абрамович (род. 12 (25).03.1912*)	март 1940 – июнь 1941
Кафедра историографии и региональной истории:			
1.	профессор	Данилов Виктор Николаевич (род. 12.02.1953)	1998 – н/вр.
Кафедра туризма и культурного наследия:			
1.	профессор	Черевичко Татьяна Викторовна (род. 25.04.1958)	1999 – н/вр.
Кафедра истории российской цивилизации:			
1.	профессор	Плеве Игорь Рудольфович	2001 – н/вр.

* На 3 октября 2004 г. доктор исторических наук, профессор С.А. Могилевский, постоянно проживающий в Иерусалиме, пребывал в полном здравии (см.: Могилевский С. Дань памяти выдающегося ученого // Вопр. ист. 2005. № 3. С. 174–175; журнал подписан в печать 24 февраля 2005 г.).

№ п/п	Ученое звание	Фамилия, имя, отчество, годы жизни	Время работы заведующим кафедрой
Кафедра права (до разделения в 2004 г.):			
1.	доцент	Тригубович Наталья Викторовна (род. 5.04.1971)	2001 – 2004
Кафедра российского и международного частного права:			
1.	доцент	Тригубович Наталья Викторовна	апр. 2004 – 11.04.2007
2.	доцент	Макаров Сергей Александрович (род. 21.11.1972)	11.04.2007 – н/вр.
Кафедра теории и истории государства и права:			
1.	доцент	Синюкова Татьяна Витальевна (род. 20.08.1961)	апр. 2004 – н/вр.
Кафедра публичного права:			
1.	доцент	Иванов Александр Николаевич (род. 25.07.1973)	апр. 2004 – н/вр.

Примечания

- 1 Подробнее см.: *Соломонов В. А.* Императорский Николаевский Саратовский Университет: история открытия и становления (1909–1917). Саратов, 1999. С. 147–153.
- 2 Саратовский вестник. 1909. 8 дек.
- 3 См.: *Малинин Г.А.* Киевский университет в Саратове // Поволжский край: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1984. Вып. 7: Вопросы социально-экономической и политической истории. С. 107–113; *Соломонов В.А.* «Мы жили с киевлянами очень дружно» (О пребывании киевских высших учебных заведений в Саратове в годы Первой мировой войны) // Цивилизация на пороге тысячелетия: Сб. науч. ст. Балашов, 2001. Т. 1, вып. 2. С. 67–71.
- 4 См. *Артисевич В.А.* Книжные коллекции в фондах Научной библиотеки при СГУ // Тр. НБ при СГУ. Саратов, 1947. Вып. 1. С. 7–25; *Грозевская А.Н.* Книжная коллекция А.П. и Н.П. Барсуковых в Научной библиотеке Саратовского университета // Тр. НБ СГУ. Саратов, 1959. Вып. 2. С. 68–81; *Бурьян Л.К.* И.А. Шляпкин и Научная библиотека СГУ // Там же. С. 128–133; *Попкова Н.А.* Книги из библиотек саратовских усадеб в фонде Научной библиотеки университета // Историк и историография: Материалы науч. конф., посвященной 90-летию со дня рождения Л.А. Дербова. Саратов, 1999. С. 213–220.
- 5 Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733, оп. 154, д. 518, л. 115; Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 393, оп. 1, д. 718, л. 34.
- 6 *Сергеенко М.Е.* Воспоминания о Бестужевских курсах и Саратовском университете / Вступ. стат., публ. и коммент. Т.В. Андреевой // Деятели русской науки XIX–XX веков. СПб., 2000. Вып. 2. С. 295.
- 7 Там же. С. 295.
- 8 ГАСО. Ф. 393, оп. 1, д. 901, л. 2об.; см. также: Формулярный список о службе и. д. ординарного профессора по кафедре философии Саратовского Университета, магистра философии Семена Людвиговича Франка /

Публ. А.А. Гапоненкова // С.Л. Франк. Саратовский текст / Сост.: А.А. Гапоненков, Е.П. Никитина. Саратов, 2006. С. 14.

- 9 *Франк С.Л.* Из писем М.О. Гершензону. 1912–1919 / Публ. М.А. Колерова // De visu. 1994. № 3/4. С. 29.
- 10 См.: Отчет о деятельности историко-филологического факультета Саратовского университета за 1917–1919 гг. / Публ. А.И. Авруса и З.Е. Гусаковой; Прим. А.И. Авруса // Известия Саратов. ун-та. Новая сер. Саратов, 2001. Т. I, вып. 1. С. 17–18; *Аврус А.И.* Формирование и деятельность историко-филологического факультета Саратовского университета (1917–1919 гг.) // Страницы Российской истории: Межвуз. сб. к 60-летию со дня рождения профессора Г.А. Тишкина / Под ред. А.О. Бононова, Е.Р. Ольховского. М., 2001. С. 200–201.
- 11 *Сергеенко М.Е.* Указ. соч. С. 296.
- 12 См.: Отчет о деятельности историко-филологического факультета Саратовского университета за 1917–1919 гг. ... С. 22; Методология и методика изучения литературы и фольклора: Ученые-педагоги саратовской филологической школы / Под ред. Е.П. Никитиной. Саратов, 1984. С. 62.
- 13 См.: Отчет о деятельности историко-филологического факультета Саратовского университета за 1917–1919 гг. ... С. 21–22, 23–24.
- 14 Подробнее см.: *Соломонов В.А.* Из истории кафедры истории России Саратовского университета // Историографический сб.: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2002. Вып. 20. С. 78–99.
- 15 По свидетельству современников, ученый производил на окружающих довольно странное впечатление. «Такого неустойчивого, нетвердого в своих решениях человека я еще не наблюдал в академической среде...», – писал о В.И. Веретенникове Н.К. Пиксанов (Письмо Н.К. Пиксанова С.Ф. Платонову от 14 июня 1918 г. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), ф. 585 (С.Ф. Платонов), оп. 1, ч. 2, д. 3816, л. 3). По мнению С.Н. Чернова, глава кафедры оказался очень узким специалистом, «несмотря на в общем широкое образование» и весьма плохим лектором, «аудитория у которого унижительно для русской истории мала. Кроме того и не касаясь прочего, он очень робок в

- своих ученых мнениях и как-то избегает конструкций», однако это не помешало ему быть «прекрасным руководителем [семинарских] занятий» (Письма С.Н. Чернова С.Ф. Платонову от 21 марта 1919 г. и 18 мая 1920 г. // Там же. Д. 4540, л. 9, 22 об.).
- 16 Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН (Архив СПб ИИ РАН), ф. 297 (С. Н. Валк), оп. 1, д. 249, л. 39.
- 17 О харьковском периоде жизни и деятельности В.И. Веретенникова см.: *Кравченко В.В., Литвинова В.П.* Изучение отечественной истории в Харьковском университете в дооктябрьский период (1805–1917 гг.) // Вестн. Харьк. ун-та. 1991. № 357. С. 24–37; *Матвиш И.Б.* Архивист Василий Веретенников // Вестн. архивиста. 2000. № 5–6. С. 298–313; *Павловська Н.П.* В.И. Веретенников как архивознавец и архивист: Автореф. дис... канд. ист. наук. Київ, 2003 и др.
- 18 См.: *Любомиров П.Г.* Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. Пг., 1917 (2-е изд. М., 1939).
- 19 Подробнее см.: *Соломонов В.А.* Историк – страдающий: П.Г. Любомиров // Историк и власть: советские историки сталинской эпохи. Саратов, 2006. С. 251–277; *Он же.* «Отношение П.Г. [Любомирова] к университету было чрезвычайно бережным и любовным» (С.Н. Чернов о саратовском периоде жизни П.Г. Любомирова) // Саратовский краеведческий сб: Науч. тр. и публ. Саратов, 2002. С. 172–188.; *Андреева Т.В., Смирнова Т.Г.* П.Г. Любомиров и С.Н. Чернов // Русская наука в биографических очерках. СПб., 2003. С. 456–488 и др.
- 20 Архив Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского (Архив СГУ), д. 69 (В.А. Бутенко), л. 27–27об.
- 21 Там же. Л. 1–1об.; *Клестова С.Л.* В.А. Бутенко – профессор Саратовского университета (1917–1928) // Российские университеты в XVIII – XX веках: Сб. науч. ст. Воронеж, 1998. Вып. 3. С. 198.
- 22 Подробнее о нем см.: *Straubergs K. F.* Baloša dzīves gaitas un darbi // *Senatne un māksla.* 1938. № 1. S. 9–11; *Mugurçvičs Č.* Arheologs professors Dr. Francis Balodis (1882–1947) // *Latvijas vēstures institūta žurnāls.* 1997. № 4 (25). S. 184–187; *Кузнецова Н.П.* Франц-Александр Вольдемарович Баллод – профессор Саратовского университета // Историко-археологические изыскания: Сб. науч. тр. молодых ученых. Самара, 2006. Вып. 8. С. 79–84; *Кулаков А.Е.* Франц Владимирович Баллод // www.egyptology.ru/history/Balodis.pdf
- 23 См.: *Баллод Ф.В.* Отчет о раскопках на Увекке летом 1919 года. Саратов, 1919; *Он же.* Приволжские «Помпеи». М.; Пг., 1923; *Он же.* Старый и Новый Сарай – столицы Золотой Орды: Результаты археологических работ летом 1922 года. Казань, 1923.
- 24 ОР РНБ, ф. 585 (С.Ф. Платонов), оп. 1, ч. 2, д. 4540, л. 12.
- 25 *Дербов Л.А.* Историческая наука в Саратовском университете. Саратов, 1983. С. 7–8.
- 26 ГАСО, ф. 393, оп. 1, д. 912 (Л.Н. Юровский), л. 1–3об.; *Голанд Ю.* Леонид Наумович Юровский: Портрет на фоне эпохи // <http://www.pseudology.org/Bank/Yurovsky.htm> 12.04.2003.
- 27 *Голанд Ю.* Леонид Наумович Юровский: Портрет на фоне эпохи...
- 28 Там же.
- 29 Там же.
- 30 Архив СГУ. Д. 69 (В.А. Бутенко), л. 9.
- 31 Подтверждением тому является письмо С.Н. Чернова А.А. Гераклитову, отправленное из Детского Села в конце июня 1930 г. Сообщая другу в Саратов отдельные подробности своей новой «кочевой» жизни, Сергей Николаевич, в частности, писал: «...обо мне и моих ты, вероятно, все знаешь от Лены (Е.П. Подъяпольской. – В.С.), пишу тебе о других твоих знакомых. <...> В.А. [Бутенко] много нервничал, ибо долго не мог устроиться; потом устроился – сносно, потом все сорвалось...» (цит. по: *Савельева Е.К.* «Не писать вам, а видеть вас я хотел бы...»: Письма А.Д. Скалдина А.В. и В.В. Леонтьевым // Саратов. краевед. сб. Саратов, 2005. Вып. 2. С. 280).
- 32 См.: *Золотарёв В.П.* Вадим Аполлонович Бутенко. 1877–1931 // Новая и новейшая история (НИИ). 1996. № 6. С. 186–187; *Клестова С.Л.* В.А. Бутенко – профессор Саратовского университета... С. 211.
- 33 См.: *Юшков С.В.* К истории древнерусских юридических сборников XIII в. Саратов, 1921; *Он же.* Феодальные отношения в Киевской Руси // Учен. зап. Саратов. ун-та. Саратов, 1925. Т. 3, вып. 4. С. 1–108; *Он же.* Судебник 1497 г. (к внешней истории памятника) // Там же. 1926. Т. 5, вып. 3. С. 1–46; *Он же.* Исследования по истории русского права. Вып. 1: Устав кн. Владимира. Саратов; Новоузенск, 1925–1926.
- 34 См.: *Юшков С.В.* Русская Правда (текст по 5 ред. и 7 спискам). Киев, 1935.
- 35 Подробнее см.: *Андреева Т.В., Соломонов В.А.* Историк и власть: Сергей Николаевич Чернов. 1887–1941 / Отв. ред. А.Н. Цамутали. Саратов, 2006.
- 36 Письмо С.Н. Чернова С.Ф. Платонову от 12 декабря 1927 г. // *Чернов С.Н.* Павел Пестель: Избранные статьи по истории декабризма / Сост., вступ. ст., коммент. Т.В. Андреевой и В.С. Парсамова; Под. ред. А.Н. Цамутали. СПб., 2004 С. 283.
- 37 См.: Академическое дело 1929–1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 1: Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. СПб., 1993; Вып. 2: Дело академика Е.В. Тарле. СПб., 1998.
- 38 Письмо П.Г. Любомирова С.Ф. Платонову. Май 1929 г. // ОР РНБ. Ф. 585 (С.Ф. Платонов), оп. 1, ч. 2, д. 3440, л. 38об.–39об.
- 39 Протоколы допроса Е.В. Тарле от 23 мая, 4 и 29 июня 1930 г. // Академическое дело. 1929–1931 гг. Вып. 2: Дело академика Е. В. Тарле... Ч. 1. С. 155, 158; Ч. 2. С. 381.
- 40 Протокол допроса С. Ф. Платонова от 19 сентября 1930 г. // Там же. Вып. 1: Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова... С. 170.
- 41 Копия протокола обыска и ареста у Любомирова П. Г., произведенного ОГПУ по Нижне-Волжскому краю 2 ноября 1930 г. // Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ), ф. 470 (П.Г. Любомиров), оп. 1, д. 225, л. 146.
- 42 Воспоминания Е.Н. Кушевой / Послесл. А.И. Клибанова // Отеч. ист. 1993. № 4. С. 137.

- ⁴³ Общественно-политическая биография В.В. Буша канд[идата в члены] ВКП (б) с [19]30 г. Автограф // ОР РНБ. Ф. 117 (В.В. Буш), оп. 1, д. 28, л. 9–10.
- ⁴⁴ Там же. Л. 10об.
- ⁴⁵ Директивы ВКП (б) и постановления Советского правительства о народном образовании за 1917–1944 гг. М., 1947. Вып. 1. С. 171.
- ⁴⁶ См.: *Чанбарисов Ш.Х.* Формирование советской университетской системы (1917–1938 гг.). Уфа, 1973. С. 308.
- ⁴⁷ См.: Культурное строительство в Саратовском Поволжье: Док. и материалы. Ч. 2: 1928–1945 гг. Саратов, 1988. С. 163–164.
- ⁴⁸ *Рыков П.* Исторический факультет // За научные кадры (СГУ). 1935. 5 ноября.
- ⁴⁹ *Таубин Р.А.* К истории истфака Саратовского университета имени Н.Г. Чернышевского. 29 / IV–1958 г.: Рукопись // ГАСО, ф. р.-3731, оп. 2, д. 98, л. 8.
- ⁵⁰ *Рыков П.* Исторический факультет...
- ⁵¹ *Соколов С.* 30 лет истории историков // Ленинский путь (СГУ). 1965. 25 сентября.
- ⁵² Из воспоминаний Л.А. Дербова: «На факультете сложился дружный, интересно и плодотворно работающий, в основном молодой по возрасту, преподавательский коллектив, состоящий частично из местных работников, но, главным образом, из лиц, окончивших аспирантуру в московских и ленинградских вузах и имевших, поэтому, солидную научную подготовку. Среди преподавателей были такие заметные и яркие личности, как археолог И.В. Синицын (потом – профессор СГУ); античник И.И. Вейцковский (позже – профессор Львовского университета); медиевисты А.С. Бартнев (погиб от голода во время ленинградской блокады) и С.М. Пумпянский; заведующий кафедрой новой и новейшей истории Б.С. Зевин (погиб на фронте в 1941 г.); востоковед А.М. Дубинский (впоследствии – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института Дальнего Востока АН СССР); историки СССР – А.Л. Шапиро (ныне – профессор Ленинградского университета), Р.А. Таубин (позднее – профессор Ульяновского пединститута), Г.М. Деренковский (позднее – старший научный сотрудник Института истории СССР АН СССР) и др.» (см.: *Дербов Л.А.* О времени и о себе: Страницы воспоминаний: Рукопись. С. 124. [В печати]).
- ⁵³ Архив СГУ, д. 43 (П.С. Рыков), л. 4.
- ⁵⁴ *Дербов Л.А.* Историческая наука в Саратовском университете... С. 25.
- ⁵⁵ Оценивая доклад П.С. Рыкова о раскопках древнего могильника около села Армиево Кузнецкого уезда, произведенных летом 1926 и 1927 гг., А.А. Гераклитов писал: «Это сообщение, которое профессор назвал предварительным, было особенно любопытно и дорого потому, что было в помещении, стены, полки и витрины которого были увешаны и заставлены наиболее интересными предметами, добытыми при раскопках, и собравшиеся послушать доклад могли своими глазами видеть то, о чем говорил докладчик и наглядно убеждаться в правильности его утверждений». И далее, касаясь сути прозвучавшего доклада, отмечал: «Могильник около села Армиево очень велик. Его много лет уничтожают распашкой земли под посев хлеба, большой кусок кладбища омыт весенними водами, но все же и теперь там, по мнению проф. Рыкова, не менее 600–700 могил, из которых гораздо больше ста раскопал он за два года. Раскопки дали много сот предметов домашнего обихода и особенно женского украшения, которые через сравнение с другими вещами из других мест дают нам возможность: во-1-х) точно сказать, когда жили те люди, которые хоронили своих покойников на Армиевском кладбище; во-2-х) узнать, что это был за народ и в-3-х) хоть немного заглянуть в культуру и хозяйственную жизнь этого народа» (*Гераклитов А.А.* Раскопки древнего могильника в Саратовской губернии // Архив СПб ИИ РАН. Ф. 38 (А.А. Гераклитов), оп. 1, д. 81, л. 1–2).
- ⁵⁶ *Максимов Е.К.* «Враги народа» на музейном фронте // Поволжский край: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2000. Вып. 11: Проблемы истории и археологии Саратовского Поволжья. С. 194–197.
- ⁵⁷ Из воспоминаний Н.В. Афанасьева, студента истфака 1935–1940 гг. // Бурдей Г.Д. А.М. Панкратова – профессор Саратовского университета: Рукопись // Коллекция документов по истории Саратовского университета В.А. Соломонова (Саратов). Далее – Коллекция В.А. Соломонова; *Таубин Р.А.* К истории истфака Саратовского университета... Л. 6; *Рокитянский Я.Г.* Трагическая судьба академика Д.Б. Рязанова // НиНИ. 1992. № 2; *Он же.* Обреченные: Переписка академика Д.Б. Рязанова с профессором П.С. Рыковым (май 1937 г.) // Отч. архивы. 1995. № 2. С. 95–102; *Чернобаев А.А.* Историки России XX века: Биобиблиогр. словарь / Под ред. В.А. Динеса. Саратов, 2005. Т. 1. С. 287–288, 335; Т. 2. С. 280; Очерки истории Саратовского Поволжья (1917–1941) / Под ред. Ю.Г. Голуба. Саратов, 2006. Т. 3, ч. 1. С. 347; Зайдель Григорий Соломонович // <http://russcience.chat.ru/repress/len/1937/zaidel.htm>; Сталинец (СГУ). 1937. 7 октября; Там же. 1938. 11 мая.
- ⁵⁸ См.: *Максимов Е.К.* «Враги народа» на музейном фронте... С. 197–203; *Он же.* Археолог из Покровска: к 100-летию со дня рождения П.Д. Рау // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории южнорусских степей. Саратов, 1997. Ч. 2. С. 5–30 (совм. с Е.М. Ериной, И.В. Семеновой); *Формозов А.А.* Русские археологи и политические репрессии 1920–1940-х гг. // Рос. археол. 1998. № 3. С. 191–206.
- ⁵⁹ Архив СГУ. Д. 1а (Р.А. Таубин), л. 38об.
- ⁶⁰ См.: *Таубин Р.А.* Н.Г. Чернышевский и Н.А. Добролюбов – патриоты демократической России // Н.Г. Чернышевский: Сборник статей к 50-летию со дня смерти великого революционера-демократа. Саратов, 1939; *Он же.* Из истории борьбы с меньшевистской и эсеро-кулацкой контрреволюцией в период гражданской войны в б[ывшей] Саратовской губернии // Учен. зап. Саратов. ун-та. Саратов, 1939. Т. 1, вып. 1 и др.
- ⁶¹ *Бурдей Г.Д.* Указ. соч.
- ⁶² См.: *Таубин Р.А.* Общественное движение в России в 50-е годы XIX в. (Революционные организации и анти-

- правительственные кружки от разгрома петрашевцев до первой «Земли и Воли»: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1965.
- ⁶³ Из автобиографии Б.С. Зевина: «Вступление в эту партию в 1918 [г.] объясняю частично молодостью, мелкобуржуазным влиянием и, главное, оторванностью Средней Азии от центра и поэтому незнанием, что было в центре...» (Архив СГУ. Д. 6 (Б.С. Зевин), л. 2).
- ⁶⁴ *Дербов Л.А.* [Из воспоминаний о Б.С. Зевине]. Рукопись // Коллекция документов В.А. Соломонова.
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ Архив СГУ. Д. 6а (Б.С. Зевин), л. 8об.
- ⁶⁷ Там же. Л. 9.
- ⁶⁸ В личном деле Б.С. Зевина сохранился приказ Всесоюзного Комитета по делам Высшей школы при СНК СССР от 19 июня 1942 г.: «Освободить тов. Зевина Б.С. от должности и[сполняющего] о[бязанности] зав[едующего] каф[едрой] истории нового времени <...> в связи с призывом в Красную Армию» (Там же. Л. 11). По воспоминаниям сослуживца Б.С. Зевин погиб в *октябре 1941* г.: «В июне 1941 г. Б.С. Зевину было присвоено звание батальонного комиссара как начальнику политотдела 262 стрелковой дивизии 3 армии фронта. <...> В районе станции Борщево проходила стратегическая дорога, которую необходимо было отбить у немцев <...> Б.С. Зевин, как и подобало комиссару, личным примером и словом возглавил полк. В этом бою Б.С. Зевин был смертельно ранен осколком снаряда. Он умер в ночь с 16 на 17 октября и был похоронен у избышки лесника у ст[анции] Борщево. За личное участие и за героизм в боях Б.С. Зевин был посмертно представлен к награждению орденом Ленина» (Из воспоминаний О. Б.С. Зевине бывшего начальника политотдела 3-й армии Брянского фронта генерал-майора Н.Ф. Воронова // Коллекция В.А. Соломонова).
- ⁶⁹ *Бурдей Г.Д.* Указ. соч.
- ⁷⁰ *Дербов Л.А.* Историческая наука в Саратовском университете... С. 14.
- ⁷¹ См.: *Дружинин Н.М.* Воспоминания об Анне Михайловне Панкратовой // Дружинин Н.М. Избранные труды. Кн. 4: Воспоминания, мысли, опыт историка. М., 1990; *Дербов Л.* «Без права заниматься научной деятельностью...» // Годы и люди. Саратов, 1992 / Историк и время. 20–50-е годы XX века. А.М. Панкратова. Вып. 7. С. 102–116; Разд. 2: воспоминания и дневниковые записи // М., 2000. С. 153–178.
- ⁷² *Дербов Л.А.* Историческая наука в Саратовском университете... С. 14.
- ⁷³ Там же. С. 14–15.
- ⁷⁴ Там же. С. 15; *Панкратова А.М.* Новый отряд советских историков // Сталинец (СГУ). 1940. 24 мая; Говорят выпускники исторического факультета // Там же; Выпускной вечер историков // Там же. 3 июля.
- ⁷⁵ Цит. по: *Фадеева О.* Комсомольцы истфака в годы войны // Ленинский путь (СГУ). 1985. 13 марта.
- ⁷⁶ *Герасименко Г.* Историческому факультету – 40 лет // Там же. 1975. 10 октября.
- ⁷⁷ *Дербов Л.А.* Историческая наука в Саратовском университете... С. 16.
- ⁷⁸ См.: *Артисевич В.А.* В дни войны (1941–1945): Воспоминания // Саратовский листок. 1991. № 21, 22; *Она же.* Воспоминания: Ленинградский университет в Саратове / Публ., подгот. текста и прим. А.В. Зюзина // Опыт работы Зональной научной библиотеки имени В.А. Артисевич Саратовского университета. Саратов, 2000. Вып. 34.
- ⁷⁹ Архив СГУ. Д. 12 (Н.Л. Рубинштейн), л. 5.
- ⁸⁰ Там же. Д. 1 (В.В. Мавродин), л. 1.
- ⁸¹ *Вайнштейн О.* Исторический факультет Ленинградского государственного университета в дни Отечественной войны // Ист. журнал. 1942. № 11. С. 106.
- ⁸² Подробнее о научно-педагогической деятельности Г.М. Деренковского см.: *Тютюкин С.В.* Памяти Григория Михайловича Деренковского // Ист. зап. М., 1979. Т. 104. С. 338–357.
- ⁸³ *Рубинштейн Н.Л.* Полководческое искусство Суворова. Саратов, 1942.
- ⁸⁴ *Дубинский А.М.* Война на Тихом океане. Саратов, 1942.
- ⁸⁵ *Гендель Г.М.* Вассалы фашистской Германии. Саратов, 1942.
- ⁸⁶ *Деренковский Г.М.* Отечественная война против германских оккупантов в 1918 году. Саратов, 1942.
- ⁸⁷ *Рубинштейн Н.Л.* Возникновение народного ополчения в России в начале XVII века // Тр. Гос. ист. музея. М., 1948. Вып. 20.
- ⁸⁸ *Синицын И.В.* Материалы по сарматской культуре на территории Нижнего Поволжья // Советская археология. 1946. № 8. С. 73–95; *Он же.* Памятники предскифской эпохи в степях Н[ижнего] Поволжья // Там же. 1948. № 10. С. 143–160.
- ⁸⁹ Вероятно, речь идет о публикации: *Синицын И.В.* Древние памятники в бассейне Иргиза по раскопкам 1938–1939 гг.: Предварительные сообщения // Учен. зап. СГУ. 1947. Т. 17. С. 135–156.
- ⁹⁰ *Руднева Е., Деренковский Г.* Работа исторических факультетов университетов в дни Отечественной войны с германским фашизмом. Разд. 2: О работе историко-филологического факультета Саратовского университета // Ист. журн. 1942. № 9. С. 91–92.
- ⁹¹ В 1943 г. были защищены три диссертации: «Возникновение войны на Тихом океане» (А.М. Дубинский), «Поселения родового общества на территории Нижнего Поволжья» (И.В. Синицын), «Очерки по истории крестьянского хозяйства в Петровское время» (А.Л. Шапиро), и в 1944 г. одна: «Борьба русского государства за выход к Балтийскому морю во второй половине XVI в.» (Л.А. Дербов).
- ⁹² Цит. по: *Фадеева О.* Комсомольцы истфака в годы войны...
- ⁹³ См.: *Чернобаев А.А.* Историки России XX века... Т. 2. С. 330.
- ⁹⁴ *Дербов Л.А.* Историческая наука в Саратовском университете... С. 20.
- ⁹⁵ *Медведев В.К.* Подготовка и проведение сплошной коллективизации сельского хозяйства в Нижне-Волжском крае (1928–1932 гг.): В 3 т. Саратов, 1960; *Остальцева А.Ф.* Англо-русское соглашение 1907 года. Саратов, 1960; *Персов М.С.* Обобщение

- и использование исторического опыта в работах В.И. Ленина. Саратов, 1970.
- ⁹⁶ Герасименко Г. Указ. соч.
- ⁹⁷ Осипов В.А. Очерки по истории колонизации Нижнего Поволжья во 2-й половине XVIII в. Саратов, 1940.
- ⁹⁸ Троицкий Н. Старейшина саратовских краеведов // Ленинский путь (СГУ). 1985. 21 марта.
- ⁹⁹ Там же.
- ¹⁰⁰ Кашкин И.С. Балканские конференции (1930–1934 гг.). М., 1966. [Междунар. ассоц. по изуч. стран Юго-Восточ. Европы: 1-й Конгресс Балкан. исследований. София, 26 авг. – 1 сент. 1966 г.]; *Он же*. Балканские конференции. Образование Балканской Антанты (1930–1934 гг.) // Славянский сборник. Саратов, 1972. С. 3–37 и др.
- ¹⁰¹ См.: Чернобаев А.А. Историки России XX века... Т. 1. С. 208.
- ¹⁰² Галактионов И.В. Из истории русско-польского сближения в 50–60-х годах XVII века. Андрусовское перемирие 1667 года. Саратов, 1960.
- ¹⁰³ Подробнее о работах И.В. Галактионова см.: Труды научных работников Саратовского университета (1957–1966): Библиограф. указ. Саратов, 1968. С. 72; Труды научных работников Саратовского университета (1967–1972): Библиограф. указ. Саратов, 1976. С. 65–66, 71–72; Труды научных работников Саратовского университета (1973–1982): Библиограф. указ. Саратов, 1985. С. 18–19, 21.
- ¹⁰⁴ Троицкий Н., Дербов Л. Всегда в поиске // Ленинский путь (СГУ). 1981. 22 июня.
- ¹⁰⁵ Библиотечная легенда: К юбилею директора Зональной научной библиотеки Саратовского университета Веры Александровны Артисевич. Саратов, 1996. С. 184.
- ¹⁰⁶ См.: Сорок три года на истфаке: Беседа с профессором Игорем Даниловичем Парфёновым // Новая и новейшая история: Межвуз. сб. Саратов, 1998. Вып. 17. С. 5–8.
- ¹⁰⁷ Мирзаханов В.С., Никитин М.Д. Человек, учитель, ученый (Памяти Парфёнова Игоря Даниловича) // Изв. Сарат. ун-та: Нов. сер. 2002. Т. 2, вып. 1. С. 138.
- ¹⁰⁸ Сорок три года на истфаке: Беседа с профессором Игорем Даниловичем Парфёновым... С. 9.
- ¹⁰⁹ См.: Гладышев А.В. К.-А. Сен-Симон в идейной жизни Франции времен консульства и Империи. Саратов, 2003; Мякишев А.П. Межнациональные отношения и Совет Национальностей Верховного Совета СССР в 1945–1991 гг. Саратов, 2004.
- ¹¹⁰ Микулина С. На стороне оптимизма // Новые времена. 2004. 30 апреля – 13 мая. С. 6.
- ¹¹¹ Отчет о работе исторического факультета Саратовского государственного университета в 2005–2006 учебном году: Машинопись // Коллекция В.А. Соломонова.
- ¹¹² Микулина С. На стороне оптимизма...
- ¹¹³ См.: Девятайкина Н.И. История средних веков: источники, задачи, исторические игры: Учеб. пособие для 7 кл. шк. всех типов. Саратов, 1996; *Она же*. История средних веков: учеб. для 6 кл. общеобразовательной шк. М., 2000; Кредер А.А. Новейшая история. XX век: Учеб. для основной шк. 3-е изд. М., 1996; *Он же*. Новейшая история. 1914–1996: Учеб. для 9 кл. основной школы. М., 1996; *Он же*. Новейшая история зарубежных стран. 1914–1997: Учеб. для 9 кл. основной шк. М., 1998; *Он же*. Программа курса «Новейшая история стран Европы и Америки» для государственных университетов. Специальность история. Саратов, 1998. Кредер А.А., Троицкий Н.А. Россия и мир в XIX веке: В 2-х частях. Учеб. для 8 кл. основной шк. М., 2001; Троицкий Н.А. История России. XIX век. Учеб. для 8 кл. основной шк. М., 2001; *Он же*. Россия в XIX веке. Курс лекций. 2-е изд., испр. М., 2003; Булычёв М.В., Воронежцев А.В., Максимов Е.К., Тотфалушин В.П. История Саратовского края: С древнейших времен до 1917 года: Учеб. пособие для сред. и старш. классов шк. всех типов / Под общ. ред. В.П. Тотфалушина. 2-е изд., испр., доп. Саратов, 2000 и др.
- ¹¹⁴ Отчет о работе исторического факультета Саратовского государственного университета в 2005–2006 учебном году.

«ГРОЗА ДВЕНАДЦАТОГО ГОДА...»

УДК [9:355.48](470–89+445)«1807»

НЕИЗВЕСТНОЕ СРАЖЕНИЕ ПРИ ПРЕЙСИШ-ЭЙЛАУ 26 ЯНВАРЯ 1807 года

Я.Н. Рабинович

Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: RabinovichYN@yandex.ru

Статья посвящена малоизученному сюжету, связанному с событиями русско-пруско-французской войны 1806–1807 г., бою при Прейсиш-Эйлау 26 января 1807 г. Бой условно делится на 6 этапов: 1-й – отражение наступления Мюрата на передовой позиции; 2-й – отражение наступления Мюрата на основной позиции; 3-й – отражение фланговых атак Сульта и Ожеро; 4-й – отход Багратиона через Эйлау и вступление в бой отряда Барклая; 5-й – русские отбили город Эйлау; 6-й – окончательный захват французами Эйлау.

Unknown Battle at Eylau 26 January 1807

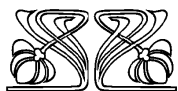
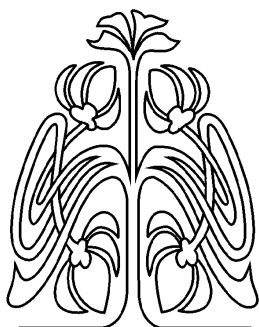
Ya.N. Rabinovitch

The article deals with little-known events of Russian-Prussian-French war of 1806-1807 – the battle at Eylau 26 January 1807. The events of the battle can be divided into 6 stages: the first stage is the repulse of Murat's attack at the forward position. The second stage is the repulse of Murat's attack at the main position, the third stage is the repulse of Soult and Augereau's flank attacks. The fourth stage is Bagration's retreat through Eylau and the participation of Barclay's detachment in the battle. The fifth stage – the Russians took possession of Eylau and the sixth stage is the final annexation of Eylau by the French.

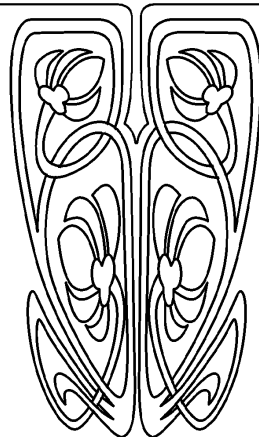
В последнее время наблюдается повышенный интерес к изучению русско-пруско-французской войны 1806–1807 гг., в частности, к сражению при Прейсиш-Эйлау¹. Но в целом данная кампания остается менее изученной, чем предыдущая – 1805 г., не говоря уж об Отечественной войне 1812 г. Между тем, именно в эту войну русская армия полгода без союзников (английская помощь Данцигу и небольшой прусский отряд Лестока не в счет), на чужой земле (без поддержки местного населения) и в отсутствие главнокомандующего М.И. Кутузова сражалась почти на равных с непобедимым Наполеоном.

Каковы же причины недостаточного освещения этой темы? Во-первых, в 1806–1807 гг. среди участников событий не было Александра I и Кутузова (а ведь именно им посвящено наибольшее количество исследований). Во-вторых, русской армией командовал Л.Л. Беннигсен, о котором до настоящего времени не написано ни одной монографии². Биографы же Наполеона о сражении при Прейсиш-Эйлау писали только в контексте военно-политической ситуации в Европе³.

Исследования отечественных историков о выдающихся русских полководцах П.И. Багратионе и М.Б. Барклае де Толли содержат скудную информацию об этом сражении. Так, И.И. Ростунов в книге о П.И. Багратионе ограничился небольшим сообщением об обстановке, царившей в его штабе ночью накануне этого боя⁴. А ведь оба военачальника отличились именно в *первый* день сражения при Эйлау⁵. В достаточно обширной историографии, посвященной Денису Давыдову, лишь вскользь упоминается о его участии в этом сражении. Именно в этом бою, по словам Н.А. Троицкого, Беннигсен «сыграл вничью с самим Наполеоном, причем, уступая противнику численно»⁶. Стоит отметить,

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

что приветствие царя барону Л.Л. Беннигсену по случаю награждения его за Эйлау орденом святого Андрея Первозванного гласило: «На вашу долю выпала слава победить того, кто еще никогда не был побежден»⁷. При первой встрече в Тильзите Наполеон сказал Беннигсену: «Вы были злы под Эйлау»⁸. Эти слова из уст Наполеона звучали как похвала, как высокая оценка своего противника. И действительно, даже эта «ничья» для непобедимого Наполеона была равносильна поражению.

Однако все исследователи говорят о двух днях данного сражения, а фактически описывают только второй день: 27 января (8 февраля) 1807 г. Вся информация о первом дне сражения занимает несколько строк⁹.

Между тем, если при изучении Бородинской битвы историки достаточно внимания уделяют бою за Шевардинский редут, то и при описании сражения при Прейсиш-Эйлау также стоит более подробно остановиться на бое в районе этого города, тем более что оба боя преследовали одинаковую цель. Бой при Эйлау продолжался с 7 часов утра до полуночи, в нем были задействованы значительные силы. Всю следующую ночь с 26 на 27 января в обоих лагерях шла подготовка к генеральному сражению, которое и произошло на следующий день, 27 января.

В данной работе преследуется цель показать, как действовал на подступах к Эйлау 26 января аррьергард Багратиона, сдерживая превосходящие силы противника; как происходила борьба за сам город Эйлау, который несколько раз переходил из рук в руки, и, наконец, как рассматривали взятие города французами современники событий.

Вначале скажем несколько слов об общей обстановке, которая сложилась к 26 января.

В начале января 1807 г. Беннигсен предпринял наступление с целью разбить по частям расположенные далеко от главных сил французов корпусы Нея и Бернадота. Но этот смелый замысел не был осуществлен из-за медлительности русских войск. Ней успел отступить на юг, а Бернадот сумел вырваться из ловушки под Морунгеном. В свою очередь, Наполеон быстро собрал свои войска и стремительно двинулся наперерез русской армии, чтобы отрезать ее от тылов, прижать к Висле и к морю, а затем уничтожить. Беннигсен по счастливой случайности узнал о готовящейся западне¹⁰. Русская армия прекратила преследование Бернадота и сосредоточилась в районе Янково – Бергфрида.

После небольшого боя при Бергфриде 22 января Беннигсен ночью снялся с позиций и под прикрытием аррьергарда Багратиона начал отход тремя колоннами к Прейсиш-Эйлау. Этот отход осуществлялся по плохим дорогам: леса, сугробы – все это затрудняло движение. Багратиону часто приходилось вступать в бой с наседавшими французами. Он разделил свой аррьергард на три отряда. Сам князь Петр возглавил центральный отряд, а фланговыми отрядами командовали Багговут

(левое крыло) и Барклай (правое крыло)¹¹. Первый бой аррьергард выдержал сразу у Янково, затем – у Варлака, Вольфсдорфа, в лесу у Опена¹². Труднее всего приходилось Барклаю, но французам так и не удалось отрезать его у Лаунау.

После объединения всех колонн армии аррьергард возглавил Барклай. Армия 25 января встала на позиции у Ландсберга. Для прикрытия армии в этот день, 25 января, Барклай выдержал тяжелый бой при Гофе¹³. Силы французов, возглавляемых Сультом и Даву, превосходили отряд Барклая в 5 раз. Итог этого боя Барклай подвел в своем донесении Беннигсену: «Армия защищена от внезапного нападения врага – цель достигнута. Все жертвы – вознаграждены»¹⁴. Наполеон не уничтожил полностью его отряд только из-за вечернего мрака и глубокого снега, мешавшего быстрому продвижению французов¹⁵.

Позиция русской армии у Ландсберга имела много недостатков, не годилась для генерального сражения. Поэтому Беннигсен в ночь на 26 января начал отвод всей армии в составе одной длинной колонны к Прейсиш-Эйлау. Отряд Барклая отступил вместе с армией. Этот отход главных сил русской армии через Ландсберг продолжался всю ночь. Он осуществлялся в полном беспорядке, медленно. Последние части русской армии вышли из Ландсберга к Эйлау только в 7 часов утра 26 января¹⁶.

Аррьергард (Багратиона) остался у Ландсберга в виду большей части французских войск¹⁷. Наполеон в эту ночь находился в Гофе, считая, что русская армия после разгрома аррьергарда Барклая вынуждена будет на следующий день пойти на генеральное сражение. Беннигсен понимал, что для России выгодно изматывать французов, избегать генерального сражения, но войска требовали битвы¹⁸. Поэтому Беннигсен решил дать генеральное сражение севернее Эйлау, причем сам город он рассчитывал использовать в качестве передовой позиции¹⁹. Каждому военачальнику были даны указания по построению для битвы, которая планировалась на следующий день, и войска, после прохода через Эйлау, начинали строиться в боевой порядок.

Теперь все зависело от Багратиона: сумеет ли он со своим аррьергардом сковать французов и дать армии подготовиться к сражению. Такова обстановка, которая сложилась к 26 января 1807 г.

Составить реальную картину самого боя 26 января помогают мемуары участников этого события (А.П. Ермолова, Д. Давыдова, С.Г. Волконского, Я.О. Отрошенко и Л.Л. Беннигсена), а также исследования А.И. Михайловского-Данилевского, Б.М. Колюбакина, О. Леттов-Форбека и Д. Чандлера. Французы, участники боя, довольно скупо освещают этот сюжет.

Бой при Эйлау условно можно разделить на ряд этапов. 1-й – отражение наступления Мюрата на передовой позиции; 2-й – отражение наступления Мюрата на основной позиции; 3-й – отраже-

ние фланговых атак Сульта и Ожеро; 4-й – отход Багратиона через Эйлау и вступление в бой отряда Баркляя; 5-й – русские отбили город Эйлау; 6-й – французы окончательно захватили Эйлау.

О начальном этапе сражения исследователи, например, А.И. Михайловский-Данилевский, Д.А. Назаров сообщают довольно скупо, отмечая, что Мюрата начал бой с Багратионом уже в восьмом часу. Здесь Багратион держался более часа, а затем отошел на основную позицию за селом Грюнефген, не доходя двух верст до Эйлау²⁰.

А.П. Ермолов, участник этого боя, делает важные дополнения: «Через 1 час после рассвета прошли город (Ландсберг – Я.Р.), расположились в ближайшей к нему позиции. Прикрывает отход аръергарда сильный отряд пехоты и несколько орудий у ворот. Прошло много времени, французы в больших силах пришли к Ландсбергу. Артиллерийский обстрел с их стороны осуществлялся для отвлечения внимания. Большие силы французов были брошены на наш правый фланг. Но, используя удобство этой передовой позиции, отряд прикрытия долго и упорно отбивался, а затем русские быстро перешли поле и углубились в лес»²¹.

К этому времени французы вошли в Ландсберг. Вся армия Наполеона собралась здесь – на позиции, где прежде стояли войска Беннигсена перед отходом к Эйлау. Багратиону предстояло драться теперь не с одним французским авангардом, а с основными силами. Но, к счастью, дорога от Ландсберга к Эйлау покрыта частым лесом. Это – удобные места для обороны. Багратион осуществил реорганизацию своего отряда. Он отвел назад всю кавалерию и часть артиллерии, а «все егерские полки он свел вместе». Им в подкрепление князь Петр планировал выделить линейную пехоту.

До 11 часов бой проходил «с умеренной потерей», затем случай помог французам перехватить инициативу²².

Несмотря на неудачу, главные силы Багратиона сосредоточились на основной позиции, как было предусмотрено на ночном совещании, о котором вспоминал Д. Давыдов. В тылу у Багратиона Эйлау был занят отрядом Баркляя²³.

Так начинался второй этап боя. Это была удобная для обороны позиция при выходе из лесов на открытое место. Французы разместили свои батареи на противоположных высотах, ведя артиллерийскую дуэль. «Около 2-х часов выгоды были на нашей стороне», – отметил А.П. Ермолов²⁴. К этому времени Багратион получил подкрепление: два полка конницы, затем – еще три полка²⁵.

Наступление Мюрата на высоты, занятые Марковым и Багговутом, началось после 13 часов и велось тремя колоннами. Одна из наступающих колонн была разгромлена драгунами Санкт-Петербургского полка²⁶.

2-я колонна полегла от штыков Псковского и Софийского полков²⁷. Л.Л. Беннигсен уточнял, что эту атаку русских возглавил сам генерал Е.М. Марков²⁸. 3-я колонна французов также

неудачно пыталась выручить своих: попала под картечный огонь, который разметал ее. В итоге, удар французов между озерами Тенкиттен и Вашкейгер на подступах к Эйлау был успешно отбит аръергардом Багратиона. Особенно отличились драгуны СПб полка Н.В. Дехтерева, которые взяли знамя.

Д.А. Назаров сразу сообщает, что «упорное сопротивление русских заставило Мюрата выждать подхода пехоты. Он собирает свои разбитые колонны у Грюнефгена»²⁹. При каких обстоятельствах были разбиты эти колонны, автор не сообщил.

В бое наступила пауза, только артиллерия продолжала обстрел. Через 30 минут подошли – справа Сульт, слева Ожеро. А.М. Михайловский-Данилевский уточнял, что после неудачных атак Мюрата боем стал руководить сам Наполеон³⁰.

В третьей фазе боя (около 2 часов дня), после подхода головных частей Сульта и Ожеро, была возобновлена атака позиции Багратиона с обходом ее по льду озера Тенкиттен, но французы были отбиты. Теперь Наполеон атакует одновременно в центре и на флангах, поэтому Багратион, используя успех конницы, начал под прикрытием конной артиллерии Ермолова беспрепятственно отходить к Эйлау. О высокой дисциплине и порядке при этом отходе к городу упоминают многие свидетели. Об этом приказе на отход говорит и сам Беннигсен³¹.

Аръергард успешно выполнил свою задачу. Его отряд нанес такой урон французским передовым отрядам, что основные силы русских смогли пройти через Эйлау и расположиться за городом на позиции, готовясь к генеральному сражению. Оставалось только обеспечить отряду Багратиона безопасность до момента соединения с главными силами армии. Эту задачу должен был выполнить отряд Баркляя. Французы преследовали Багратиона по пятам, это преследование Наполеон поручил корпусу маршала Сульта. Именно его войска приняли участие в схватках внутри города.

Итак, на 4-м этапе боя французы начали атаку города, оборону которого теперь возглавил Барклай. По улицам кровь лилась рекой, русские егеря продолжали бой за каждое строение, медленно отходя через город³². Русская и французская артиллерии на улицах в упор стреляли друг в друга (выстрелы на расстоянии в несколько сажен). «Защита аръергарда в самом городе была стойкостью сверх всякой похвалы. Каждый квартал, каждое строение было упорно русскими защищено и не отдавалось в руки неприятеля, как в упорной борьбе и по превосходству его сил»³³. Д. Чандлер писал: «Самое ожесточенное сражение сосредоточилось вокруг городского кладбища, несколько раз переходившего из рук в руки, пока французы окончательно не захватили его и вместе с ним и весь город»³⁴. Почти все исследователи отмечают, что после выхода из строя Баркляя его отряд был отеснен из города. Это произошло до начала контратаки Багратиона с колонной А.А. Сомова³⁵.

В ходе пятого этапа ожесточенной баталии Беннигсен приказал Багратиону вновь овладеть Эйлау, выделив для этого ему в помощь 4-ю дивизию генерала Сомова³⁶. Сойдя с коня, Багратион повел три колонны пехоты. Двигались тихо. В атаку пошли у самой городской заставы. «Три колонны Багратиона ворвались в город как огненная лава»³⁷.

Денис Давыдов вспоминал: «Багратион безмолвно слез с лошади, стал впереди передовой колонны и повел ее обратно в Эйлау. Все другие колонны пошли за ним спокойно и без шума. Но при вступлении в улицы все заревело «ура», ударило в штыки, и мы снова овладели Эйлау. Ночь прекратила битву. Город остался за нами»³⁸. А.П. Ермолов и А.И. Михайловский-Данилевский также говорят о Багратионе, возглавившем эту атаку³⁹.

Ночь прекратила этот бой, как оказалось, на время. После взятия города «Багратион убыл в штаб Беннигсена в Ауклаппен. За себя в Эйлау он оставил генерала Сомова»⁴⁰.

Заключительный аккорд сражения – самый запутанный сюжет. Проще всего поступил Д.А. Назаров, который написал: «Уже в 11 часов вечера, по невыясненной достаточно причине, мы очистили Эйлау»⁴¹. А.И. Михайловский-Данилевский, А.П. Ермолов, Д.В. Давыдов винят во всем командира 4-й дивизии, при этом А.П. Ермолов называет его по имени (генерал Сомов), а остальные – «начальствующий над войском».

В городе после успешного боя царил разброд в войсках. В дальнейшем произошла ошибка в установлении места сбора разрепанных русских войск. Барабаны призывали к сбору в восточной части города, «Сомов ударил в сбор в задней части Эйлау»⁴². Это неудачное распоряжение имело далеко идущие последствия. Войска шли на звук барабана, оставляя занятые места. На месте сбора они еще не устроились в боевой порядок. Западные ворота, улицы оказались без защиты. Французы воспользовались этим и легко вошли в город⁴³. Их внезапное появление вызвало замешательство. «Картель французской артиллерии, темнота ночи довершили бой»⁴⁴.

Однако Л.Л. Беннигсен сообщает, что это он лично приказал Сомову отдать французам Эйлау, и «генерал Сомов прекрасно выполнил это приказание после одиннадцати часов вечера»⁴⁵.

Говоря о последствиях захвата Эйлау французами, мы видим также две противоположные точки зрения. С одной стороны – Л.Л. Беннигсена, а с другой – Дениса Давыдова. А.П. Ермолов и А.И. Михайловский-Данилевский более сдержанны в оценках. Последний указал, что Наполеон разместил основные силы на ночь в Эйлау, а русские расположились в поле и заснули мертвецким сном на мерзлой земле глубокой ночью в страшный мороз. Ермолов добавляет, что захват французами Эйлау вынудил Беннигсена несколько изменить боевой порядок армии, поскольку ранее

он «рассчитывал, что Эйлау перед генеральным сражением будет у нас». Эти перестроения происходили глубокой ночью и перед рассветом⁴⁶.

Наиболее критичен в действиях Беннигсена Денис Давыдов. Он называет захват французами Эйлау «неожиданным и несчастным происшествием» и считает, что потеря Эйлау привела к тяжелым последствиям: «Надо было теперь сразу уходить (не начинать сражение на следующий день). Но воля главнокомандующего была непоколебима: жребий брошен»⁴⁷.

По словам же Беннигсена, он стремился к тому, чтобы французы на следующий день наступали именно из Эйлау под огнем русских батарей и атаквали именно центр русской армии. Разгром корпуса Ожеро и успешные действия русских войск до момента прибытия корпуса Даву Беннигсен ставит себе в заслугу. Он пишет, что «силы неприятеля были совершенно бесполезно потрачены против нашего центра»⁴⁸.

Вопрос в другом: планировал ли сам Наполеон захват Эйлау в этот день? Хотел ли он начать ожесточенное сражение за город именно в этот день, 26 января, при отсутствии корпусов Даву и Нея? Уже после боя, узнав об огромных потерях, Наполеон приказал напечатать в бюллетене, что он намеренно приказал провести атаку вечером 26 января, чтобы дать солдатам отдых и укрытие от холода, также – чтобы сковать силы русских, не дать возможности Беннигсену ночью начать отход и вынудить русского главнокомандующего пойти на следующий день на генеральное сражение. Однако многие историки и современники Наполеона оспаривают эту точку зрения. Неоправданные потери случились по вине Мюрата и Сульта. Не в интересах Наполеона было вступать в бой с превосходящими силами русских, пока не подошли Даву и Ней. Д. Чандлер приводит свидетельство капитана Марбо, адъютанта маршала Ожеро. Наполеон, по словам Марбо, якобы, сказал следующее: «Некоторые хотят, чтобы я взял штурмом Эйлау сегодня вечером; но я не люблю ночных боев и не хочу слишком сильно выдвигать мой центр, пока не подошли Даву и Ней, я буду ждать их до завтра на этой возвышенности, которая является прекрасной позицией для нашей пехоты»⁴⁹. Приказы для Даву и Нея были отосланы, Наполеон ждал их прибытия на следующий день. По мнению Марбо, намеренная атака Наполеона на Эйлау является «очень большой ошибкой». Далее Чандлер объясняет, со слов Марбо, почему же все-таки произошел этот бой внутри города. Слуги Наполеона по ошибке оказались с обозом в Эйлау (думая, что там французы) и подверглись нападению русских. В итоге произошла «эскалация» стычки охранявших дозоров в ожесточенный бой. Каждая сторона вводила в бой все новых и новых солдат. В ходе этого боя каждая сторона понесла потери не менее чем по 4000 человек, прежде чем Беннигсен отозвал своих людей и разгоряченные русские колонны не отошли назад.

Эта ночь оказалась самой тягостной из всех, когда-либо испытанных французами в этой кампании. Д. Чандлер писал: «Это была ночь, которую все солдаты не могли бы забыть, однако ужасы следующего дня вскоре затмят ночные страдания в памяти уцелевших»⁵⁰.

Таким образом, бой 26 января 1807 г. под Эйлау имел принципиальное значение для последующего успешного для русской армии исхода генерального сражения. В результате героических усилий арьергарда Багратиона, отряда Барклая и других частей русской армии на подступах к городу и в самом Эйлау главные силы Беннигсена сумели подготовиться к сражению, после которого Наполеон был вынужден прекратить дальнейшее наступление. Он даже отправил посла к Беннигсену и к прусскому королю, желая заключить мир... Как это часто бывает в истории, полководцы-мемуаристы, мудрые «задним числом», потом будут утверждать, что захват (а со стороны русских – сдача) Эйлау была ими задумана, спланирована, чтобы получить те или иные выгоды перед началом генерального сражения. Но уже современники, как мы видели, высказывали серьезные сомнения в этом отношении. В конечном итоге, «победителей не судят», осталось только выяснить, кто был победителем...

Примечания

- 1 Так, 7 – 8 февраля 2007 г. в г. Багратионовске состоялась представительная международная конференция с реконструкцией хода данного сражения.
- 2 Краткие характеристики Л.Л. Беннигсена как военачальника давали А. Керсновский, Д. Давыдов, В. Скотт, А.П. Ермолов, С.Г. Волконский (см.: *Волконский С.Г. Записки*. Иркутск, 1991. С. 108; *Скотт В. Жизнь Наполеона Бонапарта, императора французов*. М., 1995. Т. 1. С. 484; *Керсновский А. История русской армии*. М., 1992. Т. 1. С. 228). Высоко оценивали военные таланты Беннигсена как военачальника А.П. Ермолов и Д. Давыдов.
- 3 Исключениями можно считать отрывочные сюжеты о разгроме корпуса Ожеро, контратаке Мюрата и мужественном поведении Наполеона.
- 4 См.: *Ростунов И.И. П.И. Багратион*. М., 1970. С. 88.
- 5 Впрочем, и в этом случае историки противоречат друг другу. Ср.: *Бантыш-Каменский Д.Н. Российские генералиссимусы и генерал-фельдмаршалы*. М.; Минск, 2005. С. 530; *Лубченков Ю. Самые знаменитые георгиевские кавалеры России*. М., 2003. С. 179. Последний автор непростительно много ошибается. Например, произвольно указывает дату (25 января) сосредоточения русской армии и отряда Барклая у Эйлау, хотя Барклай на рассвете 25 января только собирался вступать в бой под Гофом, а к Эйлау его отряд подошел вместе со всей армией утром следующего дня.
- 6 *Троицкий Н.А. Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты*. М., 2002. С. 118.
- 7 Цит. по: *Троицкий Н.А. Александр I и Наполеон*. М., 1994. С. 117.
- 8 Там же. С. 122.
- 9 См., напр.: *Советская историческая энциклопедия*. М., 1968. Т. 11. С. 528–529; *Советская военная энциклопедия*. М., 1978. Т. 6. С. 506–507; *Бешанов В.В. Шестьдесят сражений Наполеона*. Минск, 2000. С. 191; *Керсновский А. Указ. соч.* С. 225; *Бескровный Л.Г. Русское военное искусство XIX в.* М., 1974; С. 46; *Шефов Н.А. Самые знаменитые войны и битвы России*. М., 2000. С. 278; *Строков А.А. История военного искусства*. СПб., 1994. Т. 4.
- 10 См.: *Чандлер Д. Военные кампании Наполеона: триумф и трагедия завоевателя*. М., 2001. С. 329.
- 11 См.: *Давыдов Д.В. Урок сорванцу // Давыдов Д.В. Сочинения*. М., 1962.
- 12 «Серия столкновений в Бергфриде, Деппене, Либштадте и Вольфсдорфе, Хофе, где Мюрат играет решающую роль, не приносит перевеса ни одной стороне». *Тюлар Ж. Мюрат или «Пробуждение нации»* / Пер. с фр. Г. Зингера. М., 1993. С. 169.
- 13 В справочнике *Д.Н. Шилова «Государственные деятели Российской империи»* (СПб., 2002. С. 68) ошибочно записано: «24.01 при Гофе, 25.01 при Ландсберге выдержал напор французов».
- 14 Это донесение Барклая привел в своем труде А.И. Михайловский-Данилевский (см.: *Михайловский-Данилевский А.И. Описание второй войны императора Александра I с Наполеоном в 1806–1807 гг.* // Полн. собр. соч. СПб., 1849. Т. 1. С. 337).
- 15 *Ермолов А.П. Записки (1798–1826)*. М., 1991. С. 80–81.
- 16 *Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч.* С. 339–340.
- 17 *Ермолов А.П. Указ. соч.* С. 80–81.
- 18 См.: *Скотт В. Жизнь Наполеона Бонапарта, императора французов*. М., 1995. Т. 1. С. 485.
- 19 См.: *Назаров Д.А. Первые две войны императора Александра I с Францией // История русской армии и флота*. М., 1911. Т. 3. С. 70.
- 20 См.: *Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч.* С. 339–340.
- 21 *Ермолов А.П. Указ. соч.* С. 80–81.
- 22 *Ермолов А.П. Указ. соч.* С. 81. Егеря обнаружили брошенные на дороге бочки с вином, что сделало четыре русских полка полностью небоеспособными. См. также: *Отрощенко Я.О. Записки генерала Отрощенко*. М., 2006. С. 27.
- 23 См.: *Назаров Д.А. Указ. соч.* С. 70.
- 24 *Ермолов А.П. Указ. соч.* С. 80–81.
- 25 См.: *Давыдов Д.В. Воспоминание о сражении при Прейсиш-Эйлау // Давыдов Д.В. Сочинения*. М., 1962. С. 86. Д. Давыдов, выполняя приказание Багратиона, лично привел на позицию два полка.
- 26 См.: *Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч.* С. 338–339; см. также: *Ермолов А.П. Указ. соч.* С. 82.
- 27 См.: *Ермолов А.П. Указ. соч.* С. 82; *Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч.* С. 339.
- 28 См.: *Беннигсен Л.Л. Записки о войне с Наполеоном*

- в 1806–1807 гг. // Русская старина. 1899. Т. 99, № 7 (июль). С. 208.
- ²⁹ Назаров Д.А. Указ. соч. С. 70.
- ³⁰ См.: Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 339. По свидетельству французских авторов, Наполеон прибыл к Эйлау не в 14 часов, а несколько позднее.
- ³¹ См.: Беннигсен Л.Л. Указ. соч. С. 209.
- ³² См.: Давыдов Д.В. Воспоминание о сражении... С. 87.
- ³³ Волконский С.Г. Указ. соч. С. 108; См. также: Ермолов А.П. Указ. соч. С. 83.
- ³⁴ Чандлер Д. Указ. соч. С. 334.
- ³⁵ Беннигсен ничего не сообщает о Багратионе с того момента, когда последний передал командование Барклаю (см.: Беннигсен Л.Л. Указ. соч. С. 209). Думается, все же следует больше доверять Ермолову и Давыдову, чем Беннигсену: Багратион действительно возглавлял этот штурм Эйлау.
- ³⁶ А.П. Ермолов считал Сомова главным виновником последующих неудачных событий. Беннигсен также говорит о Сомове, но в положительном смысле (см.: Беннигсен Л.Л. Указ. соч. С. 209).
- ³⁷ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 340.
- ³⁸ Давыдов Д.В. Воспоминание о сражении... С. 88.
- ³⁹ См.: Ермолов А.П. Указ. соч. С. 84. Вальтер Скотт упоминает о бое в городе Эйлау (см.: Скотт В. Указ. соч. С. 486). Сведения о бое внутри Эйлау В. Скотт мог почерпнуть из переписки с Денисом Давыдовым. Но В. Скотт спутал барабанный бой как сигнал сбора после взятия города с тихой атакой отряда Сомова.
- ⁴⁰ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 88.
- ⁴¹ Назаров Д.А. Указ. соч. С. 70.
- ⁴² Ермолов А.П. Указ. соч. С. 84.
- ⁴³ См.: Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 339–340.
- ⁴⁴ Ермолов А.П. Указ. соч. С. 84. Аналогичные сведения приводит и Денис Давыдов (см.: Давыдов Д.В. Воспоминание о сражении... С. 88).
- ⁴⁵ Беннигсен Л.Л. Указ. соч. С. 210. Беннигсен далее объясняет причины, побудившие его «очистить Эйлау».
- ⁴⁶ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 340; Ермолов А.П. Указ. соч. С. 84.
- ⁴⁷ Давыдов Д.В. Воспоминание о сражении... С. 89.
- ⁴⁸ Беннигсен Л.Л. Указ. соч. С. 210.
- ⁴⁹ Чандлер Д. Указ. соч. С. 334.
- ⁵⁰ Там же.

УДК [9:355.2](470.44-89) «1812»

РЕКРУТСКИЕ НАБОРЫ В САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНУ 1812–1814 гг.

В.П. Тотфалушин

Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: TotfalushinVP@info.sgu.ru

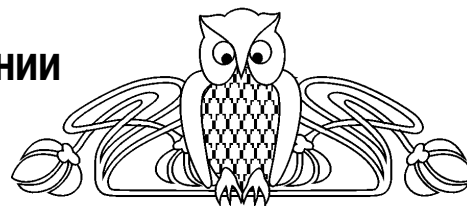
Статья впервые показывает почти непрерывный процесс рекрутских наборов в Саратовской губернии и воссоздает обстановку, в которой они протекали. Приведенный в ней материал позволяет сделать вывод о том, что в условиях крепостного права говорить о подъеме патриотизма и массовом добровольчестве среди местного населения, как это делалось ранее, не приходится.

Recruitment in Saratov Region in Patriotic War 1812–1814

V.P. Totfalushin

Article for the first time shows nearly unceasing process recruitment in Saratov region and will reconstruct the situation, in which they proceed. Provided in her material allows to draw a conclusion about that that in condition of the serfdom to speak of ascent of the patriotism and volunteer mass movement amongst local population, as this was done earlier, it is impossible.

В начале XIX в. пополнение русской армии по-прежнему осуществлялось через систему рекрутских наборов. По числу привлекаемых на пополнение армии людей они отличались крайней неравномерностью, ибо необходимое

число рекрутов определялось степенью укомплектованности войск. Активная внешняя политика России и почти непрерывные войны требовали восстановления людских потерь, в результате резко увеличивалась норма набора.

Набор рекрутов объявлялся указом Сената или манифестом императора, чаще всего в августе или сентябре очередного года. В соответствии с ними к гражданским губернаторам, в губернские правления и казенные палаты рассылались предписания кому и как производить набор. В них указывалось, откуда и какого состава нарядить воинские команды для сопровождения рекрутов в назначенные места. Набор производился, обыкновенно, с начала ноября. Если собранного числа рекрутов оказывалось недостаточно, следовал новый указ, в дополнении к предыдущему.

До 1808 г. собранные по губерниям рекруты направлялись непосредственно в полки, однако в октябре 1808 г. было утверждено «Положение о приеме рекрут, препровождении и содержании их в запасных рекрутских депо». Теперь рекруты поступали в запасные депо на девять месяцев и распределялись по полкам, уже зная главные правила военной службы. Запасные рекрутские депо учреждались по одному на каждую дивизию

и подразделялись (по степени боевой подготовки) на рекрутские депо 1-й и 2-й линий.

Правда, с марта 1812 г. рекрутов назначалось «принимать и содержать при губернских гарнизонных батальонах на том же основании, как содержатся и приготавливаются рекруты в рекрутских депо»¹.

В рассматриваемую эпоху наряду с другими регионами России регулярно отправляла в армию своих представителей и Саратовская губерния. В дореволюционной литературе первые отрывочные сведения об этом имеются уже в книге А. Леопольдова². Более подробная информация о саратовских рекрутских наборах содержится в сборнике материалов Н. Ф. Хованского³.

Частично затрагивает этот сюжет и коллективная брошюра, посвященная ополчениям Поволжья, вышедшая в годы Великой Отечественной войны⁴. Статистические данные, приведенные в последнем сочинении, перекопированы и в работы новейшего времени⁵.

Цель настоящей статьи показать почти непрерывный процесс рекрутских наборов в Саратовской губернии и воссоздать подлинную обстановку, в которой они протекали. В ней рассмотрен период с последнего предвоенного набора, который фактически завершился только к весне 1812 г., до последнего набора военного времени, продолжавшегося до завершения кампании 1814 г.

Манифест от 16 сентября 1811 г. объявил о начале с 1 ноября 81-го рекрутского набора (с 500 душ по 4 человека). Саратовский губернатор А. Д. Панчулидзе, узнав об этом, писал уездным предводителям дворянства: «Известно, что некоторые г. г. уездные предводители для произведения раскладки по первобывшим (т. е. бывшим до этого. – В.Т.) наборам собирались в Саратов весьма поздно и тем останавливали скорое окончание раскладок: по поводу сего я долгом поставляю отнестись <...> прося покорно <...> прибыть сюда для раскладки непременно к 15 октября»⁶.

По этому набору с Саратовской губернии следовало поставить 3022 человека. Их надлежало первоначально сводить в Саратовский батальон внутренней стражи, откуда «по прибытии учебной команды от 20-й дивизии»⁷ десятью (по другому источнику – 11-ю)⁸ партиями переправить в Азовское депо⁹ (замечу, что прежде саратовцев отправляли в Брянское депо).

Многочисленные трудности, с которыми властям пришлось столкнуться в ходе этого набора, подробно изложены Хованским¹⁰. В результате, в январе 1812 г. губернатор, обращаясь к городничим и земским судам, писал: «С окончанием срока приема рекрут оказалось их в остатке около 300 чел[овек]. Вы должны знать все те селения, кои обязанности своей еще не выполнили; и потому подтверждаю вам обратить ваше усердие и расторопность на все села, не отдавшие рекрут, чтобы сейчас сюда высланы были; всякая медленность

отнесется на ваш счет и никакое оправдание уважено не будет»¹¹.

А в феврале 1812 г. саратовским властям уже было предписано взыскать вместо забракованных рекрутов новых, годных, и выслать их в течение одной недели в рекрутское присутствие¹².

Манифест от 23 марта 1812 г. объявил о начале дополнительного 82-го рекрутского набора (с 500 душ по 2 рекрута). 25 тыс. рекрутов из районов восточнее Москвы предназначались на формирование 12 новых полков: 1–8-го пехотных и 1–4-го егерских. По два егерских полка предполагалось сформировать в Ярославле и Воронеже, по два пехотных – в Тамбове, Рязани, Костроме и Владимире.

Рекруты Саратовской губернии в количестве 1511 человек целевым назначением пошли на укомплектование 2-го (с 5 июля 1812 г. – 4-го) Воронежского егерского полка. Основная масса саратовских рекрутов состояла из помещичьих крестьян. На долю удельных крестьян, например, пришелся только 91 человек¹³.

Манифест от 4 августа 1812 г., полученный в Саратове 23 августа, объявил о начале 83-го рекрутского набора (со 100 душ по 2 рекрута)¹⁴. Местный летописец, протоиерей саратовского Троицкого собора Н. Г. Скопин, 26 августа записал: «Получено повеление собрать с 500 по десяти рекрут. Видно, враг наш успевает»¹⁵. С 447 900 обязанных рекрутской повинностью душ Саратовской губернии следовало взять 8 958 человек, в том числе 461 – от удельных крестьян.

По предписанию военного министра от 17 сентября 1812 г., 5 000 саратовцев предполагалось отправить во Владимир с конвоем от резервных полков генерал-лейтенанта А. А. Клейнмихеля и генерала от инфантерии Д. И. Лобанова-Ростовского, а 3 958 – в Симбирск с конвоем от саратовского батальона «с помощью обывателей, наряжаемых земским начальством по распоряжению гражданского губернатора»¹⁶.

Однако распоряжением императора от 25 сентября «рекруты настоящего набора» от Саратовской губернии были целиком «обращены в Арзамас...» «в распоряжение генерала от инфантерии князя Лобанова-Ростовского, имеющего формировать от 19 до 23 полков, которые будут располагаться между реками Цной, Окой, Волгой и Сурой около Арзамаса...»¹⁷.

Но вскоре успехи русской армии дали новое направление саратовским рекрутам: предписанием от 28 ноября 1812 г. они были отправлены уже не в Арзамас, а в Орел¹⁸.

В ходе этого набора возникло сомнение в понимании манифеста: «...должны ли мещане участвовать в таковом или же правительство на лиц, принадлежащих к городским обществам, имеет особенные виды...». 20 сентября 1812 г. Панчулидзе уведомил Саратовскую городскую думу о том, что сделал представление по этому вопросу главнокомандующему в Петербурге. Пока

же, до получения ответа, он приказал городским думах и городничим готовить рекрутов и все для них необходимое, чтобы с получением ответа не было ни малейшего промедления в высылке рекрутов.

Однако саратовское мещанское общество приняло иное решение: поскольку ответа еще нет и неизвестно, каким он будет, то «... к заготовлению рекрут и амуниции приступить преждевременно...» и только после получения «... о сборе с мещан рекрут особого повеления... должное мещанами исполнение учинено быть имеет»¹⁹.

В результате, получив разъяснение из военного ведомства, губернатор 11 октября отправил с нарочными приказание о наборе во все уездные города, требуя, чтобы рекруты были высланы в Саратов в течение двух дней с момента получения предписания.

Манифест от 30 ноября 1812 г., полученный в Саратове 7 декабря, объявил о начале 84-го рекрутского набора с 500 душ по 8 человек с освобождением дворянских имений от поставки ополчения. По нему Саратовская губерния должна была поставить 7 137 человек в четыре приема: по правилам давалось две недели на рекрутские раскладки и распоряжения, затем месяц на набор 1/4 части рекрут, после выступления первой четверти начинался прием следующей и т. д.²⁰

Однако, несмотря на эти ухищрения, набор шел трудно, «так как помещики... – по словам К. Хр. Л. Шенка, отбывавшего плен в Саратове, – были очень недовольны, несмотря на то, что всегда говорили о своем патриотизме и своей ненависти к французам»²¹.

Причины этого недовольства уточняет в своем дневнике (в январской записи 1813 г.) Скопин: «... все крестьяне наборами рекрутскими разстроены, и самая их зимняя промышленность, состоящая в извозничестве, остановилась; от сего провоз рыбы из Саратова и соли крайне затруднился. Словом сказать: все состояния более или менее от сего претерпели»²².

По предписанию Военного министерства от 6 декабря 1813 г., 250 рекрутов Саратовской губернии отправлялись на флот, 2500 человек – в Георгиевск в распоряжение генерал-лейтенанта Н. Ф. Ртищева, прочие предназначались в резервную армию к Брест-Литовску²³.

По сведениям Скопина от 3 мая 1813 г., рекрутов третьей части «нынешнего набора» по Саратовской губернии было «велено выслать» на Кавказскую линию «и последнюю, четвертую, часть собрать уже велено»²⁴. Однако к 25 мая 1813 г. по губернии все еще оставалось «в недоимке» 1 599 человек из последней «четверти»²⁵.

Впрочем, не все благополучно было и с прежними наборами. 1 июня 1813 г. к главнокомандующему в Санкт-Петербурге С.К. Вязмитинову был направлен запрос статс-секретаря П. С. Молчанова: «... доставить записку, которая содержала

бы в себе сведения <...> сколько именно с каких губерний с начала 1812 года по ныне взято рекрут...». В подготовленной в ответ «Ведомости о недоимочных рекрутах прежних наборов, кроме 84-го» от 16 июня 1813 г. по Саратовской губернии на 25 мая все еще значилось 49 человек²⁶.

Манифест от 21 августа 1813 г. объявил о начале с 15 сентября 85-го набора (с 500 душ по 8 человек) рекрутов не моложе 19 и не старше 40 лет. Исходя из общего количества податных душ (449 308 человек), с Саратовской губернии было назначено собрать 7 189 рекрутов, в том числе с помещичьих крестьян – 3 997, с казенных – 2 520, с удельных – 374, с мещан и цеховых ремесленников – 298 человек²⁷.

Этот же манифест разрешил «ставить в замену рекрут строевых лошадей...». По «Росписанию», разосланному 15 сентября 1813 г., Саратовская губерния (вместе с Астраханской, Воронежской и Кавказской) была отнесена к округе с центром в Воронеже, и на ее территории было предположено собрать 1 298 лошадей (300 кирасирских, 500 драгунских и конно-егерских, 498 гусарских и уланских) за 258 человек²⁸.

Тем временем, затребовав от Саратовского благородного собрания дворянских чиновников «для провода рекрут и лошадей» и отправив эстафеты о рекрутском наборе во все города Саратовской губернии, саратовский губернатор 12 октября обратил внимание главнокомандующего в Петербурге на то обстоятельство, что манифест был получен в Саратове «...с почтою 25 числа (сентября. – В.Т.) позже 10 днями...» от времени начала приема рекрутов²⁹.

К тому же, продолжал он, «...на самое обещание онаго (манифеста. – В.Т.) по Саратовской губернии <...> по обширности оной потребно по крайней мере 10-ть же дней...». Исходя из этого, саратовский губернатор просил «...считать начало приема со дня окончания [о]повещения, то есть с 5 октября, и продолжить оный до 5 декабря...», общая приложить «...всемерное мое попечение, чтобы рекруты все поступили в отдачу к сроку...»³⁰.

27 сентября Скопин так прокомментировал известие об указе: «Тяжкой набор! Но видно есть и была нужда в людях, хотя бы пожертвовать да успокоиться на долгое время»³¹.

Весть о замене рекрутов лошадьми «обратило многих к отысканию лошадей, с надеждою отвести сию повинность поставкою оных, так как количество их определяемо не было», а 14 октября, когда «начали уже сводить сюда (в Саратов. – В.Т.) лошадей», пришло предписание с правилами и примерным расписанием.

Как только о нем стало известно, «то все почти в одно время предъявили к отдаче искупленных ими лошадей – в три только приема поступило от отдатчиков лошадей почти на две трети назначения»³². В результате, как резюмировал 28 октября 1813 г. Скопин, было «... много городу утеснения

и в разсуждении пленных и рекрутов, и принимаемых лошадей»³³.

Предвидя такое развитие событий, саратовский губернатор еще 15 октября запросил Петербург: «Но ежели сверх сего числа будут еще представляемы лошади взамен рекрут, то должно ли принимать их или нет...». А позднее писал: «Еще остается сведенных сюда и ежедневно представляемых к отдаче большое количество лошадей всякого рода <...> сюда же ведутся лошади из дальних уездов, я <...> полагаю, что здесь сверх примерного назначения <...> поступит еще в отдачу не менее 500 лошадей». В результате, пока ждали ответа, к 24 ноября 1813 г. в губернии было «принято всех вообще лошадей 1 548»³⁴. Атмосферу, царившую в городе в эти дни, хорошо передает декабрьская (с 7-го по 10-е) дневниковая запись Н. Г. Скопина: «О лошадях, принимаемых вместо рекрут, великая была сумятица: рвались наперерыв друг перед другом их ставить и брались по-мужичьи самые дворяне»³⁵.

Между тем 7 ноября 1813 г. Взмитинов довел до сведения Панчулидзева решение Комитета министров, который «...положил: в случае позднего получения <...> манифеста, двухмесячный срок для набора считать со времени распубликования манифеста в губернии...»³⁶. Однако и этот набор шел с трудом: к 3 ноября в губернии было принято только 1 596 человек. Объясняя причины сего, губернатор вновь ссылаясь на задержку в получении манифеста, на чрезвычайную распутицу и на поиски лошадей, которых отдачки кинулись искать на замену рекрутов³⁷.

Сбор лошадей в ходе 85-го рекрутского набора продолжался до начала 1814 г. и всего по Саратовской губернии было принято 4 603 лошади (712 кирасирских, 1 635 драгунских и 2 256 уланских) за 881 рекрута³⁸, в том числе за 49 человек от удельных крестьян, которые остальных 325 рекрутов выставили полностью «в натуре»³⁹.

Однако в целом до 5 января 1814 г. из Саратовской губернии было отправлено 6 272 человека вместо 7 189, таким образом, в недоимке оставалось 917, а по прежним сборам – еще 75 человек⁴⁰.

Всего же, по итоговому отчету А. Д. Панчулидзева, «в наборы 1812-го и 1813-го годов поступило рекрут с Саратовской губернии до 25 т. человек»⁴¹ (17 606 – в 1812 г.⁴², 7 189 – в 1813 г., итого – 24 795).

Снаряжение рекрутов тяжким бременем ложилось на местное население. В том же отчете читаем: «Аммуниция рекрут по Саратовской губернии строится из отдачковых сукон и холстов, к привозу которого они вызываются губернатором всегда при начале каждого набора. При отдаче сукна они платят за пошивку с прикладом⁴³ всей аммуниции установленную плату, которая была в последние наборы по 6 рублей. Вместе с тем всякому предоставляется шить оную самому, для

чего разосланы к предводителям, городничим и исправникам образцы.

Представляющим своего изделия сукна и холст аммуниция стоит дешево, но и тем, кои по неимению своего сукна и холста покупали оных по базарам при многотой от больших наборов потребности, а следственно и дороговизне аммуниция каждого рекрута с покупкою двух пар сапог и всех прочих положенных вещей обходилась от 50 до 60 рублей»⁴⁴.

В ходе проведения рекрутских наборов в Саратовской губернии проявлялась сверхцентрализация в решении даже самых мелких вопросов. Столичные власти брали на учет каждого отдельного рекрута, контролировали провинциальную юриспруденцию, вникали в работу местных медицинских комиссий.

Например, 23 октября 1811 г. управляющий Военным министерством А. И. Горчаков интересовался у саратовского губернатора судьбой четырех человек, «из принятых по минувшему 80-му»⁴⁵ набору в Саратовской губернии, один из которых был оставлен в Саратове «под следствием в подложном имени», а трое других – «на испытании врачебной управы в годности к службе» и требовал сообщить, «куда отправлены все оные четыре человека или поступившие на перемену их другие...»⁴⁶.

Несмотря на это, рекрутские наборы в Саратовской губернии не только шли со скрипом, но и сопровождалась типичными для всей России рецидивами. Наблюдательный Шенк писал: «Русский крестьянин, хорошо знающий, что, если он однажды стал солдатом, уже может не думать о возвращении в свое село, обычно близок к отчаянию и намного печальнее, чем наш немецкий сельский люд, которому выпадает жребий при рекрутском наборе <...> То, что русские крестьяне неохотно идут в солдаты, можно судить уже на основании того, что очень многие калечат себя, чтобы остаться свободными от воинского звания <...> Способы, которыми крестьяне калечат себя, очень разнообразные: они выбивают себе передние зубы, отрубают себе несколько пальцев, повреждают свои глаза и т. д.»⁴⁷.

Подтверждения этому в изобилии встречаются в официальных документах. Например, из села Чертанла сообщали, что удельный крестьянин Поликарп Шарухин в 1813 г., уклоняясь от рекрутской очереди, «... повредил умышленно член себе – правый глаз...»⁴⁸.

Многие из тех, кому грозила солдатчина, скрывались или бежали как из рекрутских присутствий, так и во время переходов, невзирая на угрозу жестокого наказания в случае поимки⁴⁹. Факты подобного рода также отмечены в мемуарах «саратовских» военнопленных⁵⁰.

Желающие избежать рекрутчины могли воспользоваться разрешением правительства сделать замену рекрута купленным человеком. Однако вопреки указу от 7 сентября 1804 г., помещики

делали мнимые покупки крепостных с некоторым количеством земли и отдавали их за другие свои имения. Поэтому в мае 1810 г. было сделано дополнительное распоряжение, чтобы при отдаче помещиками рекрутов не принимать купленных ими людей ранее трех лет после покупки и требовать доказательств времени покупки этих людей⁵¹.

Можно было обойтись и вербованным человеком. Например, за саратовцев братьев Колесниковых в 1813 г. «по взаимному соглашению за условленную плату поступил... в воинскую службу саратовский мещанин Иван Петров Чернышев...»⁵². Однако и здесь не обходилось без злоупотреблений. Так, в феврале 1813 г. вахмистр Конторы опекунов иностранных задержал жителей колонии Россоши Саратовской губернии Адама и Томаса Клейнов, «которые, нанимаясь у разных людей в рекруты, оных обманывают и, по городу шатаясь, пьянствуют». Решением Конторы обманщики «для воздержания от пьянства» были заключены на две недели в работный дом⁵³.

Наконец, манифест от 5 ноября 1811 г. разрешил «всем состояниям, рекрутскую повинность несущим, вносить вместо поставки рекрута натурою по 2 000 рублей». В результате, к 15 декабря по всем губерниям поступило прошений о замене деньгами 10 тыс. рекрутов, причем прошения такого рода продолжали поступать и после установленного срока. В итоге губернаторам было предписано продолжать прием прошений и денег до 1 марта 1812 г., причем разрешалось откупать даже тех рекрутов, которые были уже отправлены в депо⁵⁴.

Многие помещики, будучи не в состоянии уклониться от исполнения рекрутской повинности, стремились сплавить в армию из своих имений весь балласт. Шенк вспоминал об этом так: «Он (помещик. – В.Т.) выбирает его (рекрута. – В.Т.) только по своему усмотрению, согласно своим интересам, и потому отправляет (в армию. – В.Т.), как правило, только самых негодных субъектов...»⁵⁵.

Не отставали от дворян и другие категории населения. Например, из села Чертанла пошел в рекруты удельный крестьянин Белдикин «по несродственности <...> к крестьянской работе и промыслам...»⁵⁶. Из немецких колоний, вообще освобожденных от рекрутской повинности, в 1809 г. были отправлены в солдаты «...Ижорской колонии колонист Фридрих Леверенц», который «развратным поведением разстроил свое хозяйство...», и колонист колонии Екатериненштадт Давид Гендель «... по безпутной жизни...»⁵⁷.

Рекрутские наборы сопровождались и массовыми нарушениями закона со стороны властей. Так, в ноябре 1813 г. Департамент полиции исполнительной обратил внимание на расхождение в количестве душ: в ведомстве Министерства финансов было учтено по Саратовской губернии 474 974 души, «у губернатора показано 449 308», «следовательно, меньше» на 25 666⁵⁸.

А 11 декабря 1813 г. Салтыков доложил им-

ператору Александру: «Гайный советник князь Голицын доставил ко мне полученный им от неизвестного донос о разных в Саратовской губернии злоупотреблениях по рекрутской части. Хотя безыменные доносы по закону и не приеются, но как в сем описываются величайшие злоупотребления с подробностью и с показанием лиц в них участвующих, то я препроводил его к Главнокомандующему в Санкт-Петербурге <...> с тем, чтобы он послал в Саратов благонадежного чиновника для разведания под рукою, дабы потом, буде извет окажется основательным, можно уже было отправлять доверенную особу для произведения законного изследования...»⁵⁹.

Какие именно злоупотребления могли твориться в Саратове позволяют установить опять-таки мемуары Шенка: «Для <...> комиссии по обследованию (рекрут. – В.Т.), особенно для представленных к ней врачей и хирургов, этот рекрутский набор является настоящим золотым дном, потому что дворянам и казенным крестьянам приходится им платить. К сожалению, я заметил, что нет на земле другой такой страны, где взяточничество является настолько обычным явлением как в России, где даже не боятся открыто говорить об этом»⁶⁰.

Таким образом, Саратовская губерния в эпоху войны 1812–1814 гг. регулярно поставляла своих представителей в ряды армии. Для их набора традиционно использовался административно-полицейский аппарат и сословные органы самоуправления. Вся тяжесть наборов ложилась на плечи податных сословий, для которых рекрутчина продолжала оставаться самой тяжелой повинностью. Благородное сословие и местное начальство, выполняя правительственные распоряжения, стремились максимально соблюсти собственные интересы.

В условиях крепостного права, когда вершителем судеб крестьян был их помещик, и тотальной централизации в решении всех вопросов, а также отсутствия внешнего возбудителя в лице неприятеля, в силу удаленности Саратовской губернии от театра военных действий, говорить о подъеме патриотизма и массовом добровольчестве среди местного населения, как это делалось ранее⁶¹, не приходится.

Примечания

- 1 См. подробнее: *Богданов Л. П.* Русская армия в 1812 году: организация, управление, вооружение. М., 1979. С. 56–70.
- 2 См.: *Леопольдов А.* Исторический очерк Саратовского края. М., 1848. С. 142.
- 3 См.: *Хованский Н. Ф.* Участие Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 года. Саратов, 1912.
- 4 См.: *Софинов П., Эпштейн Д., Жибарев П.* Народное ополчение Поволжья в Отечественной войне 1812 года. 2-е изд. Саратов, 1942. С. 19.

- 5 См., напр.: История Саратовского края: С древнейших времен до 1917 г. / Под общ. ред. В. П. Тотфалушина. 2-е изд., испр., доп. Саратов, 2000. С. 106.
- 6 Хованский Н.Ф. Указ. соч. С. 22.
- 7 20-я пехотная дивизия была сформирована 5 февраля 1808 г. (начальник – генерал-майор П. М. Коллюбакин) (см.: Отечественная война 1812 года: Энциклопедия. М., 2004. С. 230).
- 8 Хованский Н.Ф. Указ. соч. С. 23.
- 9 См.: РГИА. Ф. 1286, оп. 2. 1811 г. д. 365, л. 20 об., 21, 23; Софинов П., Эпштейн Д., Жибарев П. Указ. соч. С. 19.
- 10 См.: Хованский Н. Ф. Указ. соч. С. 23–24.
- 11 Там же. С. 24.
- 12 Там же.
- 13 См. подробнее: Тотфалушин В. П. Из истории формирования 2-го Воронежского егерского полка // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи: Материалы VIII Всерос. науч. конф., Москва, 21–22 апреля 2005 г. М., 2005.
- 14 См.: Хованский Н.Ф. Указ. соч. С. 64.
- 15 Скопин Н. Г. Записки дневные о делах и вещах достопамятных // Саратовский исторический сборник, издаваемый Саратовской ученой архивной комиссией в память трехсотлетия города Саратова. Саратов, 1891. Т. 1. С. 452.
- 16 См.: РГИА. Ф. 1286, оп. 2. 1813 г. д. 170, л. 269 об., 270 об., 271, 272 об.; ГАСО. Ф. 1, оп. 1, д. 17, л. 326; ф. 606, оп. 1, д. 115, л. 535; Хованский Н. Ф. Указ. соч. С. 64–65.
- 17 См.: РГИА. Ф. 1286, оп. 2. 1813 г. д. 170, л. 338–338 об.; ГАСО. Ф. 1, оп. 1, д. 15, л. 286; д. 17, л. 326.
- 18 См.: ГАСО. Ф. 1, оп. 1, д. 15, л. 286.
- 19 См.: Хованский Н. Ф. Указ. соч. С. 66–67.
- 20 См.: РГИА. Ф. 1286, оп. 2. 1813 г. д. 77, л. 16 об. 17; Хованский Н.Ф. Указ. соч. С. 67–68.
- 21 Шенк К. Хр. Л. Сообщения из жизни французского подполковника, содержащие историю его пленения в битве при Бородино в России 7-го сентября 1812 года, его перевозки к границам Азии, о также его пребывания и содержания там в качестве военнопленного в 1813 и 1814 годах / Пер. с нем. Е. В. Ермасова, коммент. В. П. Тотфалушина // Докл. Акад. военных наук. Саратов, 2004. № 12. С. 92.
- 22 Скопин Н. Г. Указ. соч. С. 458.
- 23 См.: ГАСО. Ф. 1, оп. 1, д. 18, л. 322.
- 24 Скопин Н. Г. Указ. соч. С. 465.
- 25 РГИА. Ф. 1286, оп. 2. 1813 г. д. 77, л. 32 об.
- 26 Там же. Л. 1, 37.
- 27 Там же. Д. 78, л. 393; Хованский Н.Ф. Указ. соч. С. 77.
- 28 См.: Тотфалушин В. П. «Мы более имеем нужду в лошадях, нежели в людях...»: О сборе волов и лошадей для армии в Саратовской губернии (1812–1813 гг.) // Отечественная война 1812 года и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях: Материалы Всерос. науч. конф. Малоярославец, 2005. Вып. 13. С. 202.
- 29 См.: Скопин Н. Г. Указ. соч. С. 472; Хованский Н.Ф. Указ. соч. С. 77–78; Тотфалушин В. П. «Мы более имеем нужду в лошадях...» С. 202.
- 30 РГИА. Ф. 1286, оп. 2. 1813 г. д. 78, л. 392–392 об.
- 31 Скопин Н. Г. Указ. соч. С. 472.
- 32 Тотфалушин В. П. «Мы более имеем нужду в лошадях...» С. 202–203.
- 33 Скопин Н. Г. Указ. соч. С. 473.
- 34 Тотфалушин В. П. «Мы более имеем нужду в лошадях...» С. 203.
- 35 Скопин Н. Г. Указ. соч. С. 474.
- 36 РГИА. Ф. 1286, оп. 2. 1813 г. д. 78, л. 395.
- 37 Там же. Д. 122, л. 100–100 об.
- 38 Тотфалушин В. П. «Мы более имеем нужду в лошадях...» С. 204.
- 39 ГАСО. Ф. 606, оп. 1, д. 115, л. 499, 536.
- 40 ГАСО. Ф. 1, оп. 1, д. 19, л. 97.
- 41 ГАСО. Ф. 407, оп. 1, д. 1661, л. 4 об.
- 42 В краеведческой литературе с подачи авторов коллективной брошюры «гуляет» ошибочное утверждение, что в 1812 г. по Саратовской губернии было собрано свыше 9000 рекрутов (см.: Софинов П., Эпштейн Д., Жибарев П. Указ. соч. С. 19).
- 43 Приклад – в российской армии – цветное сукно, использовавшееся для отделки мундира.
- 44 ГАСО. Ф. 407, оп. 1, д. 1661, л. 4 об.
- 45 В публикации – «86-му» – явная опечатка.
- 46 Епанчин Ю. Л. Документы о рекрутских наборах в Саратове в эпоху Отечественной войны 1812 года // Саратовский краеведческий сборник: Научные труды и публикации. Саратов, 2002. С. 189.
- 47 Шенк К. Хр. Л. Указ. соч. С. 92.
- 48 ГАСО, Ф. 606, оп. 1, д. 115, л. 548.
- 49 Там же. Д. 121, л. 82; Хованский Н.Ф. Указ. соч. С. 23, 24.
- 50 См., напр.: Военнопленный в сердце России. 1812–1814 гг.: Воспоминания гусарского лейтенанта Вестфальской королевской армии Эдуарда Рюппеля, обработанные и изданные Фридрихом Клеменсом Эбрардом / Пер. с нем. А. Н. Галямичева, коммент. В. П. Тотфалушина // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. V: Сб. материалов. К 200-летию Отечественной войны 1812 года // Труды ГИМ. М., 2006. Вып. 161. С. 294.
- 51 Хованский Н.Ф. Указ. соч. С. 22.
- 52 ГАСО. Ф. 94, оп. 1, д. 257, л. 107.
- 53 См.: Тотфалушин В. П. Поволжские колонисты и Отечественная война 1812 г. // Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения: Материалы междунар. науч. конф. М., 1996. С. 142–143.
- 54 Хованский Н.Ф. Указ. соч. С. 24.
- 55 Шенк К. Хр. Л. Указ. соч. С. 92.
- 56 ГАСО. Ф. 606, оп. 1, д. 106, л. 475.
- 57 См.: ГАСО. Ф. 180, оп. 1, д. 24, л. 747, 747 об., 849, 849 об.
- 58 РГИА. Ф. 1286, оп. 2, 1813 г. д. 78, л. 394.
- 59 РГИА. Ф. 1409, оп. 1, д. 814, л. 127–127 об.
- 60 Шенк К. Хр. Л. Указ. соч. С. 92.
- 61 См., напр.: Софинов П., Эпштейн Д., Жибарев П. Указ. соч. С. 19–20.

УДК [9:355.2](470–89)«1812»

К ВОПРОСУ О НАЗНАЧЕНИИ И РЕАЛЬНОМ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ОПОЛЧЕНИЙ 1812 ГОДА В РОССИИ

С.В. Шведов

Музей истории Москвы

E-mail: history1812@yandex.ru

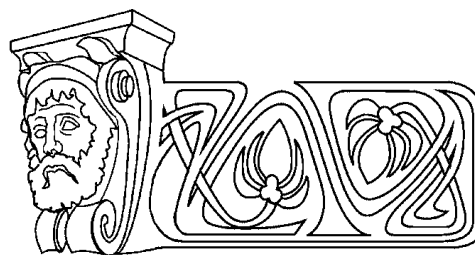
Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. имело две задачи: во-первых, руководить местным населением в народной войне, удерживать людей в повиновении властям. Во-вторых, нести боевую службу наравне с регулярными воинскими частями. Правящая верхушка не была заинтересована делать ставку на превращение ополчения в боеспособное войско. Проанализированы секретные циркуляры Министерства внутренних дел 1806 и 1812 гг., а также беседа Александра I с мэром г. Гельсингфорс И. А. Эренстремом накануне сражения при Бородино. Выполнить задачу №2 удалось лишь петербургскому и новгородскому ополчениям. Благодаря политической воле императора Александра они имели все необходимое и дрались наравне с регулярными войсками. Ополчения подмосковных губерний выполняли задачу №1, охраняли порядок на границах своих губерний.

Predestination and Real Application of Militia in Patriotic War of 1812 in Russia

S.V. Shvedov

Russian peoples were able to take two tasks in war of 1812: 1) to wake up hate against the conquerors and to keep citizens in obedience to the authorities; 2) to carry out war service as well as regular army. The supreme power was afraid of armed peasants and was not interested to do militia striking army. Peoples activity permitted Tzar to require of rule class to offer their property and not to criticize the political course. The author is analysing secret circulats of the Home office of Russia. 1806 and 1812 years the talk of Tzar with I. Erenstrem before battle of Borodino and reports of governors and commanders of militia. Militia of districts of Petersburg and Novgorod were able to carry out task № 2. Tzar Aleksandr had forced to equip combatants all necessary arms. That is why they wage war as regular troupes. But militia of districts round Moscow carried out only the task №1.

В современной отечественной историографии вопрос о назначении и реальных возможностях народного ополчения в Отечественной войне 1812 г., важный для мыслящего читателя, остается не вполне проясненным. Ополчение как исторический феномен рассматривалось в самом общем виде вне сложных взаимосвязей с родственными явлениями. Невозможно спорить с утверждением Л. Г. Бескровного, что «главным героем войны является русский народ, поднявшийся на защиту государственной независимости и национальной свободы своей великой Родины»¹. Однако подобное утверждение не дает представления о сущности явления, не учитывает особенности истории, культуры, географии, экономики, национального

характера и военных традиций, в которых формируется и развивается.

Успех народного ополчения, как и народной войны в целом, непосредственно связан с такими внешними факторами, как отход русской армии вглубь исконно русской территории, плотность населения, степень развития товарного хозяйства, особенности национального характера и т.д.

Если воспринимать использование ополчения как средства народной войны, обусловленного стратегическим планом обороны, основанном на уклонении до определенного времени от генерального сражения, то невольно зарождается мысль о заблаговременной подготовке императора Александра к избранию данного курса, который требовал большой смелости и скрытности. Н.А. Троицкий уже показал, что император Александр I «смело, несмотря на открытые угрозы консерваторов, проводил линию на временный союз с Наполеоном в 1807–1810 годах», чтобы под прикрытием «союзного договора» увеличивать свои средства и силы, готовиться «среди глубочайшей тишины» к новой борьбе при более выгодном соотношении сил»². В отношении плана привлечения ополчения можно сказать также, что до момента его реализации, как и плана отхода вглубь страны, они не могли быть сообщены даже узкому кругу лиц. Как правильно подметил С.М. Соловьев, отход вглубь страны является необходимой предпосылкой возникновения народной войны и успеха формирования ополчения, но негативное отношение войска и народа к системе отступления составляет самую печальную сторону войны 1812 года³. То же написал в своем историко-психологическом очерке историк Г. Чулков: «Ни солдаты, ни полководцы не хотели отступления, обманом их понуждали отступать, почему армия и не теряла мужества. Все-таки работал подсознательный инстинкт, сражаясь уходило все дальше вглубь страны»⁴. П. Г. Рынзюнский в 1947 г. развил эту мысль, указав, что еще в предвоенный период планировалось перенесение центра тяжести обороны государства с регулярной армии на «народные силы»: «...конкретные планы обороны России могли быть при этом построены в двух вариантах. С одной стороны, признавалось возможным пресечь вторжение Наполеона решительными действиями русских армий, главным образом, маневренного порядка, причем эти действия должны были быть быстрыми, так как даже Барклай де

Толли, как мы видели, сомневался в устойчивости «национального духа» кадровой русской армии. С другой стороны, видели выход в более рискованной системе действий: в допущении противника в глубинные области России, *чтобы вызвать там своеобразно понимаемое, возглавляемое дворянством, народно-патриотическое движение*» (выделено нами. – С.Ш.)⁵. К сожалению, данная коллизия двух элементов народной войны по-прежнему нуждается в подробном анализе.

В современной отечественной историографии продолжают сосуществовать противоположные мнения о боеспособности и назначении ополчений в 1812 г. Те, кто не видят в них реальной силы, как правило, занижают численность Московского и Смоленского ополчений в битве при Бородино до 10 тыс. чел.⁶ По существу, это была численность отряда И.И.Маркова, впервые указанная на кроках позиции русской армии около дер. Утицы. Затем эта цифра вошла в труды многих историков как общая численность ополченцев по всей армии. А.И. Михайловский-Данилевский и М.И.Богданович иногда ссылались на ведомости, где указывалось число ополченцев от 15 до 25 тыс. чел.⁷. В то же время большинство современных историков охотно признают тот факт, что боевые качества Петербургского и Новгородского ополчений, проявившиеся в ходе сражений при Полоцке, Чашниках и Старом Борисове, а затем в ежедневных, авангардных стычках во время похода до р. Березина не уступали качествам регулярных войск. Попробуем разрешить возникшее противоречие, разобраться, каково было первоначальное назначение ополчений и их реальные возможности.

Удивительно то, что ответы были даны уже в документах начала русско-французской войны 1806–1807 гг., когда Россия предприняла первую попытку противопоставить всеобщей воинской службе Франции свое всеобщее вооружение в виде земской милиции. В Манифесте от 30 ноября 1806 г. подчеркивалась необходимость принятия мер необыкновенных: «...необходимость в мерах необыкновенных, в усилиях великих и твердых, которые внушены могут быть единственно любовью к Отечеству, духом мужества и истинным ревнованием славы. Таковыми только чувствованиями воспламененный и движимый, народ поставить может повсеместным ополчением непроницаемый оплот противу сил враждебных, сколь бы они велики не были. Нерадение о составе таковых внутренних вооружений, в настоящую войну с Францией, усиленную наглými грабежами и захватами, имело для Австрии пагубнейшие последствия и ускорило завоевание Пруссии, жребий их решился потерей нескольких сражений, после которых неприятель не встречая преграды со стремительностью ворвался в пределы их <...> Храбрость и победы Всероссийской армии в течение столетия наполняют нас несомненным упованием, что ныне ковы врагов сокрушатся. Но

столь великое пространство, на котором армиям сим действовать предлежит, и очевидная опасность принуждают нас прибегнуть к сильнейшим способам для отвращения оной, составив повсеместно временное ополчение или милицию, готовые повсюду и мгновенно на подкрепление армии регулярной и могущие представить неприятелю на каждом шагу непреодолимые силы в верных сынах Отечества, соединенных на оборону драгоценнейших своих выгод»⁸.

В манифесте был сформулирован внутриполитический пропагандистский вариант плана правящей бюрократии в отношении предназначения и использования земского ополчения в желаемом и наилучшем вариантах развития боевых действий против наполеоновской армии, который остался неизменным и в 1812 году. Прежде всего, документ требовал укрепить высокий моральный дух, «разозлить народ» против врагов церкви и трона, разрешал оказывать сопротивление любыми способами.

Однако в документе вовсе не упоминаются помещичьи крестьяне. Очевидно, что в обществе, где большая часть народа находилась в собственности меньшинства, эта идея не могла не вызвать опасения собственников за свое «благополучие». Логично предположить, что консервативно-бюрократическая верхушка не желала проводить весь комплекс подготовительных мероприятий по организации народной войны до тех пор, пока положение государства не станет столь тяжелым, что не будет другой реальной военной силы кроме ополчения. Поэтому по прошествии опасности в дворянском обществе стало раздаваться много насмешек над милицией. Критически высказался о ней Н.М. Карамзин – автор труда «О древней и новой России». Манифест от 6 июля 1812 г. отличался от процитированного выше манифеста лишь по форме, был более эмоциональным, ясным и кратким⁹.

Более четко внутривнутриполитические причины создания ополчения были изложены в секретных циркулярах Министерства внутренних дел губернаторам. К сожалению, хотя они были опубликованы в конце XIX века, но не использовались историками. Главной причиной создания ополчения объявлялось противодействие врагу, использовавшему «все способы обольщения черни».

В секретном циркуляре министра внутренних дел В.П. Кочубея от 17 декабря 1806 г. № 3020 в адрес губернаторов делался упор на противодействие наполеоновской пропаганде: «Цель сего вооружения есть иметь в готовности сильный отпор против такого неприятеля, который приобвык, пользуясь своим счастьем, действовать не одною силою оружия, но и всеми способами обольщения черни, который, врываясь в пределы воюющих с ним держав, всегда старается, прежде всего, ниспровергать всякое повиновение внутренней власти, возбуждать поселян против законных их владельцев, уничтожать всякое помещичье право,

истреблять дворянство, подрывая коренные основания государств, похищать законное достояние и собственность прежних владельцев, возводить на места людей ему преданных и таким образом, переменяя весь вид правительства, на развалинах прежнего порядка утверждать свое жестокое самовластие. Из сего видно, что война с таковым неприятелем не есть война обыкновенная, где одна держава спорит с другою о праве или пространстве владений. В настоящей войне каждый владелец собственности, каждый помещик должен признавать себя лично и непосредственно участвующим, ибо цель неприятеля есть ниспровергнуть всякое личное преимущество, всякое право собственное в государстве существующее»¹⁰.

Секретная инструкция 1812 г. представляет собой практически копию инструкции 1806 г.¹¹

Существовала еще и третья причина обращения к народу, о которой нельзя было сказать ни дворянам, ни высшему руководству страны и армии – о подавлении с помощью народа фронды внутри правящего класса против нововведений царя. В ропоте и неудовольствии, насмешках над правительством, имевших место в случаях, когда войны велись на отдаленных театрах, таилась серьезная опасность. Противодействие этой опасности ускорило принятие решения – «поднять народ на ноги». Об этом император откровенно рассказал перед встречей в г. Або с наследным шведским принцем Бернадотом мэру города Гельсингфорс (ныне Хельсинки) И.А. Эренстрему. «Когда исход войны не был благоприятен для государства, то поднимались клики против правительства, утверждавшие, что оно могло бы избежать войны, что война велась дурно, выбор генералов был плохой и т.д. Вследствие чрезвычайной отдаленности театра военных действий, людям праздным и пустым болтунам представлялась хорошая пища для измышлений. Надобно было сильно заинтересовать народ в войне, показав ее русским по прошествии 100 с лишком лет впервые вблизи у них на родине. Это было единственным средством сделать ее народной и сплотить общество вокруг правительства, для общей защиты, по его собственному убеждению и по его собственной воле»¹². Вовлечение широких масс в народную войну заставляло дворян быть «скромнее», сдерживать свой язык. Многие мемуаристы пишут о замечаниях и оскорблениях в их адрес от простолюдинов.

Из сопоставления документов видно, что идеи циркуляров весьма созвучны с теми, что высказал Александр I И. Эренстрему, своему доверенному лицу на тайных мирных переговорах в конце русско-шведской войны 1808–1809 гг. Совпадения позволяют сделать вывод, что мемуаристу вполне можно доверять.

Несмотря на то, что Александр I опасался негативных последствий, он воспринял идею необходимости народного вооружения, задолго до 1812 г. решил на войну в глубине собс-

твенной территории, где русский народ обречет неприятеля на голодную смерть. Исследования С.В. Мироненко показали, что у Александра I на протяжении всего периода царствования имелись весьма решительные намерения в деле кардинального переустройства общества. Для выдвижения своих проектов переустройства он использовал авторитетных людей и дворянские общества¹³. Легкость, с какой Александр решился на народную войну, возможно, объясняется тем, что она неизбежно приводила к пробуждению общественного самосознания, давала импульс преобразованиям.

Итак, минимальной задачей ополчений было моральное вовлечение народа в войну. Оказание максимальной помощи армии и власти достигалось в бою, на кордонах, стратегических дорогах и других объектах инфраструктуры. Все эти направления деятельности были крайне важны для обеспечения обороны государства и функционирования прифронтового тыла в условиях неизбежного ослабления правопорядка.

Способно ли было ополчение оказать серьезную помощь армии, как это декларировалось в Манифестах? В среде специалистов благополучно сосуществуют две противоположных точки зрения: 1) в чрезвычайных условиях ополчение могло быть реальной боевой силой, несмотря на пути, налагаемые крепостным правом (рекрутская система не могла быть заменена всеобщей воинской повинностью и краткосрочной службой в армии), доказательством этому служили боевые заслуги Петербургского и Новгородского ополчений; 2) ополчение (в частности Смоленское и Московское при Бородине) не было боеспособным на поле боя. Возникает закономерный вопрос: почему новгородские крестьяне смогли за месяц приобрести боеспособность, а остальные ополченцы – нет.

Действительно, при начале своего формирования основная масса ополчений была включена в состав так называемой «второй стены Отечества» с целью обороны Москвы и Петербурга. Такая задача подразумевала участие в формировании частей значительного числа офицеров и старослужащих нижних чинов, а также вооружение исправными ружьями, наличие обозов, некоторой части кавалерии и артиллерии.

Однако Калужская, Псковская, Тверская губернии, примыкавшие к театру военных действий, в которых имелись важные в военном отношении коммуникации, госпитали, крупные запасы провианта, также требовали защиты. Губернаторы стали обращаться к командованию армий с просьбами оставить ополчения на месте.

Аргументация против сбора ополчений для непосредственного участия в боевых действиях тесно связана с аргументацией необходимости сбережения армии и отступления вглубь страны.

Одним из первых предложений – считать обеспечение бесперебойного снабжения в прифронтовой полосе не менее важной задачей, не-

жели непосредственное участие в битвах – стало письмо калужского губернатора Павла Никитича Каверина начальнику штаба 2-й Западной армии Э.Ф. Сен-При от 11 августа 1812 г.: «На отношение Ваше от 9-го сего месяца за № 2105 честь имею донести, что в Калужской губернии устрояемое ополчение внутренней военной силы во исполнение высочайшего Е.И.В. повеления, данного 19 дня минувшего июля господином Главнокомандующим в Москве, должно занять место в окрестностях Вереи и Можайска, уездных городов Московской губернии, которое назначено составить начиная от 10 к 20-му числу сего месяца, и что я представил господину Главнокомандующему в Москве о позволении один полк пеших и половину конного оставить в сей губернии для прикрытия границ и успокоения жителей. Между тем, не получая еще разрешения в четырех пограничных уездах к Смоленской губернии, хотя я и учредил бекеты из поселян на каждые три версты по 20 человек, в том числе несколько конных, поручив оных надежным из дворян чиновникам, предписав им накрепко всех не имеющих видов ловить и представлять начальству, но средства их сколь отяготительны для поселян по большому развлечению их нарядами подвод для проходящих команд, под свод артиллерийских тягостей и к действующей армии провианта и фуража, даже и через Смоленскую и Орловскую губернии, столь и бедственны потому, что отвлекаются от своих полевых работ, а притом и весьма слабы ограждению внутреннего спокойствия, конечно, не от нашествия неприятельских военных сил, против которых поставлена твердая и непоколебимая грудь храбрых русских войнов, но от наглости бродяг, ищущих в грабежах себе пропитания и нарушающих покой безоружных поселян, могущих навлечь беспокойства иногда и неосновательным страхом.

По уважении сих обстоятельств я возобновил мое представление Его сиятельству господину Главнокомандующему в Москве графу Федору Васильевичу Ростопчину, испрашивая повеления калужское ополчение военной силы оставить в пределах сей губернии дабы иметь возможность в точности исполнить приказание господина Главнокомандующего 2-й Западной армии и оградить покой жителей благонадежно. Гражданский губернатор Каверин»¹⁴.

Итак, Каверин считал обеспечение правильного снабжения армии приоритетным по отношению к созданию из ополчений «второй огады» для обороны Москвы. Учитывая, что письмо датировано 11 августа, когда уже решалась судьба Москвы, калужский губернатор сделал очень смелый шаг. Но мы уже знаем, что существовали секретные циркуляры, которые и требовали от губернаторов, в первую очередь, обеспечивать порядок, а затем уже выполнять армейские функции. 28 августа М. И. Кутузов поставил Калужскому ополчению задачу ох-

ранять границы губернии и, особенно, запасы провианта и фуража.

Доказательством того, что М.И. Кутузов избрал именно такой метод использования ополчений, являются распоряжения по использованию подмосковных губерний в период битвы при Бородине. В подмосковных губерниях сбор начался на 1–2 недели позже, чем в Москве, и должен был закончиться соответственно: в Тверской – 15 августа, в Рязанской – 16 августа, во Владимирской и Ярославской 20–25 августа¹⁵. Благодаря патриотическому подъему сбор основной массы ратников прошел почти в те же сроки, что и в Москве. Ф.В. Ростопчин писал М. И. Кутузову 19 августа: «Я уже отправил курьеров к Калужскому и Тульскому ополчениям, чтоб они шли на сборные места (Можайск и Серпухов). То же завтра предпишу я во Владимир и Рязань»¹⁶.

Из письма начальника Ярославского ополчения Я. Н. Дедулина М. И. Кутузову от 5 сентября видно, что он получил два противоречащие друг другу приказа. Один исходил от Ф. В. Ростопчина, другой – от тверского генерал-губернатора Георга Ольденбургского. Первый приказывал следовать к Москве, второй – оставить часть сил у г. Дмитрова, позже – обратиться за разъяснением лично к М. И. Кутузову¹⁷.

Та же коллизия произошла с Тверским ополчением, которое имело все шансы соединиться с армией до оставления Москвы. По первоначальному плану, ополчение должно было выступить 24 августа и сосредоточиться в г. Клин. Но из-за просьбы тверского генерал-губернатора принца Георга Ольденбургского оставить ополчение для защиты губернии, 24 августа М.И. Кутузов отдал через тверского губернатора приказ ополчению вернуться в Тверь¹⁸. В то же время, 26 августа, губернатор Л.С. Кологривов пожаловался главнокомандующему: «...командующий ополчением генерал-лейтенант Я.И. Тыртов, не дав мне знать, посылал к Вашей Светлости за приказанием остаться ли ему здесь или итти далее, получил в ответ словесное подтверждение (Кутузова. – С. III.) действовать отношением моим». Только 3 сентября М. И. Кутузов узнал о том, что «Ф. В. Ростопчин, не зная о данных распоряжениях, и, считая Тверское ополчение находящимся в г. Клину, 29 августа приказал Я. И. Тыртову выступить к Москве»¹⁹. В итоге, ополчение было остановлено в одном переходе от столицы. В дальнейшем ратников отвели к Твери и г. Торжку, где они вновь занялись военным обучением. А в последовании неприятеля принял участие только конный полк ополчения²⁰.

Петербургское и Новгородское ополчения стали ярким исключением среди других благодаря тому, что враг был далеко от губерний, наводить порядок на дорогах не требовалось, а верховная власть, находившаяся рядом, принимала верные принципиальные решения. Обучение ратников в Петербурге происходило лишь в последнюю не-

делю августа. Начальство, благодаря присутствию царя, без проволочек обеспечило выдачу исправного оружия (для сравнения: строевая и боевая подготовка ратников Московского ополчения с помощью солдат Московского гарнизона заняла 7–10 дней и только половина ратников получила ружья, которые требовали ремонта).

При Петербургском ополчении постоянно находились Воронежский пехотный и 1 Морской полки, а также 4 запасных эскадрона и 2 артиллерийские роты, всего – 2164 чел.²¹ Соотношение ратников и старослужащих здесь было 1: 4, т. е. в несколько раз выше, чем в любом другом. 2 сентября был смотр перед выходом в дальний поход²². Ратники, видя постоянный образец несения службы, обеспеченные поддержкой кавалерии и артиллерии, через считанные недели стали представлять реальную военную силу. Затем дружины были распределены по полкам корпуса П.Х. Витгенштейна и в ходе наступления сражались под Полоцком и на Березине, несли одинаковую со старослужащими авангардную службу.

Формирование дружин Новгородского ополчения осуществляли чины 2-го Морского полка. До 8 сентября сбор ратников происходил по уездам, их обучение продолжалось менее 2-х недель. 22 сентября они выступили в поход на усиление корпуса П. Х. Витгенштейна. 2-я бригада участвовала в бою при местечке Смоляны 2 ноября. В бою 15 ноября в ходе контратаки против дивизии Л. Партуно был смертельно ранен командир бригады подполковник Погребов. 4-я и 6-я дружины действовали 16 ноября на р. Березине у села Веселово на левом фланге в стрелках. Вполне закономерен вывод, что и Новгородское ополчение, находясь почти в том же положении, что и другие ополчения, в первых боях доказало способность нести тяготы похода и авангардных боев.

Некоторые историки видят принципиальную разницу между Московским и Петербургским ополчениями в наличии ратников – мещан и ремесленников. Судя по ведомости 6-й ревизии, мещан, состоящих в самом Петербурге, числилось 9 тыс. чел., с другими городами – 12,4 тыс. чел., они дали 779 ратников или одну дружину из 15-ти²³.

В период войны 1812 г., в отличие от большинства бюрократов и дворян-консерваторов, Александр своими распоряжениями по Петербургскому и Новгородскому ополчениям доказал возможность создания всех условий для надлежащего вооружения и быстрого обучения ополчений 2-го округа. В августе корпус Витгенштейна остро нуждался в пополнении, но царь не отдал ему тогда указанные три полка пехоты, стоявшие на защите Петербурга. Они послужили опорой для быстрого обучения ратников. Данный метод быстрого формирования войск был применен в революционной армии Франции в конце XVIII века. Александр I доказал, что не боится вооруженного народа, не боится оставить Петербург без защиты

со стороны Москвы²⁴. Нам представляется, что успех ратников стал возможен благодаря политической воле императора Александра.

Несомненно, что ополчения подмосковных губерний могли также быстро приобрести боеспособность, тогда бы русские получили значительный численный перевес в силах. Правящая верхушка не была заинтересована делать ставку на превращение ополчения в боеспособное войско. Военное командование не приняло своевременно решение о вооружении ополчений ружьями, имевшимися в Московском арсенале. Оставленные на границах своих губерний с оккупированными районами, они служили «санитарным», полицейским кордоном, воспрещавшим всякие контакты населения с противником, поддерживавшим патриотический настрой населения. Московские и смоленские ратники в основном находились при армии и при полках, т. е. не стояли в линии со строевыми чинами. Боевые возможности этих ополчений остались до конца нереализованными. Причин организационного характера было много, но главное – не было политической воли.

Примечания

- ¹ *Бескровный Л.Г.* Отечественная война 1812 года. М., 1962. С. 608.
- ² *Троицкий Н.А.* Наполеон и Александр, М., 1994. С. 132, 135.
- ³ «... Не могли не признать, что она (система отступления) необходима, **составляя последний вывод из всей борьбы с Наполеоном** <...> Самое сильное возражение было, что войско, которое постоянно отступает, падает духом <...> Система отступления была крайне неудобной в стране союзной (1805–1807 гг.). Столь же сильные неудобства она встречала и в родной стране <...> Но в народе есть сознание, что войско, на которое так много жертвуется, существует для защиты родной страны и, если вместо защиты отдает родную землю врагу, отступает, то народ видит тут уклонение войска от самой существенной своей обязанности, начинает скорбеть и роптать, подзревая дурное, не зная и не понимая высших военных соображений <...> Это отношение войска и народа к системе отступления составляет самую печальную сторону войны 1812 года до самого выхода Наполеона из Москвы» (*Соловьев С.М.* Император Александр I. М., 1995. С. 262–263).
- ⁴ *Чулков Г.И.* Императоры. М., 1993. С. 108.
- ⁵ *Рындзюнский П.Г.* Кутузов и русская армия в 1812 году // Тр. Государственного исторического музея. Вып. XX: Военно-исторический сб. М., 1948. С. 116.
- ⁶ *Жилин П.А.* Отечественная война 1812 года. М., 1987. С. 155; *Фролов Б.П.* «Да, были люди в наше время...». Отечественная война 1812 года и заграничные походы русской армии. М., 2005. С. 228. В числе 120 тыс. человек русских были учтены 10 тыс. ратников (см.: Кутузов М.И. Материалы юбилейной сессии военных академий. М., 1947. С. 90).

- ⁷ Цит. по: Записки А.П. Ермолова. М., 1991. С. 188.
- ⁸ Полное собрание законов Российской империи. Т. 29. С. 892–893.
- ⁹ «Неприятель положил в уме своем злобное намерение разрушить славу ее и благоденствие. С лукавством в сердце и лестью на устах несет он вечные для нее цепи и оковы. При всей твердой надежде на храброе наше воинство полагаем мы за необходимо нужное собрать внутри государства новые силы, которые, нанося новый ужас врагу, составляли бы вторую ограду в подкрепление первой и в защиту домов, жен и детей каждого и всех» (Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. М., 1962. С. 15).
- ¹⁰ Русская старина. 1895. Сентябрь. С. 621.
- ¹¹ «Цель сего вооружения есть иметь в готовности сильный отпор против такого неприятеля, который пользуясь своим счастьем действовал не одною силою оружия, но и всеми способами оболщания черни, всегда старался, прежде всего, ниспровергать всякое повиновение внутренней власти, возбуждать поселян, против законных их владельцев <...> на развалинах прежнего порядка утверждать свое жестокое самовластие <...> В настоящей войне каждый помещик, каждый владелец должен признать себя лично и непосредственно участвующим. Ваше превосходительство поставите себе в обязанность внушать помещикам сии истины» (Исторический вестник. Сентябрь. 1912. С. 1117).
- ¹² Из исторических записок действительного статского советника И.А. Эрнстрема (1762–1847) // Русская старина. 1893. Июль–октябрь.
- ¹³ «...никто не удостоенный специального доверия его ве-

- личества по этому поводу, не должен даже вообразить, что Е. В. замышляет» (Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. М., 1989. С. 68).
- ¹⁴ РГВИА. Ф. 103, оп. 3, д. 329, л. 27–28.
- ¹⁵ См.: Народное ополчение... С. 166, 250; Владимирское ополчение в Отечественной войне 1812 года: Сб. док. и материалов. Владимир, 1963. С. 63.
- ¹⁶ Дубровин Н.Ф. Отечественная война 1812 года в письмах современников. СПб., 1882. С. 90; РГВИА, Ф. 14414, оп. 10, св. 68, д. 6, ч. 4, л. 1.
- ¹⁷ См.: Народное ополчение... С. 250.
- ¹⁸ Черновик: «Вследствие отношения Вашего высочества нащет обеспечения Твери я сделал предписание к полковнику Жемчужникову, чтобы он с состоящими под командой его 8 (?) батальонами войска остался в Твери, а к г-ну губернатору – чтобы отозвал к оным батальонам из внутреннего ополчения столько, сколько потребно будет. Впрочем, большой опасности еще не имеется, а ожидать должно развязки в непродолжительное время» (РГВИА. Ф. 103, оп. 208а, св. 0, д. 107, ч. 10, л. 18).
- ¹⁹ РГВИА. Ф. 14414, оп. 10, св. 68, д. 5, ч. 13, л. 1.
- ²⁰ См.: Народное ополчение ... С. 214.
- ²¹ РГИА. Ф. 1409, оп. 3, д. 8697, л. 5.
- ²² Народное ополчение... С. 280.
- ²³ Там же. С. 322.
- ²⁴ Петербургское ополчение выступило в поход за 5 недель до выхода Наполеона из Москвы, что представлялось весьма рискованным делом. Распоряжение императора Александра Павловича резко отличалось от распоряжений М.И. Кутузова по подмосковным ополчениям.

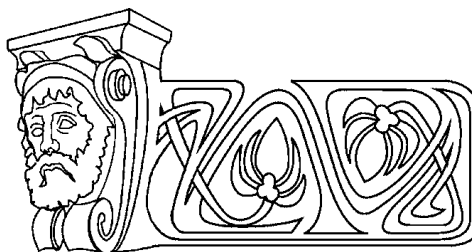
УДК [9:355.48:930.253](470–89) «1812»

ИЗ ИСТОРИИ АРХИВОВ РУССКОЙ АРМИИ В ЭПОХУ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 года

С.А. Малышкин

Российский государственный гуманитарный университет,
кафедра истории и организации архивного дела
E-mail: smalyshkin@mail.ru

В последние годы внимание исследователей Отечественной войны 1812 г. все чаще привлекают вопросы, связанные с судьбой архивов русской армии эпохи Наполеоновских войн. Это связано с тем, что архивные источники достаточно хорошо известны и давно введены в научный оборот. На сегодняшний день можно твердо утверждать, что до наших дней не дошли архивы воинских частей и соединений, начиная от батальонного уровня и кончая корпусными штабами, за исключением ряда гвардейских полков и некоторых запасных батальонов. Большая часть архивов штабов отдельных русских армий: 1-й, 2-й и 3-й Западных, Дунайской, Соединенной и других соединений, в начале XX в. были объединены в личный фонд фельдмаршала М.Б. Барклая де Толли. Часть документов из вышеперечисленных штабов оказалась в материалах Военно-Ученого архива. Это было связано со сбором военно-исторических документов для научных трудов военных историков. В настоящее время необходимо изучить процесс складывания воинских

архивов эпохи «Двенадцатого года», и на втором этапе, используя современные электронные средства, составить подокументный каталог сохранившихся материалов.

From the History Archives of the Russian Army During of 1812 Year

S.A. Malyshekin

In recent years points concerned with destiny of Russian military archives of a Napoleon war poque draw explorers' attention more and more often. This is the matter of the fact that archive sources are known quite well and were put into use in science a long time ago. Now we can confidently say that archives of military units and formations starting with battalions and up to headquarters of corpses are lost, except for the archives of the number of Guards' regiments and of some of the reserve

battalions. A larger part of archives of headquarters of separate armies, such as The 1st, The 2nd and The 3rd Western armies, Dunaiskaya army, United army and other military formations have been collected into personal fund of Field-Marshal M.B. Barklay de Tolly. A part of the documents of headquarters mentioned above was found among the materials of Military Registration archive. This was concerned with the collecting of historic military documents required for researches of military historians. Nowadays it is necessary to study a process of forming of military archives of the 1812 (eighteen and twelve); poque and as a second step, to make up a file-by-file catalogue of preserved documents, using modern electronic facilities.

В связи с наступающей в 2005–2015 гг. 200-летней годовщиной эпохи войн России с наполеоновской Францией в нашей стране и ряде других европейских государств: Польше, Чехии, Германии отмечаются юбилеи таких крупных событий, как Аустерлицкое сражение, Тильзитский мир, Бородинская битва, «Битва народов» под Лейпцигом и т.д. В этой ситуации активизировалась деятельность работников музеев, историков, архивистов по подготовке их празднования. Естественно, что основное внимание в России уделяется главному событию того времени – Отечественной войне 1812 г. В частности, Председатель Правительства Российской Федерации подписал поручение о реализации предложений министра культуры и массовых коммуникаций А.С. Соколова и губернаторов Московской, Калужской и Смоленской областей, а также мэра Москвы по подготовке юбилея. Среди ряда мероприятий, намечаемых в рамках предстоящей работы, свое, строго определенное место занимают предложения по подготовке новых документальных публикаций, связанных с крупнейшими сражениями той поры¹. Одним из примеров реализации этих планов является недавно вышедший сборник документов «Бородино»². К большому сожалению, он далеко не полностью оправдал надежды исследователей, так как в значительной степени повторяет предыдущий сборник, вышедший в свет более 40 лет тому назад³. Причина подобного положения дел видится в недостаточной разработке архивных сюжетов, связанных с той героической эпохой. Ни в коем случае нельзя утверждать, что как дореволюционными историками-архивистами, так и советскими исследователями мало что было сделано по введению в научный оборот новых источников, связанных с темой Отечественной войны. Но, тем не менее, в последние годы в области изучения «Двенадцатого года» достаточно четко проявились две противоположные тенденции, которые имеют общие корни. С одной стороны, это появление глубоких и серьезных работ, основанных в основном на зарубежных источниках и посвященных французской армии. Так, например, один из известных исследователей данной темы – В.М. Безотосный в одной из своих статей очень верно подметил: «Сейчас (это заметно и по отдельным монографиям, и по

статьям в журналах) «наполеоновской» стороне уделяется большее внимание, чем русской»⁴. В качестве ответной реакции мы наблюдаем и противоположное явление – это стремление не только найти отдельные документы, но даже комплексы принципиально новых источников, ранее не известных исследователям. Именно этим объясняется стремление коллективов отдельных музеев, частных лиц создать электронные базы данных русских источников, в первую очередь, документов военного делопроизводства⁵. В докладах на научных конференциях, статьях, полемических выступлениях ярко прослеживается линия настойчивого поиска и выявления архивных материалов, в частности, относящихся к военному делопроизводству. Одной из главных задач, стоящих в настоящее время, на наш взгляд, является необходимость выяснения насколько полно до наших дней дошли архивы воинских частей и соединений.

Причина подобных поисков лежит на поверхности: исчерпан тот круг источников, который был выявлен и введен в научный оборот еще сто лет назад – в конце XIX–начале XX в. – первопроходцами темы и впоследствии в значительной степени дополненный советскими исследователями. Уже явно наступил тот переломный этап, когда необходимо выявление и введение новых документов, которые позволили бы расширить тематику исследований и по-новому взглянуть на уже хорошо известные факты. В качестве примера достаточно сослаться на труды известного саратовского историка Н.А. Троицкого, вышедшие в последнее время⁶. Они вызвали многочисленные споры, дискуссии, подчас острое неприятие, особенно когда речь идет о роли М.И. Кутузова в «Двенадцатом году». Но нельзя отнять главного в этих исследованиях: Николай Алексеевич по-новому прочитал хранящиеся в архивах документы и в принципе отошел от сложившихся стереотипов и взглядов. Неслучайно в своей монографии, посвященной российской историографии 1812 г. и основанной на материалах не так давно защищенной докторской диссертации, полковник И.А. Шеин писал: «Н.А. Троицкий подверг критическому анализу все концептуальные вопросы 1812 года» и чуть выше отметил: «Критикуя своих научных противников, Н.А. Троицкий в целях большей доказательности выдвигаемых им положений проводил серьезную источниковедческую работу. Дополнительный анализ архивных материалов позволил историку уточнить численность группировки российских войск, сосредоточенных вдоль западной границы империи»⁷. Конечно, в работах профессора Н.А. Троицкого много и других важных уточнений и открытий. Не является секретом, что каждое его выступление встречается с огромным интересом, хотя и вызывает споры и научные дискуссии.

Найденные в последние годы исследователями новые источники позволили, если не принципиально изменить оценки и взгляды на известные события, то, по крайней мере, в значительной степени скорректировать устоявшиеся мнения. К числу таковых относится кандидатская диссертация, защищенная в стенах РГГУ Л.Л. Ивченко о Бородинском сражении⁸. На основе уже опубликованных документов военного делопроизводства и вновь найденных рапортов, писем, служебных записок ей удалось «исправить» хронологию сражения! Окончательно был подтвержден тот факт, что устоявшаяся в отечественной историографии традиция последовательного освещения этапов Бородинской битвы расходится с содержательной частью документов, составленных в штабах русской армии сразу после сражения.

Подобное положение стало возможным лишь потому, что один из первых исследователей Бородинского сражения – генерал-квартирмейстер русской армии в 1812 г. К.Ф. Толь – в силу различных причин, как политического, так и личного характера, заложил достаточно противоречивую историографическую традицию, которой следовали целые поколения российских и советских историков, к сожалению, не проанализировав весь комплекс материалов военного делопроизводства. Вместе с тем следует отметить, что именно по инициативе К.Ф. Толя в 1815 г. началось выявление документов эпохи 1812 г. и их дальнейшая передача из архивов воинских частей и соединений в архивохранилища Военного министерства. Это в значительной степени спасло документацию военного характера той поры. Но сам процесс сохранения и использования военных архивов был гораздо более сложным и противоречивым, нежели это видится на первый взгляд. Он тесно связан со становлением российской историографии Отечественной войны, ее переломными этапами 1830–1840 гг., 1860–1870 гг., наконец, начала XX в., не говоря уже о принципиально новых взглядах, сложившихся в советское время. Исторические потрясения этих лет были отмечены значительными утратами целых комплексов архивных материалов. Но вместе с тем за прошедшие 200 лет были сформированы ценнейшие коллекции в архивах, например, фонд «М.Б. Барклай де Толли» в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) и т.д. К сожалению, приходится еще раз констатировать, что на сегодняшний день исследователь 1812 года ориентируется в основном на источники на уровне фонда и коллекции. Слишком недостаточны знания о конкретных документах, дошедших до наших дней с той поры. Отсюда – незнание сохранившейся документальной базы – крупнейших сражений войны: Малоарославецкого, Вяземского, сражения под Красным. Следует отметить, что более подробно известен архивный материал лишь о Бородинской битве. Но даже применительно к этому, столь знаменитому сражению, как показывает недавно вышедший сборник документов «Бородино», но-

вые находки оказались случайными. Значительная часть имеющихся документов так и не вышла в свет, а судя по археографическим примечаниям, составители так и не смогли разобраться в системе делопроизводства русской армии – об этом пойдет речь чуть ниже.

К архивоведческим сюжетам, связанным с «Двенадцатым годом», не раз в той или иной плоскости обращались исследователи. Имеется определенное количество статей в периодической печати, относящихся еще к дореволюционному времени. В сборниках документов встречаются в той или иной полноте архивоведческие исследования. В советское время одна из крупнейших работ была написана известным источниковедом и историком А.Г. Тартаковским⁹. Он в подробностях проследил возникновение, хранение и использование мемуарных источников Отечественной войны. Естественно, в своем капитальном труде он не раз касался судьбы военных архивов. В наши дни к этим сюжетам также обращались неоднократно. В частности, последняя по времени специальная работа увидела свет несколько лет назад¹⁰. Посвященная изучению судьбы основных военно-исторических хранилищ в дореволюционную эпоху, она, в то же время, не раз касается вопросов военного делопроизводства и архивов эпохи 1812 года. Как известно, переломным этапом в судьбе документов русской армии периода Отечественной войны явилось начало XX века. Именно в это время была проведена колоссальная по своим размахам работа по упорядочиванию документов штабов русских армий, сражавшихся против Наполеона. На основе сохранившихся тысяч документов был сформирован фонд «Барклай де Толли», по сути своей представлявший коллекцию материалов различных дежурств, канцелярий, квартирмейстерских частей штабов русских войск 1810–1815 гг. Истории формирования данного фонда посвящена статья И.А. Шеина, в которой автор проследил основные этапы описания и публикации документов¹¹.

Таким образом, можно сделать вывод, что архивоведческая тематика не раз привлекала внимание историков «Двенадцатого года» и по данной теме имеются определенные серьезные исследования. Тем не менее многие вопросы до сих пор еще не нашли своего отражения в работах ученых. К числу таковых относится один из главных: что же сохранилось до наших дней из всего многообразия документов, созданных в делопроизводстве русских войск в ходе Отечественной войны 1812 года?

Общую картину порядка ведения делопроизводства в русской армии определяло «Учреждение для управления большой действующей армии». В частности, в нем указывалось, что «Ежедневные записки и реляции военных действий», а также «Свод общих представлений к наградам за военные отличия» представляет II-е Отделение генерал-квартирмейстера Главного штаба¹². В

специальном разделе «О должности Генерал-квартирмейстера» отдельный параграф был посвящен именно обязанностям по составлению рапортов. Необходимо было: «Сочинять ежедневные записки и донесения о военных действиях, присовокупляя к оным нужные карты, чертежи и планы». Естественно, на практике общие установки корректировались. Именно поэтому необходимо проследить, как в реальности происходило составление рапортов, наградных документов, иных видов документов и их дальнейшее прохождение по инстанциям. В качестве примера можно обратиться к документации двух сражений – Бородинского и Малоярославецкого.

Сохранилось немало документальных материалов штабов русских армий, касающихся Бородинского сражения. Не раз они включались в сборники документов. Их основная масса ныне хранится в РГВИА в фонде Барклая де Толли¹³. На самом деле, это колоссальная по своему объему и ценности коллекция была сформирована из дел целого ряда штабов и военных канцелярий командующих русскими армиями в 1810–1816 гг.: М.И. Кутузова, П.И. Багратиона, А.П. Тормасова и других, в том числе М.Б. Барклая де Толли. Среди тысяч дел в фонде можно найти самые различные документы о событиях той героической эпохи, происходивших на уровне отдельных городов и даже сел. Сведения отложились в многочисленных рапортах, приказах, диспозициях, наградных списках и тому подобных документах. К сожалению, в научном обороте находятся – и об этом выше уже было сказано – лишь те документы, что были опубликованы еще в начале XX в. Далеко не случайно, что в недавно вышедшем сборнике документов «Бородино» абсолютное большинство опубликованных источников хорошо известно историкам и, фактически, книга повторяет сборник материалов, вышедший под тем же названием, но только в далеком 1962 г. Более того, даже археографические легенды к документам повторяют в основном друг друга. Так, например, что в одном, что в другом сборнике опубликован рапорт К.Ф. Багговута М.Б. Барклаю де Толли с одним и тем же примечанием: «Документ датирован по аналогии с другими документами о Бородинском сражении»¹⁴. В других разделах обоих сборников приведены в качестве отдельных документов наградные списки по тому же 2-му пехотному корпусу, подписанные Багговутом 7-го сентября 1812 г. Но каково же будет удивление читателя, когда, познакомившись с архивными подлинниками, он выяснит, что и сам рапорт, и наградной список являются лишь разными листами одного и того же комплекса документов, направленных Багговутом 7-го сентября за № 609 Барклаю де Толли. Следует подчеркнуть, что в этот комплекс входили еще несколько документов, которые до сих пор хранятся в том же деле, но которые почему-то не привлекли внимание публикаторов. Собственно, рапорт Багговута имеет свой авторский заголовок:

«Главкомандующему 1-й Западной Армией Господину генералу от инфантерии Военному министру и кавалеру Барклаю де Толли Командира 2-го корпуса войск генерал-лейтенанта Багговута Рапорт». Он хранится в РГВИА, в фонде № 103 (Барклаю де Толли), св. 0, д. 4, л. 0171. В этом документе генерал сообщает, что в соответствии с приказом представляет «реляцию» о сражении 26-го числа с доставленными ему при рапортах дивизионных командиров 4-й и 17-й дивизий списках отличившихся. Отправлен рапорт был из Подольска. На следующем листе в том же архивном деле находится «Список чиновникам, составляющим штаб 2-го корпуса, отличившимся в сражении Августа в 26-й день при селении Бородине». Это список адъютантов Багговута, которым он испрашивает награждение (л. 0172). Затем идет «Имянной список 2-го пехотного корпуса Генералитету штаб и обер-офицерам, отличившимся мужеством и храбростию в сражении против неприятельских войск в 26-й день Августа при Бородине. Сентября 7 дня 1812 года» на лл. 0174–0187. На документе имеется помета сверху листа: «получ[ено] 26 сентября». «Реляция», о которой рапортует Багговут, хранится в том же архиве, но в другом фонде – № 846 (бывшем ВУА), в деле № 3561, лл. 43–44 об., и также имеет свой авторский заголовок: «О действии войск 2-го корпуса, состоящих под командою генерал-лейтенанта Багговута». Вверху листа имеются пометы, в частности указано: «к № 609-му». Таким образом, можно смело утверждать, что генерал-лейтенант К.Ф. Багговут 7 сентября направил Барклаю де Толли комплекс документов, в который входили: рапорт, «реляция» и наградные списки на своих адъютантов и офицеров корпуса. И все это имело один делопроизводственный номер – 609. Впоследствии «реляция» была отделена от остальных документов и помещена в дело, где хранятся рапорты о Бородинском сражении. Подобные комплексы документов характерны и для других корпусов, дивизий и полков русской армии. В их состав входили: рапорт о представлении наградных списков, сами наградные документы и «реляция» о действии воинского формирования в день Бородинской битвы. При поступлении вышеназванных комплексов документов в делопроизводство канцелярии главнокомандующего армией «реляции» концентрировались в одном отделении, а наградными списками занимался иной, специально назначенный для этих целей офицер. Впоследствии, при сдаче в архив Военно-топографического депо или Инспекторского департамента Военного министерства, неоднократных реформированиях дел, составления новых описей окончательно терялись связи между отдельными частями комплексов, и отдельные документы оказывались в разных архивах, фондах и делах. Отсюда – неполнота публикаций, ошибки в датировках документов, отсутствие полных археографических примечаний.

Все вышесказанное заставляет обратить самое пристальное внимание на потенциальные возможности поиска новых официальных источников. Но для того, чтобы выяснить, имеются ли еще неизданные рапорты о Бородинской битве в военных архивах и насколько полна опубликованная база официальных документов, необходимо изучить сами архивные источники. Как известно, абсолютное большинство источников официального происхождения хранятся в РГВИА, в фонде Баркляя де Толли (ф. № 103) и фонде бывшего Военно-Ученого архива (далее – ВУА), в деле № 3561¹⁵. Именно эти материалы в первую очередь используются при публикации документов или при описании хода Бородинского сражения исследователями. Историю складывания этих комплексов, в большей или меньшей степени, не раз рассматривали в специальной архивной литературе. Тем не менее, до сих пор не выяснено: почему подавляющая часть рапортов оказалась в ВУА, а прилагаемые при них наградные списки и некоторые рапорты в конечном итоге были сосредоточены в ф. № 103.

Судя по делопроизводственным источникам, штабы русских армий начали сдавать свои архивы в январе 1815 г., когда по указанию управляющего Военным министерством в архив Инспекторского департамента стали поступать документы 1-й, 2-й Западных и Соединенной армий за 1811 – 1813 гг. Прием проводился не на основании описей и журналов, как настаивал архив, а по описям связок. Таковых оказалось: 19 связок по 1-й Западной армии, 43 связки по войскам армий А.П. Тормасова и П.Х. Витгенштейна, 17 связок секретных дел 2-й Западной армии, 75 – армии П.И. Багратиона, 13 – П.Х. Витгенштейна, 17 – корпуса Горчакова¹⁶.

В эти же годы над созданием капитального научного труда по истории Отечественной войны 1812 г. начал работать К.Ф. Толь. Для него в архивах русских войск выявлялись документы, связанные, в первую очередь, с Бородинским сражением. Об этом сюжете подробно рассказала Л.Л. Ивченко, чья диссертация уже была упомянута. Видимо, тогда и произошло изъятие рапортов о Бородинском сражении из материалов, переданных в архив Инспекторского департамента. Впоследствии эти рапорты поступили в ВУА, который хранил документы, представлявшие историческую ценность и имевшие отношение к военной истории.

Иная картина сложилась по Малоярославецкому сражению. Специального исследования по истории этой битвы дореволюционными историками не было создано. Этим объясняется тот факт, что большинство его рапортов сохранились в виде единого архивного комплекса. Как хорошо известно, документы официального военного делопроизводства о Малоярославецком сражении к настоящему времени, в подавляющем объеме, сконцентрированы в Российском государственном

военно-историческом архиве (РГВИА) и хранятся в основном в двух его фондах. Это, во-первых, фонд № 103 и, во-вторых, фонд № 846, более известный исследователям как фонд бывшего Военно-Ученого архива, ибо под этим названием публиковались на протяжении полутора столетий его документы.

Наибольшая часть материалов о сражении 12–13 октября отложилась именно в ф. № 103, опись 208а. Они разбросаны по нескольким связкам и делам. Особый интерес представляет дело № 7, связки № 0, где подшита наградная документация русских войск за Малоярославецкое сражение. Данное собрание документов имеет следующий заголовок: «Дело за 6-е октября 1812 года, за сражения при Тарутине, Малом Ярославце и Бородине». На обложке дела приведена еще одна надпись: «Московское отделение Общего архива Главного штаба, опись 208а, связка 0, дело № 7». Предварительно, забегая по архивной хронологии несколько вперед, необходимо пояснить, почему появилось подобное название дела и почему в нем оказались объединенными документы столь разных сражений. Командиры корпусов, участвовавшие в Малоярославецком сражении, начали подавать рапорты и прилагавшиеся к ним списки награждаемых сразу после окончания битвы. Но, как известно, в эти дни русская армия постоянно находилась в движении, а вскоре началось общее изгнание французских войск из России. Наступление М.И. Кутузова велось не только без остановок, но и в тяжелейших условиях войны, по разоренной Смоленской дороге. Естественно, что штабы воинских частей и соединений всех рангов не имели никакой возможности заниматься тщательной и скрупулезной архивной работой. Об этом прямо писал в своем рапорте Д.С. Дохтурову начальник Главного штаба русской армии А.П. Ермолов, говоря о наградах участникам Малоярославецкого сражения: «За отсутствием моим от Главной квартиры, для ускорения, полки оба отличившихся представили списки прямо Вашему Высокопревосходительству...»¹⁷. Подобных представлений непосредственно к М.И. Кутузову или другим корпусным командирам, а не строго по служебной «лестнице» было немало. В итоге, с целью наведения порядка, как упомянуто в рапорте Дохтурова Кутузову за № 1253 от 6 декабря 1812 г., уже сам Кутузов вынужден был 2 декабря 1812 г. вторично приказать, «... чтобы командующие корпусами доставили Вам рапорты о сражениях при Тарутине, Малоярославецке, Вязьме и Красном...»¹⁸. В соответствии с приказом полководца, в его канцелярию в начале декабря 1812 г., когда войска остановились на отдых в Литве, стали стекаться документы по всем четырем упомянутым сражениям. Особенностью являлось то, что некоторые командиры уже раньше успели направить свои рапорты в штаб Кутузова. Именно во исполнение этого приказа в архивных фондах отложились дубликаты представлений генералов Дохтурова и Ра-

евского. Вместе с тем предварительно необходимо отметить, что согласно практике ведения делопроизводства той поры, командиры представляли свои так называемые «реляции» о ходе сражения не только как своеобразные «отчеты» о действиях, но и как документы, на основании которых раздавались награды подчиненным. Именно поэтому командир представлял вышестоящему начальнику комплекс документов: во-первых, краткий рапорт, где он извещал начальство, что на основании такого-то приказа от такого-то числа он рапортует о его выполнении; во-вторых, прикладывалась реляция или рапорт (в документах подобного типа имеются разные его названия). В нем излагался ход сражения и описание участия той или иной воинской части или соединения, с упоминанием отдельных лиц, наиболее отличившихся в бою. Подобная реляция обязательно сопровождалась еще несколькими документами. Это были отдельные списки генералов, офицеров и нижних чинов, представляемых к награждению.

В отличие от рапортов за Бородинскую битву, которые были в канцелярии Кутузова отделены от приложенных к ним наградных списков и ныне хранятся не только в разных делах и даже фондах, документация о сражении под Малоярославцем была сохранена в комплексе, как в канцелярии Кутузова, так и впоследствии в архиве. В большей своей части документы сохранились, как уже выше говорилось, в составе одного архивного дела, хотя и оказались рассеянными по всему делу. В результате, например, рапорт командира того или иного корпуса оказался в начале дела, а приложенные к нему наградные списки офицеров – в конце, списки же на награждение нижних чинов подчас подшиты в середине дела и т.д. Наиболее запутанным комплексом документов являются рапорт и наградные списки, представленные известным участником Отечественной войны 1812 г., полковником квартирмейстерской части К.Ф. Толем. Именно он, в силу своих служебных обязанностей, располагал русские войска на поле боя за Малоярославец. Его свидетельства, как одного из главных действующих лиц во время сражения, имеют особое значение для истории битвы. Но, к сожалению, именно рапорт «полковника Толя» Кутузову о представлении списка награжденных офицеров квартирмейстерской части за сражение при Малоярославце от 16 ноября 1812 г. оказался наиболее неудачным с точки зрения архивного использования. Непосредственно рапорт подшит на л. 71. К нему приложен наградной список на офицеров квартирмейстерской части с описанием их действий, но начало списка находится в его конце – на л. 73об., при чем лицевая сторона списка подшита оборотной стороной. Конец же списка подшит непосредственно к рапорту Толя на л. 72. Поэтому для того, чтобы понять, что это за документ, кем составлен и каково его содержание, исследователь не только должен его полностью изучить, но и обратить особое внимание

на внешние особенности документа и главное – построчно вчитываться в текст, размещенный в конце и начале листов. Именно подобными сложностями при работе с рапортом Толя можно объяснить то, что он практически не используется исследователями.

Сохранившиеся документы Малоярославского сражения в деле № 7 открываются наградными материалами 6-го пехотного корпуса, представленными в канцелярию Кутузова командиром корпуса генералом Д.С. Дохтуровым. Это, в первую очередь, рапорт Дохтурова Главнокомандующему русской армией от 14 октября 1812 г. На документе имеется помета: «дубликат». Сам же подлинник, отправленный генералом в штаб Кутузова в тот день, хранится в ф. 846. «Дубликат» был направлен Кутузову гораздо позднее, в декабре 1812 г. Об этом говорит еще один рапорт Дохтурова Кутузову за № 1253 от 6 декабря 1812 г. В нем Дмитрий Сергеевич прямо писал, что вторично представляет «...у сего описание действия» 6-го корпуса в сражении при Малоярославце¹⁹. 14 октября 1812 г. был, по-видимому, одним из самых напряженных дней для Дохтурова. В рапорте он подчеркивал, что нет времени для составления наградных списков, которые обещал вскоре представить. Действительно, в следующем своем рапорте, относящемся к Малоярославскому сражению, Дохтуров представил Кутузову список отличившихся генералов²⁰. Но произошло это спустя несколько недель – 31 октября 1812 г. В списке указаны генералы: Капцевич, Раевский, Бороздин, Рат, Фок, Дорохов, Талызин, Ермолов и приведены краткие сведения об их действиях в день битвы. Лишь 3 ноября Дохтуров окончательно оформил все остальные наградные документы по 6-му пехотному корпусу. Это были: «Список об отличившихся штаб- и обер-офицерах полков: Уфимского и Томского пехотных, 6-го и 19-го егерских, лейб-гвардии конной артиллерии и конно-артиллерийских рот № 5-го и 7-го в сражении противу французов октября 12-го числа при городе Малом Ярославце» (лл. 21-30). Здесь же подшиты наградные списки той же артиллерийской бригады батареей роты № 32. Далее идут: «Список артиллерийским чиновникам, командовавшим батареями в сражении при Малом Ярославце, отличившимся благоразумным распоряжением и храбростию с отметкою подвигов» (лл. 31-об.), «Список господам штаб-, обер-офицерам и адъютантам полков и артиллерийской бригады 7-й пехотной дивизии, отличившимся в сражении 12-го числа октября при Малом Ярославце бывшем, с показанием подвигов каждого» (лл. 34-43). Еще через несколько дней – 10 ноября – генерал рапортовал Кутузову о предоставлении еще одного списка – адъютантов, представляемых к награждению за Малоярославец (л. 68). Но сам «Список отличившимся в сражении 12-го октября при городе Малом Ярославце бывшем

адъютантам и чиновникам при мне находившимся с показанием подвигов каждого и кто какие имеет знаки» подшит не вслед за рапортом, а гораздо раньше – на лл. 32-33.

Подобная путаница в делах была отмечена еще руководителем «Особого делопроизводства по описанию Московского отделения Общего архива Главного штаба» Н.П. Поликарповым. Готовясь к 100-летней годовщине Отечественной войны, он и его помощники приводили в порядок документы, хранившиеся в неразобранных связках штабов русских армий. Из-за огромного объема работ им в помощь командировали офицеров и писарей Московского военного округа, которые, естественно, не были знакомы с архивной деятельностью и не всегда могли разобраться в специфике фондирования документов, а тем более проводить историко-архивный и текстологический анализ разбираемых архивных связок. Необходимо напомнить, что, по словам того же Поликарпова, им приходилось иметь дело с кипами документов, перепутанными между собой, часто скомканными, разорванными, многие из которых не разбирались со времени сдачи в архив – т.е. с 1814–1815 гг. Поэтому неудивительно, что составленная и опубликованная ими опись помогает в основном, в ориентации исследователей по основным массивам документов. Но, к сожалению, в самих делах документы перепутаны и их необходимо тщательно выявлять и разбирать по отдельным сражениям и авторам.

Достаточно полно и в хорошей физической сохранности дошли до наших дней документальные материалы о Малоярославецком сражении, представленные в канцелярию М.И. Кутузова штабом 7-го пехотного корпуса. Вместе с тем следует подчеркнуть, что сами документы оказались чрезвычайно распылены по всему делу № 7, а не сконцентрированы в единый комплекс. Для исследовательской работы с ними необходимо предварительно провести их выявление среди документов дела, составить специальный перечень и лишь затем работать над их содержанием. Подобный перечень с авторскими заголовками, и заголовками, данными самими составителями, приведен ниже. Предварительно необходимо пояснить, что, как и принято было в делопроизводстве русской армии, командир корпуса, генерал Н.Н. Раевский, представил о битве комплекс документов. Первым явился его рапорт на имя генерала Д.С. Дохтурова как непосредственного командующего русскими частями под Малоярославцем о представлении списков «господам генералитету, штаб-, обер-офицерам и нижним чинам», награждаемым за Малоярославец²¹. Но самих списков здесь нет. Они подшиты в том же архивном фонде, но в Деле № 10, ч. 1, лл. 1-6. Это список нижних чинов 7-го корпуса, представляемых к награждению, подписанный генералом П.П. Коновницыным 26 февраля 1813 г. Сохранились наградные списки офицеров корпуса, подписанные самим Раевским,

но без указания даты и места составления. Это, во-первых, «Список господам штаб- и обер-офицерам 7-го корпуса, удостоивающимся высочайшего награждения за отличные подвиги, оказанные в сражении, бывшем при городе Малом Ярославце октября в 12-й день сего года» (Д. № 7. Лл. 48-57 об). В нем приведены списки награжденных полков: 41-го егерского, Смоленского, Нарвского, Алексопольского, Новоингерманландского, Симбирского, 12-й артиллерийской бригады, Нижегородского, Ладожского, Полтавского, Орловского пехотных и 26-й артиллерийской бригады. Во-вторых: «Список 7-го корпуса, отличившимся во время сражения с французскими войсками бывшего при городе Малом Ярославце, портупей-прапорщикам, подпрапорщикам, портупей-юнкерам и юнкерам», так же подписанный Раевским, но без числа и места написания (Лл. 58-об). В этом списке указаны вышеперечисленные полки и добавлен 6-й егерский полк. Следует обратить внимание на дату составления рапорта Раевского на имя Дохтурова – 1 ноября 1812 г.

Дело в том, что в фонде «Баркляя де Толли» сохранился еще один рапорт Раевского, но на имя Михаила Илларионовича: «Его светлости главнокомандующему всеми армиями господину генерал-фельдмаршалу и кавалеру князю Голенищеву-Кутузову генерал-лейтенанта Раевского рапорт» с описанием действий корпуса в день сражения. Правда, помечен он странной датой – «Октября 1 дня 1812 года»²². Как известно, само сражение за Малоярославец произошло гораздо позднее. Можно предположить, что это случайная описка – генерал вместо «ноября» написал слово «октября». 1 ноября он обратился к Дохтурову с просьбой о награждении солдат, офицеров и генералов 7-го корпуса. Вполне возможно, что в тот же день Николай Николаевич представил рапорт о своих действиях прямо на имя Кутузова.

Выше уже говорилось о той сложной ситуации в штабах русской армии, которая сложилась в течение октября – ноября 1812 г., когда стало невозможным представлять донесения в соответствии с существовавшими правилами. Примером подобного положения является переписка о наградах Ревельскому полку. Еще 20 октября был составлен рапорт на имя Раевского «Командира Ревельского пехотного полка полковника Желвинского» о представлении именных списков офицеров и нижних чинов, награждаемых за Малоярославец²³. Но при постоянном передвижении войск генерал рапорта не получил. На документе имеется помета, что получен он лишь 12 ноября. Следует подчеркнуть, самих списков в архивном деле вслед за рапортом нет. Они подшиты гораздо раньше – на листе № 59. Это «Список штаб- и обер-офицерам Ревельского пехотного полка отличившимся храбростию и мужеством противу неприятеля в сражении октября в 12-й день под городом Малом Ярославцом». Подпи-

сали список уже оба: полковник Желвинский и Раевский. Объяснение можно найти в рапорте Раевского Дохтурову от 12 ноября 1812 г. В нем, в частности, генерал отмечает: «Сего числа ко мне поступили наградные списки Ревельского полка об отличившихся в сражении при Малоярославце. Дважды мне их представляли через своего дивизионного командира, но до меня они не доходили»²⁴. Наконец, в начале декабря 1812 г. все документы по 7-му пехотному корпусу о сражении за Малоярославец были окончательно направлены в Военную канцелярию Кутузова. 9 декабря Раевский сообщал дежурному генералу Коновницину, что представляет «...подробные мои рапорты» за Тарутино, Малоярославец и Красный²⁵. Таким образом, становится понятным, что в штабах корпусов русских войск, несмотря на все тяготы зимнего преследования французской армии, тщательно копировались и хранились все рапорты, на основании которых при необходимости составлялись дубликаты донесений. Документально подтверждает этот факт наличие еще одного рапорта Раевского Кутузову о Малоярославском сражении, который хранится в фонде № 846 (бывший ВУА). В настоящей публикации текст документа приведен в соответствии с рапортом, хранящимся в ф. 103.

«Его светлости главнокомандующему всеми армиями господину генерал-фельдмаршалу и кавалеру князю Голенищеву-Кутузову генерал-лейтенанта Раевского рапорт.

№ 398. Октября 1 дня 1812 года.

12 октября, следуя с вверенным мне 7-м корпусом к городу Малому Ярославцу, получил я приказание Вашей Светлости подкрепить господина генерала от инфантерии Дохтурова, который с самого утра сражался в сем городе. В 12 часов прибыв к оному, получил от него приказание подкрепить его корпус двумя полками на левом фланге, для чего и отрядил я генерал-майора Паскевича с Орловским и Нижегородским полками, а с остальной частью взят в мое командование центр и правый фланг. Неприятель усилившись, теснил уже своим превосходством находящиеся в городе егерские полки, почему и приказал я майору Орженскому с Ладожским и Полтавским полками ударить на неприятеля, что он и исполнил с отличною храбростию. Неприятель был опрокинут и город паки занят нами. Увидя по правой стороне города враг, способный для неприятеля взять нас во фланг, поставил я для очищения онаго сильную батарею из орудий 12 артиллерийской бригады в удобном месте и приказал генерал-майору Колюбакину с четырьмя пехотными полками 12 дивизии удерживать оный.

Но как тут находились большие силы неприятельские и он хотел непременно овладеть городом и Калугской дорогою, для чего безпрестанно усиливал свою атаку и всячески старался лощинами обходить мой правый фланг. Почему и

принужден я был ввести в дело весь мой корпус и сверх того получил в подкрепление 27-й дивизии два полка и 2-й дивизии Ревельской пехотные полки. Неприятель, упорствуя в своем намерении и непрерывно подкрепляясь новыми силами, восемь раз овладел почти всем городом. Так что и остальные полки, пришедшие на подкрепление, принужден был я ввести в дело и восемь раз, выбив его из города, овладел оным. Наконец, наступившая ночь прекратила сие кровопролитное сражение и город остался за нами! Не могу довольно нахвалиться храбростию и усердием всех чинов, ибо сражаясь чрез целый день против италийской гвардии под командованием самого вице-короля, несмотря на потерю нашу, которая простиралась до трех тысяч. Усердие и храбрость российских воинов ни на минуту не ослабевали, груды неприятельских трупов, покрывающих поле сражения и улицы, заваленные их телами, свидетельствуют в том, как и в упорстве неприятеля.

Генерал-лейтенант
Н.Н. Раевский.»

(РГВИА. Ф. 103, оп. 208а, св. 0, д. 7, лл. 47-об.).

Как известно, в сражении за Малоярославец активное участие принимал 8-й пехотный корпус, который и завершил поздно ночью эту решающую битву. До наших дней сохранился рапорт командира корпуса генерал-лейтенанта Бороздина генералу от инфантерии Дохтурову с представлением списка награжденных офицеров. Документ имеет точную дату и номер: 23 октября 1812 г., № 344. Подписан рапорт лично Бороздиным²⁶. Но самих наградных списков нет, вместо них в приложении к рапорту идут материалы 27-й пехотной дивизии. Это, в первую очередь, рапорт «Начальника 27-й пехотной дивизии» генерала Д.П. Неверовского Бороздину о бое за Малоярославец, составленный 16 октября 1812 г. в Полотняном заводе (Лл. 67-об). Любопытно, что сам документ имеет помету: «Дубликат». В нем Неверовский сообщает, что к своему рапорту он прикладывает списки награжденных, но самих списков и здесь нет, а подшит подлинный рапорт Дохтурова Кутузову о награждении адъютантов Дохтурова за Малоярославец. Сами же наградные списки офицеров дивизии находятся в том же деле, но на л. 100. Вслед за ними идет еще один рапорт командира 27-й пехотной дивизии Неверовского о сражении за Малоярославец, также составленный 16 октября 1812 г. в Полотняном заводе. Но на этот раз рапорт подлинный (лл. 103-об). Здесь же хранятся: рапорт Неверовского об участии 54-й легкой артиллерийской роты в сражении за Малоярославец, составленный 17 октября в Полотняном заводе (лл. 104-об). Список нижних чинов 27-й пехотной дивизии, награжденных за Малоярославское сражение, находится в другом деле – № 46, но зато имеется список награжденных офицеров 2-й грендерской дивизии, подписанный принцем К. Мекленбургским (лл. 107-110).

Большую роль в Малоярославецком сражении сыграл известный генерал, начальник штаба русской армии Алексей Петрович Ермолов. Он представил несколько донесений о своих действиях и подвигах подчиненных, в частности, рапорт Дохтурову от 30 октября 1812 г. из с. Лобково о ходе сражения. В нем Ермолов сообщает подробности ранения прославленного партизана 1812 г. И.С. Дорохова (лл. 83-84 об). В тот же день Ермолов направляет Дохтурову еще одно донесение, в котором извещает, что за своим отсутствием в Главном штабе, для ускорения делопроизводства, дал указание, чтобы полки представили списки «прямо Вашему превосходительству, а от полков Вильманстрандского и 33-го егерского представляю Вам при сем». Не совсем понятно, о каких полках ведет речь генерал, так как сохранились рапорты лишь двух полков: во-первых, это рапорт командира Вильманстрандского полка Астафьева Ермолову от 23 октября 1812 г. (лл. 85-86). К нему приложен список награжденных офицеров полка, подшитый на лл. 87-88. Но необходимо подчеркнуть, что список нижних чинов этого же полка находится в д. 10, ч.1, л.7. Во-вторых, под командованием Ермолова также находился 33-й егерский полк, который рано утром 12 октября выбил французов, переправившихся через р. Лужу в Малоярославец. Именно поэтому рапорт командира полка Бистрома о начале сражения был направлен на имя А.П. Ермолова. Датирован документ 23 октября 1812 г.²⁷ Здесь же подшит список офицеров 33-го егерского полка, представляемых к награждению (лл. 96-97). Других документов о бое в деле не обнаружено, хотя имеется рапорт К.Ф. Толя, о котором было рассказано выше.

Таким образом, можно смело утверждать, что основной массив документов о сражении под Малоярославецом сохранился в деле № 7. Но вместе с тем несомненно, что в фонде № 103 «Барклай де Толли», а также в фонде № 846, в других архивных коллекциях лежат еще не выявленные и не введенные в научный оборот документы о сражении 12 октября 1812 г. Об этом говорит тот факт, что многие документы, когда-то входившие в единый комплекс, представляемый командирами корпусов на имя М.И. Кутузова, ныне расплывлены по целому ряду дел и даже фондов. Необходимо коснуться вопроса и о других видах документов, которые были обязаны составлять начальники отдельных частей и соединений в соответствии с требованиями делопроизводства русской армии той поры. Речь идет о ведомостях потерь нижних чинов и списках раненых и убитых офицеров, ведомостях потерь имущества. Подобная тема исследовательской работы вполне актуальна, особенно если принять во внимание опыт, накопленный в ходе многочисленных научных конференций, проводимых в «Малоярославецком музее 1812 года», а также в преддверии 200-летия знаменитого сражения. Публикация сборника документов явится данью памяти героев «Двенадцатого года».

Примечания

- 1 См.: Материалы круглого стола, посвященного подготовке к празднованию 200-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года и Малоярославецкого сражения. Малоярославец, 2006.
- 2 См.: Бородино: Документальная хроника. М., 2004.
- 3 См.: Бородино: Документы, письма, воспоминания. М., 1962.
- 4 Безотосный В.М. О путях развития современной историографии Отечественной войны 1812 г. // Труды ГИМ. Вып. 147. Эпоха 1812 года: исследования. Источники. Историография. Вып. IV. М., 2005. С. 303.
- 5 См.: Львов С.В., Збоевская М.Ю. Отечественная война 1812 г. в документах. Опыт создания базы данных // Вестн. Музея-панорамы «Бородинская битва». Вып. 2. М., 2005. С. 26-30.
- 6 См.: Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. М., 1988; Он же. Отечественная война 1812 года: историография темы. Саратов, 1991; Он же. Фельдмаршал М.И. Кутузов: легенда и реальность: Пособие к спецкурсу. Саратов, 1998.
- 7 См.: Шейн И.А. Война 1812 года в отечественной историографии. М., 2002. С.163, 161.
- 8 См.: Ивченко Л.Л. Бородинское сражение: историография, источники, проблемы исторической реконструкции: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2005.
- 9 См.: Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика: Опыт источниковедческого изучения. М., 1980.
- 10 См.: Автократов А.В. Военно-исторические архивы дореволюционной России. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1990.
- 11 См.: Шейн И.А. Издание и описание документов Военно-ученого и Лефортовского архивов накануне столетнего юбилея Отечественной войны 1812 г. // Отечественные архивы. 2002. №1. С. 16-29.
- 12 См.: Учреждение для большой действующей армии. СПб., 1812. С. 32, 38.
- 13 См.: РГВИА. Ф. 103 (Барклай де Толли), ф. 846, оп. 16, д. 3561.
- 14 Бородино. М., 1962. С. 184; Бородино. М., 2004. С. 290.
- 15 РГВИА. Ф. 103 (Барклай де Толли), ф. 846, оп. 16, д. 3561.
- 16 См.: Малышкин С.А. Отечественная война 1812 года: судьба архивов русских армий // В.Н. Автократов. 1922-1992: Материалы науч. чтений 11-12 января 1994 года. М., 1994. С.19-20.
- 17 РГВИА. Ф. 103, оп. 208 а, св. 0, д. 7, лл. 83-84 об.
- 18 РГВИА. Ф. 103, оп. 208 а, св. 0, д. 7, л. 60.
- 19 Там же. Л. 60.
- 20 Там же. Лл. 74-76.
- 21 Там же. Л. 69.
- 22 Там же. Лл. 47 об.
- 23 Там же. Л. 82.
- 24 Там же. Л. 65.
- 25 Там же. Л. 61.
- 26 Там же. Лл. 66 об.
- 27 Там же. Лл. 95 об.

УДК 9(470)«18» + 9(44)«17/18»

В. А. ЖУКОВСКИЙ И АУСТЕРЛИЦ («Песнь барда над гробом славян-победителей» в историческом контексте)

В.С. Парсамов

Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: ParsamovWS@imail.ru

В статье стихотворение Жуковского рассматривается в контексте представлений об Аустерлицком сражении, существовавших в русском обществе в 1806 г. Поражение под Аустерлицем, которое русское правительство стремилось выдать едва ли не за победу русского оружия, вызвало в обществе прилив энтузиазма. С одобрением было воспринято возвращение Александра I к активной внешней политике. Перед началом новой военной кампании 1806–1807 гг. Жуковский написал пропагандистское стихотворение, отразившее не только внешнеполитические намерения царя, но и общественное настроение.

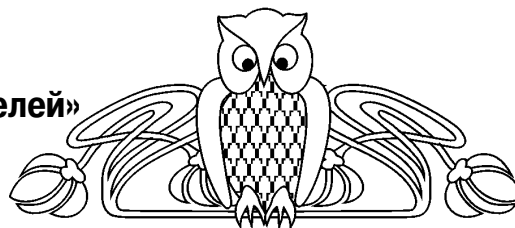
V.A. Zhukovsky and Austerlitz («Song of a Bard on the Grave of Slavs-Conquerers» in Its Historical Context)

V.S. Parsamov

The article deals with Zhukovsky's poem analyzed in the context of notions of Austerlitz battle that existed in Russian society in 1806. The defeat near Austerlitz passed by Russian officials off as almost a victory caused a real enthusiasm in the public. Alexander I's return to active foreign policy was met with approval. Before start of a new military campaign of 1806–1807 Zhukovsky wrote a propaganda poem which reflected both the tsar's intentions in his foreign policy and public opinion.

В 1807 г. отдельным изданием вышло стихотворение Жуковского «Песнь барда над гробом славян-победителей», вызванное, по позднему признанию автора, Аустерлицким сражением¹. Вопреки устоявшемуся мнению, что в «Песне барда» речь идет о «недавно проигранном сражении»², в стихотворении описывается ситуация победы, что видно, во-первых, из самого заглавия, во-вторых, из многократного повторения мотива победы: «враги утихли расточены!», «так пал с победой росс!» и т. д. Почему же в стихотворении, написанном по поводу поражения русской армии под Аустерлицем, говорится о победе русского оружия? Обратимся к историческому контексту.

До 1805 г. Россия практически не занималась военными приготовлениями, несмотря на то, что с 1804 г. во внешней политике царя все более отчетливо проявлялись военные намерения. Член Негласного комитета П. А. Строганов отмечал: «Что касается военных дел, то они незначительны и ограничиваются повышениями и слушанием докладов военного совета»³. Жозеф де Местр летом 1803 г., сокрушаясь, что Россия не проводит

активной внешней политики, писал: «У русского императора только две мысли: мир и бережливость»⁴. Для большинства современников первые годы Александровского царствования прочно ассоциировались с миром. «Россия пользовалась миром и благоденствием под кротким скипетром государя Александра I до 1805 г.», – вспоминал Л. Н. Энгельгардт⁵.

Поэтому полной неожиданностью стал объявленный 1 сентября 1805 г. рекрутский набор, фактически означавший начало войны против Франции. В обращении к Сенату по этому поводу говорилось: «Среди происшествий, покой Европы сильно возмутивших, не могли мы взирать равнодушно на опасности, ей угрожающие. Безопасность империи нашей, достоинство ее, святость союзов и желание, единственную и непремennую цель нашу составляющее, водворить в Европе на прочных основаниях мир, решили нас двинуть ныне часть войск наших за границу и сделать к достижению намерения сего новые усилия»⁶.

Вступление России в войну в 1805 г. не было подготовлено ни материально, ни идеологически. В глазах самого Александра это выглядело как защита принципов свободы и реализация просветительской идеи вечного мира. Ни то, ни другое не встречало сколь бы то ни было широкого понимания в русском обществе. Однако не успело еще общество переварить новую ситуацию, как русские войска потерпели сокрушительное поражение под Аустерлицем. Это произошло 20 ноября 1805 г., а 8 декабря «Санктпетербургские ведомости» писали нечто невразумительное: «Истощенные силы Венского Двора, нещастия постигши оный, также недостаток в продовольствии, не взирая на сильное и храброе подкрепление Российских войск, заставили Римского императора на сих днях заключить с Франциею конвенцию, за которою вскоре должен последовать и мир. *Его императорское величество* пришед на помощь своего союзника, не имел иной цели, как собственную оного защиту и отвращение опасности, угрожающей Державе Его, видя в настоящих обстоятельствах присутствие войск своих в Австрийских пределах более уже ненужным, Высочайше указать им изволил, оставив оные, возвратиться в Россию. В непродолжительном времени опубликованы будут реляции военных действий, до самого пресечения оных»⁷.

Публикацию реляций пришлось ждать долго. Александр I дал распоряжение М. И. Кутузову

«прислать две реляции: одну, в коей по чистой совести и совершенной справедливости были бы изложены действия <...>, а другую – для публикации»⁸. Реляция «для публикации» появилась в газетах 16 февраля 1806 г. Из нее довольно трудно было понять, кто вышел победителем из сражения. Читателю внушалась мысль если не о победе русских, то во всяком случае о ничейном исходе сражения с некоторыми преимуществами, оставшимися на стороне российских войск. «Почти до самой полночи стояли они в виду неприятеля, который не дерзал уже более возобновлять своих нападений». При этом потери русских назывались в полтора раза меньше, чем французов: «По самым вернейшим изчислениям весь урон наш, как в убитых, так и в плен попавших, не доходит до двенадцати тысяч, напротив того, по всем имеющимся сведениям, урон неприятеля в убитых и раненых простирается до восемнадцати тысяч»⁹.

Итак, официальная точка зрения хоть и отличалась неопределенностью, в целом же сводилась к тому, что поражение потерпели австрийцы, а русские, пришедшие исключительно для их защиты, ушли обратно после того, как защищать уже стало некого. Бессовестность подобной фальсификации возмутила Наполеона, ревниво относящегося к одной из самых ярких своих побед. Император французов вынужден был выпустить по этому поводу специальный бюллетень. В нем говорилось: «Здравомыслящие люди с негодованием слышат, как император Александр и его Правительствующий Сенат утверждают, что поражение потерпели их союзники. Вся Европа хорошо знает, что в России нет семьи, не носящей траур. И это не союзников они оплакивают. Сто девяносто пять орудий, захваченных у русских и находящихся в Страсбурге, это не пушки союзников. 50 знамен, вывешенных в Соборе Парижской Богородицы, это не знамена союзников. Толпы русских, умерших в наших госпиталях или находящихся в тюрьмах наших городов, это не солдаты союзников» и т. д.¹⁰.

Русское общество судило об Аустерлицком сражении, конечно, не только по официальной реляции. Благоприятное для Александра мнение об этом событии начало складываться и сложилось еще до ее публикации. Московский современник тех событий С. П. Жихарев писал в дневнике 30 ноября 1805 г.: «Получено известие, что 20 числа мы претерпели жестокое поражение под Аустерлицем. <...> Эта роковая весть вдруг огласила всю Москву, как звук первого удара в большой ивановский колокол. <...> Мы не привыкли не только к большему поражению, но даже и к неудачным стычкам, и вот отчего потеря сражения для нас должна быть чувствительнее, чем для других государств, которые не так избалованы, как мы, непрерывным рядом побед в продолжении полувека»¹¹.

Психологический шок усиливался еще и от того, что не было культурного языка для

передачи пораженческих настроений. Война и связанные с ней победы для русского сознания прочно ассоциировались с одической традицией, прославляющей героев. Парадоксальным образом Аустерлиц в первое время даже поднял авторитет царя. Александр с момента восшествия на престол не пользовался особой популярностью среди дворянства. Как вспоминал А. С. Стурдза, «в течение первых десяти лет правления Александра в салонах обеих столиц все почти в один голос более или менее громко говорили о крайней посредственности императора, о скромности его умственных способностей, о его обманчивой мягкости, скрывающей полное отсутствие энергии и таланта»¹².

Даже приезд Александра к армии накануне Аустерлицкого сражения (событие само по себе неординарное, хотя бы уже в силу того, что со времен Петра I русские монархи появлялись перед войсками только на парадах) встретил холодный прием. Очевидец этого события граф Ланжерон вспоминал: «Я был удивлен так же, как и другие генералы, холодностью и угрюмым молчанием, с которыми войска встретили Императора»¹³.

Но совершенно иначе Александр был принят после своего бесславного возвращения из-за границы. 9 декабря в 4 часа утра царь въехал в столицу и остановился у Казанского собора. Один из очевидцев описал то, что за этим последовало: «Все устремилось туда со всех ног. Он был так сжат со всех сторон, что не мог двинуться с места. Все пали на колени и целовали ему ноги и руки. Радость напоминала исступленный восторг. Этот государь, столь заслуженно обожаемый, плакал от умиления и заверял, что это мгновение восполняет ему все огорчения, которые он испытал, и что он всей душой согласен страдать еще больше, чтобы только снова видеть столь приятные его сердцу свидетельства»¹⁴.

Так встречал побежденного императора простой народ, но и дворянство не осталось в стороне. Буквально через несколько дней, по случаю дня рождения Александра (12 декабря), Дума кавалеров ордена Святого Георгия в лице своих депутатов князей А. А. Прозоровского и А. Б. Куракина обратилась к царю с прошением «о возложении на Себя I степени ордена Св. Георгия». Несуразность этого прошения заключалась в том, что, согласно статуту этого ордена, его мог получить только тот, кто, «лично предводительствуя войском, одержит над неприятелем, в значительных силах состоящим, полную победу, последствием которой будет совершенное его уничтожение»¹⁵.

Александр отказался от ордена первой степени, мотивируя это тем, «что он не командовал, а храброе войско свое привел на помощь своего союзника, который всеми оною действиями распоряжал по собственным своим соображениям», но при этом нашел «приличным принять только знак четвертого класса»¹⁶.

Не менее благосклонно к побежденному царю была настроена Москва. 2 декабря 1805 г. С. П. Жихарев занес в дневник: «Известия из армии становятся мало-помалу определительнее, и пасмурные физиономии именитых москвичей проясняются. Старички, которые руководствуют общим мнением, пораздумали, что нельзя же, чтоб мы всегда имели одни только удачи. Недавно есть поговорка: «лепя, лепя и облепишься», а мы лепим больше сорока лет и, кажется, столько налепили, что Россия почти вдвое больше стала. Конечно, потеря немалая в людях, но народу хватит у нас не на одного Бонапарте, как говорят некоторые бородачи-купцы. И не сегодня, так завтра подавится, окаянный. Впрочем слышно, что потеряли не столько мы, сколько немцы, которые будто бы яшась бегут тогда, как мы грудью их отстаивали»¹⁷.

Настроение москвичей быстро менялось от растерянности до полного восторга: «Удивительное дело! – продолжает свой дневник Жихарев. – Три дня назад мы все ходили как полумертвые и вдруг перешли в такой кураж, что боже упаси! Сами не свои, и чорт нам не брат. В Английском клубе выпито вчера вечером больше ста бутылок шампанского, несмотря на то, что из трех рублей оно сделалось 3 р. 50 к. и вообще все вина стали дороже»¹⁸.

Одним словом, Москва вступала в новый 1806 г. в приподнятом боевом настроении. Московские ведомости от 3 января 1806 г. поместили «Стихи на Новый 1806 год» с соответствующими настроению строками:

Герои лаврами твои везде венчаны,
Господь Сил шествует пред ними во громах:
Где ступят лишь, враги там стерты и попраны,
В твоих же празднуют воинственных стенах,
Росс...имя ужасает
Перс, Галл равно пред ним дрожит,
Весь Свет его победы знает
И славою его шумит¹⁹.

Парадоксальная вещь: поражению радуются как победе! Радовались, конечно, не поражению, а возвращению России к активной внешней политике. Четыре с половиной года мирного правления, реформаторской деятельности Негласного комитета большинством дворянства было встречено как проявление государственной слабости и отсутствие политических перспектив. От царя ждали решительных шагов прежде всего в международной политике. При этом идеи либеральной войны тоже были мало понятны. Нужна была патриотически ориентированная внешняя политика, сродни той, которую проводила Екатерина II. Поэтому возросшую популярность царя после Аустерлицкого разгрома следовало воспринимать как аванс со стороны общественного мнения, стремящегося вернуть России былое влияние в международных отношениях²⁰.

Александр I чутко уловил эти настроения. Он понял, что в глазах дворянства его погубит не поражение, а мир с Наполеоном. Поэтому, несмотря на все разумные доводы своего министра иностранных дел А. Чарторыйского начать с Наполеоном переговоры о мире, Александр твердо решил продолжать войну. Но теперь антураж этой войны становился иным. Александр переходит от либеральной военной фразеологии к патриотической. Идя навстречу общественному мнению, царь манифестом от 16 ноября 1806 г. объявил войну Франции. Основная идея этой войны – защита Отечества от возможного вторжения французов. «Россиянам, – говорится в манифесте, – обычным любить славу своего отечества и всем ему жертвовать, нет нужды изъяснять сколь происшествия сии делают настоящую войну необходимою»²¹.

Примерно в это время Жуковский и написал «Песнь барда». Созданное в пропагандистских целях, стихотворение должно было, воздав должное погибшим героям, еще раз напомнить об их подвиге и вдохновить сограждан на новую войну. Поэтому в стилистике стихотворения переплетаются одическая традиция и элегическая медитация.

Описание самого сражения выдержано в традиционном одическом стиле:

О битвы грозный вид! Смотри! Перун сверкает!
Се мчатся! Грудь на грудь!

Дружин сомкнутых сонм!
Средь дымных вихрей бой и гром;
По шлемам звук мечей; коней пронзенных ржанье
И труб созвучный треск. От топота копыт,
От прения бойцов, от кликов и стенанья
Смятенный воев бор и дол гремя дрожит.
О страшный вид попраных боем!

Далее автор переходит к изображению подвигов конкретных героев:

Тот зыблется в крови, с глухим кончаясь воем;
Тот, вихрем мчась, погиб бесстрашных впереди;
Тот, шуйцей рану сжав, десной изнеможенной
Оторванну хоругвь скрывает на груди;
Тот страшно восстал, на копья восхищенный,
И, сверженный во прах, дымясь, оцепенел...
О мужество славян! О витязей предел!

Архаизированная лексика, общеславянский колорит оды, дополненные авторскими комментариями из современности²², усиливали патриотическую суггестивность образной системы.

Однако на первом плане стоят не сражение и героизм воинов, а бард, соединяющий в себе войну и мир. Это традиционная для всех культур фигура певца, вдохновляющего воинов на битвы и рассказывающего о подвигах героев мирным людям. В герое Жуковского пересекаются различные культурные традиции. Само имя бард отсылает к Оссиану²³. За некоторыми образами стихотворения просматривается «Слово о полку Игореве» с его Баяном²⁴. Встречающийся в тексте образ убитого воина, положенного на щит, отсылает к

спартанской традиции с ее Тиртеем, имя которого упоминалось в эпитафии из Делилы.

В рамках этих традиций Жуковский видит свое место как поэта. Основным содержанием лирической медитации барда являются рассуждения о войне и мире. Эти две категории соотносятся в «Песне» как смерть и жизнь, как слава и бесславье. Прославляя воинов, павших на войне, бард с презрением отзывается о людях мирной жизни:

Пускай безвестный погибает,
Сей житель праха – червь душой,
Пусть в дольном мраке жизнь годами исчисляет...

Мир ассоциируется не только с безвестным и темным существованием, но и с неволей (*завидна ль часть веригой лет томимых*), и, в конечном итоге, смертью:

Бесславный ждет, томясь, кончины вялых дней,
До времени во мгле могилы погребенный.

Совсем другое дело – смерть на войне. В ее характеристике доминирующей оказывается лексика со значением не только славы, но и наполненности бытия:

Блажен почивший на громах
В виду отчизны благодарной,
И в гробе супротивным страх,
И в гробе озарен денницей лучезарной;
Блажен погибший в цвете лет...
О юноша, о ты, бессмертью приобщенный!
Коль быстро совершен твой выпрепанный полет.

Подлинного мира удостоены лишь те, кто отдал жизнь в бою:

Здесь, братья, вечно мирны вы!
Почийте сладко, незабвенны!

В пространственном отношении война и мир противопоставлены как верх и низ. Все, что относится к мирной жизни, расположено внизу и в темноте, ее образом является «дольный мрак». Битва происходит наверху, и связанные с ней действия выражаются мотивами паренья и полета:

Пари, блистай, превознесенный;
Погибнешь в высоте – весь мир твой мавзолей.

Пространственные характеристики усиливаются световыми. В описании смерти в бою многократно подчеркиваются светлые тона: «И в гробе озарен денницей лучезарной» (курсив мой. – В.П.).

Итак, жизнь и смерть меняются местами. Жизнь в привычном значении получает характеристики смерти, а смерть в бою является наивысшим воплощением подлинной жизни. Мирная жизнь в ее нормальном течении строится вокруг могилы воинов как дань памяти об отдавших жизни за свое отечество. Девы рыдают на их могилах, потомки приходят, чтобы набраться мужества и в дальнейшем следовать примеру героических предков.

В этот поэтический мир вплетаются современные мотивы, пропагандирующие политику

Александра I в 1806 г. Лейтмотивом этой части «Песни» является отмщение, к которому бард призывает славян. Причем мстить следует не только за погибших братьев, но за и всю Европу, обращенную в рабство Наполеоном – «ярым исполином»:

Прострите взор окрест: лишь дебри запустелы.
Где пышный вид полей, где радостные селы,
И где тевтонов мощь, низринувшая Рим?
Там мать гладная иссякшими сосцами,
Простертая на прах, в младенца кровь лиет;
<...>

Недугом изнурен, кончины старец ждет;
Там чада нищеты – убийство и хищенье;
Там рабства первенец – неистовый разврат.
О ясный мир семей! О нравов оскверненье!
О доблесть прежних лет! Лишь цепи там звучат;
Лишь хищников бичи подъяты над рабами;
Сокрылись Германа последние сыны;
Сокрылись сил вожди, парившие орлами;
В пустынях, очеса к земле преклонены,
Над прахом павшего отечества рыдают.

Упоминание несчастий Пруссии позволяет более точно датировать это стихотворение: оно не могло быть написано раньше середины октября 1806 г., когда прусская армия была полностью уничтожена французами: «сокрылись Германа последние сыны». В 1806 г. патриотизм Жуковского имел либеральную окраску. Так, указ о созыве милиции Жуковский увязывал с необходимостью «дарования многих прав крестьянству, которые приблизили бы его к свободному состоянию»²⁵. Освобождение немцев от ига Наполеона и русских крестьян от произвола помещиков для Жуковского – явления одного порядка. В этом плане он как бы пропагандирует намерение Александра I строить внешнюю и внутреннюю политику на одних и тех же принципах.

Поэтому не случайно «Песне барда» он придавал большое значение именно пропагандистского толка. За ее публикацией на страницах «Вестника Европы» должно было последовать ее сценическое воплощение. Этими планами поэт поделился в письме к А. И. Тургеневу от 24 декабря 1806 г.: «Кашин почти положил эту пиесу на музыку. Она должна быть представлена мелодрамой на театре, и думаю, что произведет великое действие, и, конечно, больше, нежели при чтении»²⁶. Эта пьеса должна была снять противоречие, обозначившееся в 1806 г. между патристическим одушевлением русского общества и прусскими симпатиями Александра I.

Общественное мнение, хоть и готово было к новой войне, тем не менее оно неодобрительно относилось к намерениям Александра вести войну в интересах Пруссии. Начиная с мемельского свидания 1802 г. между Александром и прусской королевской четой Фридрихом-Вильгельмом III и Луизой установились теплые личные отношения. В октябре 1805 г. по дороге к своей армии,

находящейся за границей, Александр вместе с Фридрихом-Вильгельмом в Потсдаме над гробом Фридриха Великого поклялись «в вечной дружбе, залогом которой будет освобождение Германии»²⁷.

Союз с Пруссией был бесполезен в 1805 г., когда Александру так и не удалось присоединить ее к антифранцузской коалиции, и вреден для России в 1806 г., когда Пруссия, получив из рук Наполеона принадлежащий Англии Ганновер, фактически оказалась на стороне Франции против России. Министр иностранных дел А. Чарторыйский напрасно пытался использовать весь свой дипломатический опыт и личные отношения с царем, чтобы отвратить его от Пруссии и заставить заключить союз с Наполеоном. Александр упорно стоял на своем, и Чарторыйскому это в итоге стоило его поста. Новым министром иностранных дел в июне 1806 г. был назначен А. Я. Будберг, а уже в июле Александру удалось обменяться с Фридрихом-Вильгельмом секретными декларациями, направленными против Франции. По замечанию Н. К. Шильдера, «обмен этих деклараций создал для Пруссии положение, которому нет примера в истории дипломатических сношений государств. В одно и то же время Пруссия состояла в союзе с Францией против России и с Россией против Франции. Спрашивается, которую из этих двух держав Пруссия готовилась обмануть»²⁸.

Несмотря на то, что дипломатический просчет Александра сказался очень скоро: 14 октября 1806 г. прусская армия была уничтожена французской сразу в двух генеральных сражениях: при Йене и при Ауэрштедте, царь остался верен своему союзническому долгу и начал войну против Франции практически в одиночку. Такая рыцарская приверженность данному слову, пусть даже неверному союзнику, вызывала иронию в дипломатических кругах Европы и серьезную обеспокоенность в ближайшем окружении царя. Мать Александра Мария Федоровна в письме к сыну 14 марта 1807 г. напоминала ему о судьбах его деда и отца: «Я не перестану повторять, что привязанность вашего деда к Берлинскому двору стала причиной его гибели, привязанность вашего отца к тому же двору стала для него столь же роковой, и ваша привязанность к нему, дорогой Александр, была достаточной до настоящего момента...». Великий князь Николай Михайлович, опубликовавший этот отрывок, затруднился с объяснением такого упорного пристрастия царя к Пруссии и в итоге вынужден был признать это «результатом какого-то рыцарского чувства его к королеве Луизе»²⁹.

Думается, что историк прав лишь отчасти. Рыцарственное отношение к прусской королеве было лишь одним из элементов новых принципов внешней политики, которые Александр I пытался утверждать с самых первых своих шагов на международной арене. Для него война с Наполеоном – это война из-за принципов, поэтому

она должна быть справедлива и бескорыстна. К тому же это война в защиту слабых от сильных, ставящая своей целью новые основания общеевропейского мира. Союз с Пруссией питался не только личными симпатиями Александра к королеве Луизе и ее государству, но и либерально-освободительными идеями и стремлением представить свою внешнюю политику как бескорыстную помощь побежденным народам. Именно этот аспект был особенно важен для Жуковского, выступившего с поддержкой внешнеполитического курса Александра I. Идея русско-прусского союза против наполеоновской Франции, не отвечая насущным внешнеполитическим задачам России, была несомненно привлекательна в поэтическом отношении, что и явилось для Жуковского определяющим фактором при написании «Песни Барда». Поэтическая задача создания новой военной лирики естественным образом соединилась с задачей политической пропаганды.

Примечания

- ¹ Жуковский В. А. Собр. соч.: В 4 т. М.; Л., 1959. Т. 4. С. 419.
- ² Кашикина Л. И. Традиции русского ораторского искусства в гражданско-патриотической лирике В. А. Жуковского // Жуковский и литература конца XVIII–XIX века. М., 1988. С. 140.
- ³ Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование: В 4 т. СПб., 1897. Т. 2. С. 331.
- ⁴ Maistre J. de. Mémoires politiques et correspondance diplomatique: 2 vol. P., 1958. Т. I. P. 97.
- ⁵ Энгельгардт Л. Н. Записки. М., 1997. С. 168.
- ⁶ Шильдер Н. К. Указ. соч. Т. 2. С. 125.
- ⁷ Санктпетербургские ведомости. 1805. 8 декабря, пятница. №61.
- ⁸ Богданович М. И. История царствования императора Александра I: В 3 т. СПб., 1869. Т. 2. С. 105.
- ⁹ Санктпетербургские ведомости. 1806. 16 февраля, пятница. Эти данные очень далеки от приводимых позднейшими историками, которые, впрочем, также разнятся. А. И. Михайловский-Данилевский приводит потери союзников – 27 тыс., французов – 12 тыс. Анализ этих и других данных см.: Троицкий Н. А. Фельдмаршал Кутузов. Мифы и факты. М., 2002. С. 113–114.
- ¹⁰ Pascal A. Les bulletins de la Grande Armée: 6 vol. P., 1841. Т. 3. P. 427.
- ¹¹ Жихарев С. П. Записки современника. М.; Л., 1955. С. 134.
- ¹² Stourza A. de. Oeuvres posthumes religieuses, historiques, philosophique et littéraires: 6 vol. P., 1859. Т. 3. P. 96.
- ¹³ Шильдер Н. К. Указ. соч. Т. 2. С. 283.
- ¹⁴ Там же. С. 285.
- ¹⁵ Дуров В. А. Ордена России. М., 1993. С. 37.
- ¹⁶ Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1830. Т. XXVIII. Стлб. 1300–1301; Шильдер Н. К. Указ. соч. Т. 2. С. 145.

- ¹⁷ Жихарев С. П. Указ. соч. С. 135.
- ¹⁸ Там же. С. 135. Правда, эти восторги не всегда переносились на царя. Как вспоминал Ф. Ф. Вигель, в Москве «позволяли себе осуждать царя, даже смеяться над ним и вместе с тем обременять ругательствами победителя его, с презрением называя его Наполешкой» (См.: Вигель Ф. Ф. Записки: В 2 кн. М., 2003. Кн. 1. С. 404).
- ¹⁹ Московские ведомости. 1806. 3 января, среда.
- ²⁰ На разговоры об Аустерлицком поражении было наложено своего рода табу. Поражения, разумеется, никто не скрывал, но и говорить о нем в обществе было не принято. Такое положение по инерции продолжалось довольно долго, по позднему свидетельству Ф. Б. Булгарина, «сорок лет, почти полвека, Аустерлицкое сражение было в России закрыто какой-то мрачной завесой! Все знали правду, и никто ничего не говорил, пока ныне благополучно царствующий государь-император (Николай I. – В.П.) не разрешил генералу А. И. Михайловскому-Данилевскому высказать истину» (Булгарин Ф. Воспоминания. М., 2001. С. 191).
- ²¹ Шильдер Н. К. Указ. соч. Т. 2. С. 155.
- ²² К строкам:
*Тот, шуйцей рану сжав, десной изнеможенной
 Оторванну хоругвь скрывает на груди,*
 дано примечание: «Известный поступок солдата Емельянова».

К строке

- О юноша, о ты, бессмертью приобщенный!* – дано примечание: «Здесь автор думал об одном молодом человеке, Новосильцеве, который в прошедшую войну был изранен в сражении и умер от ран, разлученный со своим отечеством, разлученный с родными, которые и теперь оплакивают его потерю. Автор желал бы наименовать всех наших героев, столь недавно принесших в дар отечеству и кровь свою и жизнь, но их имена известны, и благодарность сохранит об них воспоминание» (Жуковский В. А. Указ. соч. С. 418–419).
- ²³ См. об этом: Левин Ю. Д. Оссиан в русской литературе. М., 1980. С. 88–90.
- ²⁴ См.: Прокофьев Н. И. Образы прошлого в поэтическом мире Жуковского // Жуковский и литература конца XVIII–XIX века. С. 41–42.
- ²⁵ Жуковский В. А. Письма к А. И. Тургеневу. СПб., 1895. С. 26. Подробнее о либерализме Жуковского см.: Жуковский Г. А. Пушкин и русские романтики. М., 1965. С. 29–36.
- ²⁶ Жуковский В. А. Собрание сочинений. Т. 4. С. 558.
- ²⁷ Шильдер Н. К. Указ. соч. Т. 2. С. 132.
- ²⁸ Там же. С. 150.
- ²⁹ Николай Михайлович, вел. князь. Император Александр I. Опыт исторического исследования: В 2 т. СПб., 1912. Т. 1. С. 48.

УДК [9:355.71](470.44–89)«1808/1872»

САРАТОВСКАЯ КВАРТИРНАЯ КОМИССИЯ (1808–1872 гг.). К ИСТОРИИ ПОСТОЙНОЙ ПОВИННОСТИ В РОССИИ

И.Н. Плешаков

Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: histrus@sgu.ru

В XVIII–XIX вв. перед региональными и центральными властями остро стояла проблема квартирования войск. Войска размещались в домах обывателей. Лишь небольшая часть находилась в специальных казарменных помещениях.

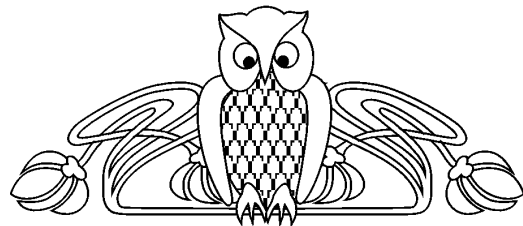
В 1808 г. император Александр I подписал указ о создании в городах государства особых «квартирных комиссий». В их функции входили составление списков домов горожан и распределение в них военных и чиновников.

В статье деятельность квартирных комиссий рассмотрена на примере города Саратова. В работе делается вывод о неэффективности существовавшей в России XIX столетия системы размещения войск.

Saratov Room Commission (1808–1872). To a History Accommodation of Armies in Russia

I.N. Pleshakov

In XVIII–XIX centuries before a regional and central authority was a problem of accommodation of armies. The armies were placed in the

houses of the citizens. Only a small part was in the special buildings. In 1808 Alexander I has signed the decree about creation in the cities of the state the special «room commissions». To their functions concerned drawing up the lists of the houses the towns people and distribution in them the militaries and officials.

In this article, the activity «room commissions» is consider on an example the city Saratov. In the work is judged an inefficiency of existing system of accommodation of armies in Russia in XIX century.

Среди важнейших проблем, стоявших перед местной властью в XVIII – начале XIX в., особое место занимает квартирование военных частей¹. На протяжении указанного периода государство искало различные пути облегчения городскому населению несения постоянной повинности: от идеи строительства особых «полковых слобод» или отдельных дворов, специально предназначавшихся для размещения воинских подразделений, до проекта повсеместного возведения казарменных помещений. Однако все они, в силу разных причин, не нашли широкого применения или оказались неосуществимы на практике². Кроме того, ни один из вариантов решения вопроса не устранял главной проблемы – отсутствия точно определённых

правил отбывания повинности, в результате чего в назначении квартир обнаруживались вопиющие злоупотребления. Наконец в начале XIX столетия в структуре местного управления было введено новое учреждение, призванное следить за справедливym распределением на постой военных и гражданских чинов. Указом Александра I от 25 июня 1808 г.³ в городах империи создавались так называемые квартирные комиссии.

В Государственном архиве Саратовской области сохранился обширный фонд Саратовской квартирной комиссии (Ф. 131), дела которого охватывают практически весь период её существования. К сожалению, безвозвратно утрачены материалы первого временного отрезка с 1808 по 1830 гг. Несмотря на то, что фонд не раз страдал от изъятия на макулатуру «малоценных» документов, оставшиеся единицы хранения – в общей сложности 354 дела – в достаточно полном объёме воссоздают проблемы, стоявшие перед городом и сложившуюся практику их решения. Наибольшую трудность для исследователя представляет ранний период деятельности комиссии. Отсутствие документов лишь отчасти восполняют материалы делопроизводства других органов власти, прежде всего, канцелярии губернатора (Фонд 1), губернского правления (Фонд 2) и городской думы (Фонд 3).

Главной причиной появления квартирных комиссий стали многочисленные жалобы горожан на «неуравнительное <...> распределение постоя, и занятие воинскими чинами квартир без надлежащих очередей между жителями, в городах дома имеющими, и без точного в сём распорядка»⁴. Положение, вступившее в силу 25 июня 1808 г., предписывало учредить «в каждом городе, где квартируют или впредь будут квартировать воинские команды <...> для отвода квартир всем вообще воинским чинам особую квартирную комиссию». В её состав должны были войти полицмейстер или городничий и два выбранных представителя горожан: первый «от дворянства, в городе дома имеющего», а второй – депутат от купечества и мещанства. Обязанностью комиссии являлся сбор сведений о числе «покоев каждого дома», и назначение каждому из них очереди для исполнения постоянной повинности. Полиция должна была предоставлять комиссии информацию о необходимых военных помещениях, а та, со своей стороны, выдавать ей «билеты» на занятие определённых квартир. Указанный документ служил квитанцией, один экземпляр которой выдавался хозяину дома, а второй – его квартирантам.

С целью уравнивания постоянной повинности комиссия должна была разделить дома горожан на классы, «сообразно выгодам их местоположения, обширности их и доходам, с них получаемым, и по сему разделению домов на классы, расположить умеренный и безобидный для обывателей сбор денег, для найма ли удобных зданий, особенно под лазареты, или же и для постройки оных, также

кузниц, мастерских изб и прочих необходимых при квартирании войск помещений, если в каком городе не будет таковых зданий общественных, кои могли бы для означенного употребления быть отводимы квартирующим полкам». Размер соответствующего сбора, который «по мере надобности ограничиваться должен самою необходимостью», утверждался губернатором. В инструкции отдельно оговаривалось число покоев, которые могли занять воинские чины. Число это напрямую зависело от чина офицера и его семейного положения. Так, женатый генерал-аншеф имел право на девять комнат, а холостяк в том же звании на семь. Для генерал-лейтенанта количество покоев определялось в семь и шесть комнат соответственно. В то же время семейный обер-офицер мог претендовать лишь на два жилых покоя, а его неженатый сослуживец – только на один. Помимо этого военнотружущим в генеральских чинах полагалось по два покоя для прислуги. Рядовые и унтер-офицеры размещались казарменным порядком или натуральным постоем по домам обывателей, обычно по 1–2 человека у одного хозяина. На тех же основаниях отводились квартиры проходящим воинским подразделениям и рекрутским партиям⁵.

В начале июля 1808 г. в Саратове было получено предписание министра внутренних дел А. Б. Куракина на имя губернатора, в котором он препровождал утверждённые государем правила об учреждении квартирных комиссий. 10 июля А. Д. Панчулидзе сообщил Саратовской городской думе о намерении открыть работу означенной комиссии и предложил ей избрать депутата от купечества и мещанства. 17 августа того же года им был избран купец С. В. Гладков⁶. В декабре 1809 г. его вновь переизбрали, однако выяснилось, что одновременно он был выбран на три года заседателем в губернскую палату гражданского суда, поэтому на место Гладкова горожане делегировали купца Ф. И. Рогожина⁷. Интересы дворян в комиссии на протяжении шести лет представлял депутат П. П. Гаврилов⁸.

В конце августа 1808 г. квартирная комиссия начала свои заседания в здании городской полиции⁹. На средства думы занимаемую ею комнату отремонтировали, а для работы были закуплены письменный шкаф, два стола и пять стульев¹⁰. 9 октября в думу поступило предложение от А. Д. Панчулидзева, в котором он сообщал о поступившем к нему представлении квартирной комиссии об отпуске ей суммы на выплату жалованья двум писарям и сторожу, а также на покупку бумаги, сургуча, чернил, дров, свечей и прочих необходимых для работы принадлежностей. Учитывая, что «комиссия, по обширности её занятий, не может обойтись без канцелярских служителей, сторожа и канцелярских расходов», губернатор предложил думе выделять для этой цели из городских доходов 370 руб. в год¹¹. В марте 1810 г. выяснилось, что комиссия не может нормально осуществлять свою деятельность без помощи

квартирмейстеров – служащих, разводящих воинских чинов по назначенным домам, без коих, «по обширности города, <...> никак обойтись нельзя». Получив отказ от магистрата, в котором, в недавнем прошлом, квартирмейстеры избирались из числа жителей города, а вслед за тем и в думе комиссия, во главе с полицмейстером, обратилась за содействием к губернатору. 29 апреля 1810 г. дума вторично рассмотрела требование комиссии и, учтя её доводы, постановила: «из уважения к сему изъяснённым служителям выбрать из мещан, определяя им из градских доходов <...> пристойную за то плату, полагая по 60-ти рублей каждому в год, причисляя оные к сумме, на содержание оной комиссии ежегодно отпускаемой»¹². Таким образом, существование комиссии стало обходиться городу почти в полтора раза дороже, а именно в 550 руб. в год. Экономический кризис, вызванный участием России в Континентальной блокаде и Отечественной войной 1812 г., стал причиной нового возрастания затрат на содержание квартирной комиссии. Вняв её просьбе, 21 марта 1813 г. губернатор А. Д. Панчулидзе, «по случаю дороговизны на все вообще потребности», предписал Саратовской городской думе увеличить соответствующий расход до 850 руб. в год¹³.

Как же оправдывала комиссия столь немалые средства, ежегодно выделявшиеся ей из городских доходов? 4 сентября 1808 г. в Саратовском губернском правлении был рассмотрен один из первых принципиальных вопросов, поднятых квартирной комиссией. В представлении на имя А. Д. Панчулидзева она изъясняла, что «многие из градских жителей защищаются вместо натурального постоя построенными ими, и некоторые более 10 годов [назад], как то, сборными избами¹⁴ [и т. д.], отчего прочие обыватели от несения в натуре сей повинности претерпевают крайнее отягощение и неуравнение, а как сие зависит не от частных людей, а [от] всего города, почему и должна содержать оные городская дума из градских доходов». В связи с этим комиссия спрашивала, «не угодно ли будет вышеупомянутые здания препоручить в ведомство городской думы», содержать их на городские доходы, заплатив хозяевам домов их стоимость «по оценке», после чего их самих, «довольно пользующихся свободою от постоя», привлечь к исполнению повинности натуральным порядком, «ко уравнию всех вообще граждан»¹⁵. Обсудив предложение квартирной комиссии, губернское правление приказало: «означенные построения Саратовской думе иметь в своём ведомстве и, починив из градских доходов, ... сделать исчисление, во что те строения каждому обошлись и с того самого времени пользовались свободою от постоя, в уравнение против прочих отправляющих повинность сию взамен очереди»¹⁶. С выполнением данного распоряжения дума отнюдь не спешила и почти год спустя квартирная комиссия была вынуждена вновь напомнить ей о решении губернского правления. 10 июня 1810 г. среди прочих вопросов гласные обсудили поступившее от

неё сообщение, в котором она требовала сообщить, «учинила ли дума с содержателями здешнего города съезжий дом и караульных изб сделку, ибо до оных уже дошла очередь к содержанию постоя в натуре». В итоге выяснилось, что по этому вопросу всё ещё «чинится здесь рассмотрение»¹⁷.

18 сентября 1808 г. в Саратовской думе обсуждался другой запрос комиссии. Ссылаясь на распоряжение губернатора, она потребовала сведения о наличии в городе зданий, «в коих могли бы быть помещаемы лазареты, кузницы, мастерские и другие подобные сему <...> и будет ли оных достаточно или не нужно ли при разделении домов городских жителей <...> сообразно выгодам их местоположения, обширности их доходов, с них получаемых, для найма или постройки зданий, удобных для помещения всего вышеопisanного лазарета, приступить к распоряжению с них денежного сбора». Комиссию интересовало, сколько денег, «ежели необходимость потребует», нужно будет собрать с жителей города «и каким способом, уравнительным и неотяготительным для граждан». В ответ дума сообщила, что «во время бытности здесь в Саратове гарнизонного батальона лазарет, гоубвахта¹⁸, караульные избы¹⁹, цейхауз²⁰, слесарня, кузницы и столярни имелись, ныне же в полном ли числе оные существуют, по делам в думе не видно, а должна о сём быть гласности у господина здешней инвалидной команды полковника и кавалера Ляхова, поелику все посты в городе состоят в его ведении»²¹. Сама дума находилась в это время в весьма затруднительном финансовом положении, даже не сумев в 1810 г. удовлетворить все денежные требования военных. Любопытно, что такая же ситуация имела место в Царицыне, который, как и Саратов, только что лишился гарнизонного батальона²².

В 1811 г. город постигло несчастье – произошёл большой пожар. Уменьшение количества жилых строений привело к значительному затруднению в отбывании постоянной повинности. В том же году в Саратове был сформирован внутренний гарнизонный полубатальон (с 27 марта – батальон), с комплектом в несколько сотен военнослужащих. Вместе с проживавшими в обывательских домах кантонистами²³, число которых в начале XIX столетия постоянно увеличивалось²⁴, они составляли основной контингент квартирантов. С началом Отечественной войны существенно возросло количество проходящих через город воинских подразделений, транспортов и рекрутских партий. В Саратове приходилось размещать и сотни принятых на военную службу местных новобранцев, а с осени 1812 г. губерния приняла большое число беженцев и пленных Великой армии. 28 октября 1813 г. священнослужитель Н. Г. Скопин отмечал в дневнике, что массовое нашествие на Саратов рекрутов и пленных отозвалось здесь «утеснением <...> в квартирах»²⁵. В «облегчение жителей» для помещения пленных отводились

отдельные здания. Так, например, поступили с двухэтажным деревянным домом «на горах» Саратовского военно-сиротского отделения. Взамен его для кантонистов у города за 1000 руб. в год было нанято здание на Соборной площади²⁶. В этих условиях некоторым высшим должностным лицам даже удавалось нажить за счёт средств квартирной комиссии. Так, 1 ноября 1812 г. губернатор А. Д. Панчулидзе предложил городскому голове И. А. Волкову (Песковскому) «сделать немедленное распоряжение» комиссии перевести всех находившихся в Саратове офицеров наполеоновской армии, числом до 50 чел., из разных квартир в дом, принадлежавший представителю местной дворянской фамилии Есиповых²⁷. Комиссия должна была из своих сумм обустроить помещение и побеспокоиться «на счёт заплаты г. Есипову потребного числа денег за занятие постоем его дома, ибо без платы было бы для него отяготительно отдать весь дом тогда, как всякий житель обязан только уделять под постой несколько комнат»²⁸. Нет сомнений, что оборудование, отопление и освещение здания, а также «плата» за него оказались весьма недёшевы, тогда как прежний порядок размещения пленных преимущественно в домах обывателей не требовал почти никаких расходов²⁹. Все эти обстоятельства весьма ощутимо усугубили и без того сложное положение с постоянной повинностью.

Уже в первые годы существования комиссии её работа не раз вызвала вполне обоснованные нарекания со стороны саратовцев и местных властей. Составление подробной ведомости о городских строениях и о получаемых с них доходах, без которой невозможно было разделить дома на классы, затянулось на целое десятилетие. Правда, вина за это лежала не только на членах комиссии. Достаточно часто их попытки приступить к сбору необходимых сведений не встречали должного понимания со стороны местных учреждений и властных органов, без содействия которых задуманное мероприятие едва ли было выполнимо. Так, полицейские части в ответ на соответствующие запросы представили ей в течение 1816 г. ведомости о городских зданиях. Комиссия нашла в них «неверности и многие недостатки» и 7 сентября того же года потребовала от городской полиции привести описи домов «в ясность», указав в них, «на каких каждый саженях длины и поперечины, каменный или деревянный, об одном или двух этажах и сколько комнат»³⁰. Днём раньше контроль за действиями полицейских чиновников комиссия возложила на депутата от купечества И. А. Уфимцева³¹, поручив ему «описать, обществу с частными приставами, получаемые обывателями города от домов, лавок, выходов, погребов и прочего дохода и всё то, с чего оные получают, обнаружить».

Через полтора месяца, так и не дождавшись от полиции исправленных ведомостей, депутаты на заседании 18 октября 1816 г. решили обратиться за помощью к губернатору. В отношении на его

имя они сообщали, что, по причине отсутствия у них «аккуратных домам описей», у комиссии «нет средства выполнить изложенные государем императором в 1808-м году правила и приступить <...> к выполнению своей обязанности, то есть разделить дома на классы и приступить на выстроение мастерских изб, кузниц и прочего следуемого для полковых замещений, к сбору с обывателей денег». Депутаты просили начальника губернии предписать полиции доставить в комиссию «требуемое сведение»³². Но и это не помогло. Даже два года спустя исправленная ведомость всё ещё не была доставлена.

Свою опись Уфимцев представил на заседании комиссии 13 мая 1818 г. Ведомость сразу же вызвала подозрение дворянского депутата И. В. Верещагина. Его смутило отсутствие под документом подписей частных приставов и самого Уфимцева, а содержание текста породило «величайшее сомнение» в его достоверности. Верещагин «долгом и обязанностью себе поставил» сообщить о замеченных искажениях саратовскому губернатору А. Д. Панчулидзеву. В своём представлении от 27 августа того же года он привёл несколько наиболее ярких примеров, несомненно изобличающих И. А. Уфимцева в использовании заведомо ложных сведений. Так, «известный де Смирнова дом, под коим есть лавка и выходы»³³, отмечен приносящим годового дохода 600 р., да лабазные места будто бы приносят таковую же сумму и так весь доход Смирнова состоит, якобы, только в 1200 рублях». Три больших каменных дома, находящиеся на Московской улице, «на самых выгодных местах положения, показаны приносящими дохода: купцов Осипа Горбунова³⁴ с 19 лавками 1000 р., <...> Жижина³⁵ с таковыми ж девятью, но их гораздо более – 800 р. <...> Жеребина – 400 р.»³⁶, тогда как «за одну лишь только нанимаемую у него лавку итальянец Жамбони³⁷ платит ему в год 500 р., а с прочего, как то с другой лавки, выхода и поставленного на дворе строения, которое отдавалось им в наём под фабрику колонистам, никакого дохода не значится». Истинные размеры своих доходов скрыли купцы И. Г. Клоков, П. Сапожников, С. Крюков и др.³⁸. Указав на явную недостоверность представленной Уфимцевым описи, Верещагин настаивал на том, что она должна быть сделана «без сокрытия, самовернейшим образом, а без того, что не получающие с домов и прочих мест, жители города никакого дохода, будут отправлять наровне таковую ж в постоях очередь, как и те, кои значительные получают суммы, отчего первые, против сих последних будут отягощаться». Депутат просил А. Д. Панчулидзева поручить проведение повторной описи чиновнику губернского правления, чтобы на основе полученных сведений квартирная комиссия могла разделить городские строения, в зависимости от их доходности, по классам, «отчего и будет уравнение». 9 ноября 1818 г. губернатор направил копию донесения И. В. Верещагина в Саратовскую думу «на рассмотрение и определение»³⁹. 11 марта 1819 г. дума запросила квартирную комиссию, «по какому

законному праву или начальственному предписанию нужно ей было знать о доходах с недвижимых имений получаемых» и, после получения от неё обстоятельного ответа, по сути, проигнорировала её требование.

Между тем совсем скоро на Саратов обрушилось неожиданное несчастье. Почти три десятилетия в городе не имел постоянные квартиры ни один полк русской армии, исключая гарнизонные подразделения и проходящие части. В ноябре 1821 г. положение радикально изменилось – в губернию вступила 2 гусарская дивизия, конно-артиллерийская бригада и пехотные полки 5 дивизии. Штаб гусарской дивизии обосновался в Саратове. Здесь же встали на квартиры несколько эскадронов Иркутского гусарского полка и приданный дивизии 2 фуhrштатский батальон, разместились мастерские и хозяйственные заведения. Ещё до их вступления в город дума и квартирная комиссия, по распоряжению губернатора, занялись переоборудованием различных помещений и постройкой необходимых гусарам конюшен. Причём, вопреки положениям законодательства, расход на эту цель был осуществлён из сумм земского сбора, за что уже в начале 1823 г. Государственный совет сделал губернатору замечание⁴⁰. В первые же дни пребывания военных в Саратове жители города ощутили на себе последствия отсутствия строго установленного порядка в отводе квартир. Постой нередко ставился без соблюдения всякой очерёдности, а за многими нарушениями закона были явно заметны корыстные мотивы.

В конце декабря 1826 г. гусарская дивизия в полном составе отбыла на новое место дислокации в Орловскую губернию. Месяцем раньше в отставку отправился губернатор А. Д. Панчулидзеv. Причиной его скандального отстранения от занимаемой должности стали печальные итоги ревизии сенатора Н. И. Огарёва, вскрывшей вопиющие злоупотребления начальника губернии и приближённых к нему лиц. От придирчивого ревизора не ускользнули факты нецелевого расходования казарменного капитала и беспечность губернатора в отношении защиты интересов обременённых постоем горожан. В деятельности Саратовской квартирной комиссии были найдены многочисленные упущения и беспорядки. Исправлять положение довелось новому губернатору А. Б. Голицыну, который, основываясь на результатах ревизии Н. И. Огарёва, инициировал собственное расследование. Подобно воцарившемуся императору, новый саратовский губернатор активно взялся за наведение порядка на вверенной ему территории. «Гордонадменный и властолюбивый», он «был чрезвычайно строг, настойчив и требовал беспрекословного исполнения его распоряжений и приказаний». В своей должности губернатор «строго преследовал и искоренял взяточничество между начальствующими лицами и чиновниками», многие из которых увольнялись со службы и предавались суду⁴¹. «Весёлый,

добродушный Саратов, каким он был 20 лет в управление губернией Панчулидзеvым, вдруг становится скучным, чопорным, холодным», – писал о времени губернаторства А. Б. Голицына местный краевед В. П. Юрьев⁴². «Как скоро губернатор вступил в настоящую должность его, то непрерывно окружаем был жалобами на неуравнение в постое и даже на самые злоупотребления в том со стороны квартирных комиссий», – писал А. Б. Голицын в своём первом отчёте императору за 1827 г. Сначала внимательной проверке подверглась деятельность саратовской комиссии, в результате чего в её работе были выявлены многочисленные нарушения. Выяснилось, что в своих занятиях комиссия опиралась на обывательскую книгу 1817 г., не учитывая происходившие в городе изменения. О том, как составлялась эта книга, ранее уже было сказано. За пять последующих лет депутаты не внесли в неё ни одного нового здания, «следовательно, хозяева оных, быв комиссии неизвестны, не смогли наравне с прочими нести тяжесть постоя». Не зафиксировала комиссия и произведённые в зданиях перестройки и переделки. Одновременно из списка не были исключены и те дома, которых уже не существовало. Интересная разборчивость обнаружилась и в том, как комиссия пользовалась имевшейся у неё обывательской книгой. Выяснилось, что из числившихся в ней 2832 домов в течение пяти лет с 1817 по 1822 г. под постой было занято только 742. Причём «одни имели оной во все пять лет, другие в продолжении трёх и двух лет, а иные один только год во всё течение пяти лет», а «произведённые в сей книге помарки отметок противу некоторых из домов, на кои даны были билеты для постоя, доказывали не только явное небрежение членов комиссии, но и самое злоупотребление» (выделено мною – *И.П.*)⁴³. В 1822 г. необходимость размещения Иркутского полка и штабов гусарской дивизии заставила комиссию составить новую обывательскую книгу, но с ней повторилась та же история: в течение 1823 – 1825 гг. никаких поправок в неё не вносилось. Дома снова оказались не разделены по классам, не были указаны и получаемые их хозяевами доходы. При этом «весьма ясно видно одно пред другим совершенное в постоем отягощение. Что же относится до 1826 и 1827 годов, то на оные книг и вовсе не имеется». Большая часть домов в городе – 1999 – вообще не обременялись постоем, а остальные несли эту повинность в совершенно непосильном размере⁴⁴.

Проанализировав представлявшиеся в губернскую Казённую палату годовые отчёты комиссии, ревизоры обнаружили, что «в 1819 году освободались от постоя лучшие из обывательских домов за самую незначительную плату». Когда в город вступили подразделения гусарской дивизии, комиссия построила цейхгауз за 4159 руб. 64 коп., а для лазарета Иркутского полка наняла помещение за 2250 руб. в год. Средства на эти нужды комиссия собирала «с разных обывателей, но какое именно

принято ею в сём случае соображение, того ни из описей долгам не видно. Словом сказать, во всяком разе видимо было одно токмо произвольное членов комиссии действие. Оно тем ощутительнее, что весьма многие из обывателей, как по тем же отчётам видно, не отправляли повинности постоя за доставление только от двух до пяти сажень дров для отопки квартир, занимающихся военными чиновниками, и все таковые действия свои в отношении к денежному сбору с обывателей Квартирная комиссия производила в совершенную противность б пункта означенных Высочайше утверждённых правил, ибо из дел бывшего Губернатора не видно ни того, чтобы на произведение сбора сего она когда либо испрашивала утверждения начальника губернии, ни даже того, чтобы по употреблении в расход собранных ею самопроизвольно денег, доставляла к нему отчёты в оных. Дома, занимавшиеся дивизионными и бригадными начальниками, командиром Иркутского гусарского полка, дивизионным адъютантом и другими, были наёмными, но кто именно из граждан нес сию повинность, в каком количестве денег и по какому расчёту, о том в делах комиссии не было никакого сведения, равным образом не видно, каким порядком с кого и сколько собрано денег на постройку фуражарских сараев, даже и тогда, как постройка оных производилась собственным распоряжением членов Квартирной комиссии и, в особенности, бывшего полицмейстера Ищекина»⁴⁵. Усердие последнего, кстати сказать, председательствовавшего в комиссии, было замечено властями и против всесильного начальника саратовской полиции завели дело. В результате расследования выяснилось, помимо прочего, что этот «проницательный человек» занимался пытками подозреваемых. Отделался он относительно легко и был назначен балашовским городничим⁴⁶.

«По всем толико важным обстоятельствам, доказывающим не токмо совершенный в действиях Квартирной комиссии беспорядок, но даже и самое злоупотребление в сборе таких сумм, которых вовсе по отчётам её не видно», А. Б. Голицын «долгом поставил предложить губернскому правлению: 1) существовавшую квартирную комиссию и всех членов её как недостойных общественной доверенности удалить от должности, чему подвергнуть и самого письмоводителя комиссии; 2) с таким закрытием действий настоящей комиссии учредить другую на точном основании Высочайше утверждённых в 25 день июня 1808 года правил, вменив в непрременную обязанность её тотчас заняться описью и приведением в известность всех домов, в городе состоящих, числа покоев в них заключающихся и доходов, хозяевами получаемого, после чего назначить каждому хозяину очередь для постоя, а затем самые дома разделить на классы». Полиции было предписано отслеживать появление новых зданий, либо исчезновение старых, а также все производимые перестройки. Основываясь на этих сведениях, комиссия должна была ежегодно вносить в обывательскую книгу соответствующие поправки»⁴⁷.

Для «точного исследования всех действий бывшей Квартирной комиссии» А. Б. Голицын предписал «учредить особую следственную комиссию, составив оную из чиновников, собственно для того самим губернатором назначенную. Комиссии сей вменить в непрременный долг строжайше исследовать и обнаружить все противозаконные действия означенной бывшей квартирной комиссии, совершавшего оные под председательством бывшего полицмейстера Ищекина, и, на сей конец, для достижения точной цели, поставить комиссии первейшую обязанность собрать от каждого хозяина дома надлежащие сведения о каждой натуральной денежной и дровяной повинности с 1821 года по распоряжению той комиссии исполненной, потому что без сего способа никак не возможно открыть всех беспорядков и злоупотреблений той комиссии». Канцелярские расходы при этом распоряжением губернатора были возложены на бывших членов Квартирной комиссии.

Итоги расследования выявили ещё большие злоупотребления. Согласно представленному А. Б. Голицыну отчёту, главные нарушения состояли в следующем: «а) вообще неуравнительный постоя и отягощение оным одного пред другим; б) освобождение от постоя многих граждан и особенно из чиновников без всяких уважительных к тому причин; в) отвод некоторым чиновникам квартир, на которые они или вовсе не имели никакого права, или хотя и имели оное, но совсем на меньшее количество комнат, нежели сколько было назначено; г) снабжение нескольких домохозяев билетами на исполнение Квартирной комиссии тогда, как по собственному сознанию их, они не несли её; д) освобождение от натурального постоя многих из лучших домов за отправления хозяевами оных совсем не значущих повинностей, как то за поставку нескольких сажень дров, за которые, впрочем, получались деньги, на отопку других квартир, занятых постоем и тому подобное; е) введение в квартирную повинность береговых лабазов, в коих складывается рыба и прочее, тогда, как повинность сия не должна была отягощать владельцев их и, тогда как, по собственному же распоряжению комиссии, лабазы сии в последствие времени освобождены от сей повинности за денежную плату; ж) вынужденное требование и даже самый сбор денег за квартирную повинность с таких купцов, мещан, кои во все домов у себя не имеют; з) освобождение двух домохозяев от постоя – одного за два ломберные стола, а другого – за несколько аршин нанки; и) вмешательство в сделки между хозяевами и квартирантами и освобождение первых от постоя за денежный платёж; и) подобны сему образом действовала Квартирная комиссия и во всех тех случаях, где только успевать могла в преобразовании натуральной повинности в денежную. Следствием сего было то, что денежного сбора, открытого действиями следственной комиссии донныне продолжающии-

мися, поступило к членам и письмоводителям Саратовской квартирной комиссии, как показывают домохозяева, более 15 тысяч рублей доселе неизвестных, кроме тех немалых сумм, кои по распоряжению той комиссии платили и самими прочими хозяевами домов частным лицам в разные в их домах и других строениях помещения и мастеровым за разные в оных исправления»⁴⁸. Схожие злоупотребления были выявлены и в деятельности квартирных комиссий Петровска, Сердобска и Аткарска⁴⁹.

Заново сформированная комиссия приступила к работе с конца 1827 г.⁵⁰ Как будто пытаясь исправить проступки своих предшественников, она с особым рвением набросилась на бывших фаворитов А. Д. Панчулидзева. Первой жертвой оказался отставной артиллерийский поручик Е. А. Тепляков, разбогатевший за время службы в эльтонской соляной экспедиции. В Саратове ему принадлежал большой двухэтажный каменный дом на Никольской улице.⁵¹ Внутри здание было отделано мрамором и уставлено великолепной мебелью. Оно-то и привлекло внимание нового губернатора А. Б. Голицына, а, с его подачи, полиции и Квартирной комиссии. За долг А. Д. Панчулидзева казне в размере 18750 руб. в 1828 г. дом был описан. К Теплякову поместили рекрутов, несколько комнат занял жандармский полковник Маслов, а верхний этаж определили под резиденцию преосвященного архиепископа Моисея. Многочисленные жалобы и ходатайства не принесли Е. А. Теплякову никакой пользы и, в конце концов, в самое Рождество ему пришлось покинуть свой особняк⁵². В том же 1828 г. за неплатёж «квадратных» денег в дом родственника первой супруги А. Д. Панчулидзева майора Гладкова были введены постоем классы военных кантонистов⁵³.

В конце 1828 г. у А. Б. Голицына состоялся обмен мнениями с Квартирной комиссией по вопросу о новой описи городских зданий. Комиссия сетовала на крайне медленное поступление средств от горожан и числящиеся на них большие недоимки. При этом и так занятые члены комиссии должны были, помимо участия в составлении описи и ежедневных заседаний, взимать с горожан покомнатный сбор на строительство казарм. В связи с этим она предложила Голицыну вернуться к положительному опыту 1825 г., когда для составления подобной описи для губернского комитета «о уравнивании городских повинностей» от каждого сословия избирались особые депутаты. Комиссия просила освободить их от служебной нагрузки и придать им в помощь уездных землемеров. Была у членов комиссии и другая цель, которую они не скрыли от губернатора. Депутаты надеялись, что «жители города, избрав из среды себя депутатов, конечно, лишены будут средств на принесение каких-либо, нередко случающихся, совершенно несправедливых жалоб о мнимом или неправильном действии при описи их домов». Губернатор одобрил предложения комиссии и

предписал привести их в исполнение. 29 января 1829 г. саратовские дворяне избрали из своей среды четырёх депутатов – по одному от каждой части города. Такие же депутаты были избраны от других сословий⁵⁴.

После ухода гусар саратовцы получили лишь относительное облегчение, так как в их домах продолжали жить всё более увеличивавшиеся в числе малолетние кантонисты. О том, что обыватели «немало обременяются» этим постоем квартирная комиссия рапортовала в губернское правление 21 июня 1828 г.⁵⁵ Нельзя сказать, что власти ничего не предпринимали для улучшения участи горожан. Вопрос о переводе кантонистов в Вольск поднимался ещё в 1821 г., но из-за бюрократических проволочек его решение затянулось на целое десятилетие. Долгожданное перемещение состоялось лишь в 1831 г.⁵⁶ Перевод этот, как вспоминал К. И. Попов, весьма «облегчил жителей <...> в несении квартирной повинности»⁵⁷. Постой в городе сократился до минимума и начало 30-х гг. стало едва ли не самым благодатным временем для комиссии. Идиллию нарушило прибытие в губернию на постоянные квартиры летом 1836 г. Конно-артиллерийского резерва под командованием генерал-лейтенанта И. К. Арнольди. В Саратове обосновались штаб воинского формирования, 1 и 6 батареи, лазарет и некоторые хозяйственные заведения. Как только комиссия столкнулась с необходимостью разместить в городе новых постояльцев, она немедленно воспроизвела едва ли не все недуги своих предшественников панчулидзевской эпохи. Уже 16 июля 1837 г. губернский предводитель дворянства С. М. Скибиневский препроводил губернатору И. М. Бибикову полученный им от уездного предводителя рапорт дворянского депутата саратовской квартирной комиссии П. Попова «о разных упущениях и беспорядках по делам сей комиссии»⁵⁸. К сожалению, сам рапорт в деле не сохранился, однако, факт его появления свидетельствует о том, что в работе комиссии далеко не всё обстояло благополучно.

15 октября 1838 г. император Николай I утвердил «Положение о постоянной повинности г. Саратова». Согласно ему, городские здания облагались 2-процентным денежным сбором с оценочной стоимости домов. 17 октября 1841 г. Саратовская квартирная комиссия обратилась к губернатору с просьбой предписать Комитету об устройстве города Саратова извещать её о выдаваемых горожанам образцах фасадов и планах на участки для постройки домов. Своё пожелание она мотивировала тем, что многие из таких застройщиков, опасаясь подвергнуться обложению двухпроцентным земельным сбором, не спешили сообщать комиссии о получении разрешения для начала работ. По этой причине она «теряет из вида своего значительное приращение процентных денег». Губернатор навёл справки в Департаменте военных поселений, который весьма оперативно,

26 декабря того же года, известил его, что плата за землю не распространяется на пустопорожние места и может взиматься лишь «со времени начатия фундамента»⁵⁹.

В начале 40-х гг. военное ведомство подняло вопрос о переводе управления 5-го округа внутренней стражи из перегруженного постоем Тамбова в имевший в полтора раза больше дворов Саратов. На соответствующий запрос из Министерства внутренних дел саратовский губернатор А. М. Фадеев 8 декабря 1842 г. отвечал, что это перемещение, по причине квартирования Конно-артиллерийского резерва и оскудения горожан «от бывших неурожаев и уменьшившихся торговых оборотов», будет для Саратова «весьма обременительным». Однако Николай I рассудил, что Тамбовская губерния пострадала от неурожаев гораздо больше, чем и положил конец спорам⁶⁰. В 1843 г. в Саратов прибыли чины окружного управления.

Злоупотребления, имевшие место в Квартирной комиссии с первых лет её существования, не прекратились и в последующие годы. Достаточно типичным примером корыстного использования служебного положения является дело титулярного советника П. И. Вандышева. В 1844–1845 гг., занимая пост саратовского полицмейстера, он, в соответствии со своим статусом, председательствовал в комиссии и «принимал с обывательских домов деньги как член и казначей». Когда во время 5-го частного набора потребовались квартиры для сводившихся в город рекрутов, П. И. Вандышев разместил часть из них в принадлежавшем ему здании за весьма солидную сумму, «тогда как чрез наём такового в других частных домах за постой взята была бы дешевлея цена»⁶¹.

На многих зданиях г. Саратова в начале 50-х гг. накопились значительные недоимки. Среди должников оказался и дом дворянского собрания, в 1853–1854 гг. задолжавший Квартирной комиссии 2 тыс. руб. Денег на уплату не было и, с разрешения губернатора, необходимые средства изыскивали из остатков сумм земских повинностей⁶².

В конце 40-х гг. XIX столетия на финишную прямую вышел тянувшийся с конца XVIII в. вопрос о сооружении в Саратове казарменных помещений для местного гарнизонного батальона. Решение об их строительстве было принято горожанами ещё в 1805 г. В течение полувека дело почти не продвинулось, чему, не в последнюю очередь, способствовал особый интерес к казарменному капиталу, который не раз проявляли некоторые представители местного руководства. Насущная необходимость скорейшего перевода нижних чинов батальона в отдельное здание со всей очевидностью проявилась в ходе расследования шумевшего дела о ритуальных убийствах двух мальчиков. К разбирательству в качестве обвиняемых были привлечены несколько служащих саратовского гарнизона иудейского вероисповеда-

ния. Тотальная ревизия, проведённая военными властями в 1853 г., выявила поразительные факты. Выяснилось, что гарнизонные солдаты, проживавшие в домах обывателей, имели возможность спокойно разгуливать по городу и ночевать, где им было угодно⁶³. Очевидно, что одной из причин нарушения дисциплины являлся рассредоточенный порядок квартирования нижних чинов, при котором «присмотр за людьми решительно неудобен»⁶⁴. Из «соображения» Квартирной комиссии по поводу найма для гарнизонного батальона помещений на 1852 г. следует, что его военнослужащие размещались в пяти домах, часть которых находились в плачевном состоянии. Вопреки пожеланию командира батальона полковника А. Ф. Пастунова нанять ещё три здания, сложившийся порядок постоя остался без изменений. Батальону пришлось, «хотя и тесно», поместиться в нанятых комиссией домах⁶⁵. Однако в том же году вопрос о строительстве казарм наконец-то сдвинулся с мёртвой точки. В кратчайшие сроки на западной окраине города были возведены три обширных корпуса, в которых осенью 1856 г. разместились внутренний гарнизонный батальон⁶⁶.

Постройкой специальных помещений для местного гарнизона проблему воинского постоя предполагалось решить раз и навсегда. Но ещё до их ввода в эксплуатацию внешние обстоятельства изменились – в Саратов «неожиданно» прибыли регулярные части 6-го армейского корпуса. Вопреки установленному порядку, когда деньги квартирной комиссии употреблялись на размещение подразделений Отдельного корпуса внутренней стражи, в 1856 г. губернское начальство предписало ей оплатить наём квартир прибывшим в город полевым частям. Такие расходы городу пришлось нести и в последующие годы⁶⁷. Между тем Квартирная комиссия, согласно отчёту губернатора за 1858 г., и так уже несколько лет неизменно «оставалась в долгу». К концу этого года он достиг почти астрономической суммы в 90 тыс. руб. Прежние размеры оценочного сбора, взимавшегося с недвижимого имущества горожан, были уже совершенно недостаточны. Его масштабная переоценка, законченная в 1855 г., не принесла ощутимого улучшения ситуации⁶⁸. Губернатор рассматривал чрезвычайные меры для выхода из положения⁶⁹. На огромную недоимку по квартирным сборам в размере более 51 тыс. руб., а также фантастический долг комиссии перед местными учреждениями – свыше 140 тысяч, в 1862 г. министр внутренних дел просил обратить внимание император Александр II⁷⁰. Возведение казарм не улучшило положения города, так как «расход квартирной казны значительно увеличился ... чрез отопление и освещение зданий» и «непомещение» в них всех заведений и чинов батальона. Для них приходилось нанимать отдельные покои в частных домах⁷¹. К моменту ликвидации Квартирной комиссии в начале 1872 г. её долг достиг 147130 руб. 42 ½ коп. Дела упразднённого органа

были переданы городской управе. Ознакомившись с результатами деятельности комиссии, городской голова, опираясь на положения «Устава о земских повинностях» 1851 г., обратился к губернатору с просьбой начать с 1873 г. ассигнование сумм на наём воинских помещений из взимавшегося с жителей всей губернии земского сбора. Помимо этого город настаивал на возврате всех переплаченных Квартирной комиссией денег, что за период с 1856 г. составляло более 170 тыс. руб. Сознавая нереальность осуществления подобного пожелания, город просил, по крайней мере, впредь засчитывать ежегодно отпускаемую городом сумму на наём воинских помещений в размере 23615 руб. 39 $\frac{3}{4}$ коп., а также одну треть из требуемых к возврату 179 тысяч в счёт его доли по выплатам так называемой «железнодорожной гарантии»⁷².

С середины 50-х гг. XIX в. Саратовская губерния становится одним из крупнейших военных центров Поволжья. Возросшее значение региона весьма наглядно характеризует неосуществившееся намерение военного министра Д. А. Милютин разместить в Саратове штаб Нижневолжского военного округа. Вплоть до революции 1917 г. в крае постоянно квартировали значительные по численности воинские контингенты, основная часть которых размещалась в его административной столице. В этих условиях давний вопрос военного постоя приобрёл новое значение и, по воспоминаниям бывшего много лет гласным городской думы И. Я. Славина, занимал в её деятельности «одно из первых и важных мест»⁷³.

История Саратовской Квартирной комиссии наглядно демонстрирует несовершенство существовавших в России XIX столетия механизмов решения проблем военного постоя. В начале века повсеместное учреждение комиссий дало лишь кратковременный положительный эффект. За более чем шесть десятилетий своего функционирования квартирные комиссии не сумели в полной мере решить поставленную перед ними задачу уравнивания постоянной повинности. Содержа в себе признаки представительного сословного органа, комиссии возглавлялись местными полицмейстерами – главными агентами правительства в городах империи. Целиком в руках официальных властей находились и реальные рычаги претворения в жизнь решений квартирных комиссий. Постоянное, далеко не всегда законное и компетентное, вмешательство губернской администрации в их деятельность, часто с сиюминутными целями, делало членов комиссий статистами, послушно исполнявшими повеления вышестоящих инстанций. С первых лет своего существования в работе комиссий постоянно обнаруживались вопиющие злоупотребления, в полной мере отражавшие реальное положение дел в губернских органах власти, поражённых всепроникающей коррупцией. В конечном счёте, их пагубная политика привела к фактическому

банкротству города, оказавшемуся неспособным удовлетворять все потребности квартирующих войск. Исправлять ситуацию пришлось уже новым органам городского самоуправления, созданным в ходе Великих реформ.

Примечания

- ¹ В данной статье автор ограничивается рассмотрением исключительно военного постоя, учитывая, что в так называемой «квартирной повинности» именно военный постоя занимал основное место.
- ² См.: *Лапин В. В.* Постоянная повинность в России // Английская набережная, 4: Ежегодник Санкт-Петербургского научного общества историков и архивистов. СПб., 2000; *Карпущенко С. В.* Как оберегали армию // Быт русской армии XVIII – начала XX века. М., 1999.
- ³ У В. В. Лапина ошибочно назван 1807 г. (см.: *Лапин В. В.* Указ. соч. С. 139).
- ⁴ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ I). СПб., 1830. Т. XXX, № 23114; ГАСО. Ф. 3, оп. 1, д. 459, л. 107 об.–108 об.; д. 497, л. 32–34 об.
- ⁵ ПСЗ I. Т. XXX. № 23114.
- ⁶ ГАСО. Ф. 3, оп. 1, д. 464, л. 1–3, 5.
- ⁷ Там же. Л. 6–7.
- ⁸ Там же. Д. 474, л. 2; д. 699, л. 1, 7 об.
- ⁹ Там же. Д. 606, л. 1; д. 924, л. 2.
- ¹⁰ Там же. Д. 482, л. 2.
- ¹¹ Там же. Д. 414, л. 1 – 1 об.; д. 474, л. 1, 8 об.
- ¹² Там же. Д. 561, л. 199 – 199 об., л. 265 – 265 об.; д. 606, л. 1 – 4; д. 699, л. 4, 8 – 8 об. Через два года к трём квартирмейстерам добавился ещё один (Там же. Д. 699, л. 8 об.).
- ¹³ Там же. Д. 699, л. 7 – 8 об.; д. 746, л. 1а – 1а об.; д. 911, л. 1 – 3; д. 893, л. 21.
- ¹⁴ Сборные избы – помещения для производства сборов и занятий с нижними чинами; обычно, ротные или эскадронные.
- ¹⁵ ГАСО. Ф. 3, оп. 1, д. 460, л. 83 – 83 об.
- ¹⁶ Там же. Л. 83 об.
- ¹⁷ Там же. Д. 561, л. 266 об.
- ¹⁸ Гауптвахта – помещение для военных арестантов.
- ¹⁹ Караульные избы – помещения для отдыха и укрытия в холодное или ненастное время воинских чинов, определяемых в ежедневные городские караулы.
- ²⁰ Цейхгауз – помещение для хранения оружия, амуниции и боеприпасов.
- ²¹ ГАСО. Ф. 3, оп. 1, д. 461, л. 432 об. – 433.
- ²² Там же. Д. 571, л. 8.
- ²³ Кантонисты – солдатские дети, обучавшиеся в военносиротских отделениях и, по достижению совершеннолетия, определявшиеся в армию.
- ²⁴ В 1807 г. – 300, в 1811 г. – 520, в 1813 г. – 700 чел. и т. д. (ГАСО. Ф. 3, оп. 1, д. 436, л. 1; д. 627, л. 403; д. 725, л. 401 об.; *Плешаков И. Н.* Военное образование в российской провинции во второй половине XVIII – начале XX вв. (По материалам Саратовской губернии) // При-

- хопёрье и Саратовский край в панораме веков: Материалы XIII историко-краеведческой конференции 21 ноября 2003 г. Балашов, 2004. С. 35).
- ²⁵ Скопин Н. Г. Записки дневные о делах и вещах достопамятных протоиерея Николая Герасимовича Скопина // Саратовский исторический сборник, издаваемый Саратовской учёной архивной комиссией в память трёхсотлетия города Саратова / Под ред. В. П. Соколова. Саратов, 1891. Т. 1. С. 473.
- ²⁶ ГАСО. Ф. 3, оп. 1, д. 819, л. 5–9 об.; д. 904, л. 2–6.
- ²⁷ Оба отстранялись от должностей за злоупотребления служебным положением в своекорыстных целях.
- ²⁸ ГАСО. Ф. 3, оп. 1, д. 709, л. 75–75 об.
- ²⁹ Имеются документальные подтверждения, что помимо отвода и найма зданий комиссия практиковала выплаты денежных сумм чиновникам, имевшим право на отвод квартиры (см.: ГАСО. Ф. 407, оп. 1, д. 1774).
- ³⁰ ГАСО. Ф. 3, оп. 1, д. 1079, л. 12.
- ³¹ Внук отставного саратовского пятидесятника, которого Е. И. Пугачёв в 1774 г. назначил атаманом города, Иван Уфимцев нередко делегировался купеческим обществом в качестве депутата в различные комиссии. В 1812 г. он, по поручению города, покупал лошадей для формировавшегося 2-го егерского Воронежского полка (см.: ГАСО. Ф. 3, оп. 1, д. 687, л. 203 об. – 205).
- ³² Там же. Д. 1079, л. 12–13.
- ³³ Выходы – подвалы, используемые в хозяйственных целях.
- ³⁴ Бывший городской голова О. Ф. Горбунов.
- ³⁵ Речь идёт либо об Афанасии Ивановиче, либо о Егоре Игнатьевиче Жижине. Оба торговали «железом, виноградными винами и фруктами оптом и подробно» (ГАСО. Ф. 3, оп. 1, д. 1242, л. 1, 4 об.).
- ³⁶ Имеется в виду кто-то из братьев Жеребиных, Иван или Матвей Ефимовичи, торговавшие овощами, винами и различными «мускательными» товарами (Там же. Л. 3).
- ³⁷ Павел Петрович Жамбони торговал «европейскими винами и прочими фруктами, сахаром и чаем подробно» (Там же. Л. 6 об.).
- ³⁸ ГАСО. Ф. 3, оп. 1, д. 1079, Л. 1–3 об. Некоторые из фигурировавших в списке фамилий присутствуют в перечне «первенствующих купцов» города в воспоминаниях местного старожила (см.: Попов К. И. Записки о Саратове // Саратовский край. Исторические очерки, воспоминания, материалы. Саратов, 1893. Вып. 1. С. 160).
- ³⁹ ГАСО. Ф. 3, оп. 1, д. 1079, л. 1–1 об., 3 об. – 4.
- ⁴⁰ Там же. Ф. 407, оп. 2, д. 1752, л. 1 об. Подробно об этом см.: ГАСО. Ф. 3, оп. 1, д. 1176, л. 531–532; д. 1176 А, л. 434–435 об.
- ⁴¹ Попов К. И. Указ. соч. С. 176.
- ⁴² Юрьев В. П. Саратовская старина. Губернаторство князя А. Б. Голицына // Саратовский листок. 1911. 30 августа.
- ⁴³ ГАСО. Ф. 2, оп. 1, д. 12265, л. 21 об. – 23 об. Здесь и далее см. также: Ф. 3, оп. 1, д. 1411, л. 135–139, 155–164.
- ⁴⁴ Там же. Ф. 2, оп. 1, д. 12265, л. 24–24 об.
- ⁴⁵ Там же. Л. 25–26 об.
- ⁴⁶ Там же. Л. 26 об. – 28.
- ⁴⁷ Саратовский дворянин и бывший артиллерист Василий Кондратьевич Ищекин являлся участником Отечественной войны 1812 г. и заграничного похода. В 1813 г. за отличие он был награждён орденом Георгия 4-й степ. Саратовский старожил К. И. Попов характеризовал его как «бойкого и сметливого человека» (см.: Попов К. И. Указ. соч. С. 163–164, 173).
- ⁴⁸ ГАСО. Ф. 2, оп. 1, д. 12265, л. 28 об. – 30.
- ⁴⁹ Там же. Л. 30 об. – 32.
- ⁵⁰ Там же. Ф. 179, оп. 1, д. 325, Л. 1.
- ⁵¹ Ныне – ул. Радищева.
- ⁵² Там же. Ф. 407, оп. 1, д. 2914, л. 1–4; *Герасимов А. А.* Первая квартира Саратовских епископов // Труды Саратовской учёной архивной комиссии. Саратов, 1916. Вып. 30. С. 19–20.
- ⁵³ ГАСО. Ф. 2, оп. 1, д. 659, л. 5 об.
- ⁵⁴ Там же. Ф. 179, оп. 1, д. 381, л. 3 об. – 5, 7, 16 – 16 об.
- ⁵⁵ Там же. Ф. 2, оп. 1, д. 707, Л. 3.
- ⁵⁶ Плешаков И. Н. Военное образование ... С. 35.
- ⁵⁷ Попов К. И. Указ. соч. С. 220.
- ⁵⁸ ГАСО. Ф. 179, оп. 1, д. 627, л. 1.
- ⁵⁹ Там же. Ф. 602, оп. 1, д. 14, л. 1–7.
- ⁶⁰ Штутман С. М. На страже тишины и спокойствия: из истории внутренних войск России (1811–1917 гг.) М., 2000. С. 249–250.
- ⁶¹ ГАСО. Ф. 2, оп. 1, д. 2546, л. 18, 56.
- ⁶² Там же. Ф. 19, оп. 1, д. 1300, л. 311.
- ⁶³ См.: *Левенсон П.* Памяти старого суда. Саратовское дело об убийстве двух мальчиков // Журнал гражданского и уголовного права. 1880. Кн. 4. С. 20–21; *Трибус М.* Ритуальные процессы дореформенного русского суда // Еврейская старина. 1912. Т. 5, вып. 3. С. 254; *Замысловский Г. Г.* Умученные от жидов. «Саратовское дело»: По актам Государственного совета. СПб., 1914; См. также: ГАСО. Ф. 1221, оп. 1, д. 626.
- ⁶⁴ К. Д. О постройке казарм для войск // Инженерный журнал. 1882. № 1. Отд. II. С. 1.
- ⁶⁵ ГАСО. Ф. 131, оп. 1, д. 264, л. 4–4 об., 26–27 об., 40 об.
- ⁶⁶ Плешаков И. Н. Из истории военного постоя в России: «Старые казармы» в Саратове // Военно-исторические исследования в Поволжье. Вып. 8. [В печати.]
- ⁶⁷ Саратовский справочный листок. 1872. 28 марта.
- ⁶⁸ ГАСО. Ф. 131, оп. 1, д. 367, л. 1–4 об.; ф. 620, оп. 1, д. 566, л. 15–15 об.
- ⁶⁹ Там же. Ф. 1, оп. 1, д. 1408, л. 49–50 об.; ф. 131, оп. 1, д. 389, л. 13 об.
- ⁷⁰ Там же. Ф. 131, оп. 1, д. 389, л. 250.
- ⁷¹ Там же. Уже в ноябре 1856 г. Квартирной комиссии пришлось взять в долг из Приказа общественного призрения 1000 руб., необходимых на освещение и отопление казарм (см.: ГАСО. Ф. 620, оп. 1, л. 446, л. 8).
- ⁷² Саратовский справочный листок. 1872. 23 марта. В 60-е гг. город оказался причастен к строительству Саратово-Тамбовской железной дороги.
- ⁷³ *Славин И. Я.* Минувшее – пережитое; Воспоминания // Волга. 1998. № 11–12. С. 136.

КУЛЬТУРА РОССИИ XIX ВЕКА

УДК 93/99 (093) 44 «18»

РУССКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ГЛАЗАМИ ФРАНЦУЗСКИХ МЕМУАРИСТОВ (первая четверть XIX века)

О.В. Новичкова

Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: ohanam@mail.ru

В статье на основе воспоминаний французов, посетивших Россию в первой четверти XIX века, рассматривается их восприятие русского национального характера. Формирование представлений иностранцев о русском характере проанализировано с учетом ряда факторов, обусловивших позиции авторов. В работе отмечены наиболее характерные черты, присущие русскому человеку, отражена их взаимосвязь с уже устоявшимися стереотипами.

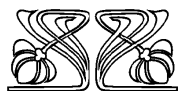
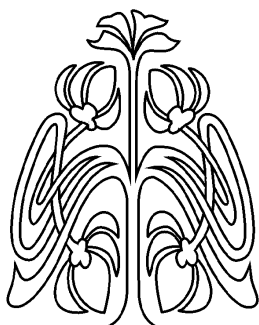
Russian National Character Viewed by the French Memoirists (the first quarter of the XIXth century)

O.V. Novichkova

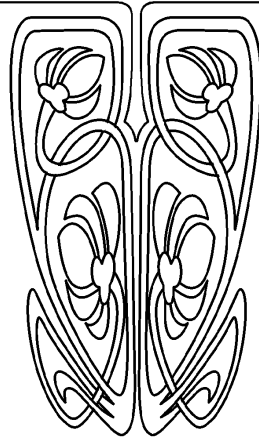
The article deals with the perception of Russian national character by the French who visited this country in the first quarter of the XIX-th century. The issue is analyzed on the basis the French memoirs. The formation of Frenchmen's idea of the Russian people is studied in consideration with various factors which influenced the perception. The most characteristic features are marked and their correlation with stereotypes of the previous periods is observed.

Первая четверть XIX века – время напряженных внешнеполитических отношений между Россией и Францией и период интенсивных массовых контактов представителей двух стран. Множество французов побывали в России в 1801–1825 годах, чему немало способствовали события 1812 г.¹ Нахождение в чужой стране стало для французов мощным источником переживаний и размышлений и явилось побудительным мотивом для написания ими писем, дневников и воспоминаний. Привлеченные нами для написания статьи французские мемуары содержат богатый материал о различных сторонах российской жизни и отражают восприятие экономических, социально-политических и культурных феноменов нашей страны представителями другой системы ценностей, обладателями иного исторического опыта.

Наряду с такими популярными сюжетами, как столичная жизнь, проблемы деспотизма и крепостного права, быт и нравы основных российских сословий, значительное место в воспоминаниях французов занимают наблюдения за характером русских людей. Степень интереса, проявленная авторами к этому вопросу, была различной. Необходимо отметить, что большинство из них не рассматривали русский характер как самостоятельное явление. Они фиксировали те или иные его черты по ходу повествования, в контексте различных жизненных ситуаций, отмечали особенности, присущие представителям основных российских сословий². Хотя были и те, кто попытался представить в своих сочинениях целостный образ русского национального характера, как, например, французская писательница Жермена де Сталь и военный врач наполеоновской армии Раймон Фор³. Обычаи, привычки, вкусы, предрассудки, нормы общения, по-своему отразившиеся в поведении отдельного человека, позволили некоторым авторам за многообразием

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

индивидуальных особенностей разглядеть нечто общее, присущее русскому народу в целом, определить те черты, которые составляли русский национальный характер.

Отмеченные в русском народе качества французы оценивали в категориях «плохой–хороший», «варварский–цивилизованный», «восточный–европейский». Склонность выделять как наиболее значимые те или иные качества в народе зависела от многих обстоятельств. Здесь имели значение и условия, и цели пребывания в стране, и загруженность сознания устоявшимися стереотипами, и приверженность каким-либо концепциям при написании сочинений. Последнее обстоятельство наиболее ярко проявилось в работах Жермены де Сталь и Раймона Фора.

В сочинении Жермены де Сталь практически отсутствуют негативные оценки и резкие замечания в отношении русского народа. Оказавшись в России в переломный в истории страны момент, изгнанница стремилась найти здесь силу, способную противостоять Наполеону. Свою принципиальную позицию она сформулировала в следующих словах: «В роковую пору, когда я оказалась в России, нация эта обнаруживала исключительно энергию сопротивления и готовность к самопожертвованию, а при виде подобных жертв кажется почти невозможным обращать внимание на то, что в другие времена могло бы вызвать нареkania»⁴. Соответственно, даже понятие «варварство» получило в ее книге положительную трактовку, и понималось писательницей как «животворная молодость нации»⁵. Она писала: «К счастью для русских, они по-прежнему остались народом, который мы именуем варварским, иначе говоря, ими движет инстинкт – подчас благородный, всегда невольный и предполагающий раздумья при выборе средств, но не при рассмотрении цели; я сказала «к счастью для русских» не потому, что намерена восхвалять варварство, но потому, что под этим словом я разумею некую первобытную энергию, которая одна способна заменять нациям удивительную мощь, даруемую свободой»⁶.

Раймон Фор, поставив цель заклеить деспотическое правление и рабство, акцентировал внимание читателей почти исключительно на проявлениях негативных черт русского характера. В трактовке «варварства» этот автор, как и большинство других, не давших четкого определения этому понятию, близок Массону, который сформулировал свою мысль следующим образом: «Варварство выражается в грубости нравов, в оскорбительном презрении к людям вообще, в равнодушии ко всякому усовершенствованию, в незнании социальных отношений, в наглой надменности, низости, непристойности, в отсутствии общественности и патриотизма, а главное, – в отсутствии той чести, которая подчас заменяет честность и даже добродетель»⁷.

Обращая внимание читателя на те ли иные черты характера русского человека, некоторые

авторы пытались разобраться в причинах, повлиявших на их формирование. В этой связи они рассматривали как климатические факторы, так и социально-политические. Популярная в XVIII веке теория географического детерминизма, выдвинутая Монтескье, нашла свое отражение в оценках Жермены де Сталь. Писательница пытается выяснить, как географические особенности страны определяют черты национального характера; стремится увидеть и отделить исконно присущие русскому человеку качества – те, что составляют «его силу и самобытность», – от наносного влияния цивилизации: «подобно тому, как порой две реки текут рядом, не смешивая свои воды, природа и цивилизация у русских существует раздельно, отчего один и тот же человек предстает перед вами, смотря по обстоятельствам, то европейцем, действующим, кажется, лишь в согласии с законами общества, то славянином, слушающим голоса лишь самых неистовых страстей»⁸. Она пытается определить место русских среди северных и южных народов и приходит к заключению, что, соединив в себе черты и тех и других, русские все же имеют больше сходства с народами Юга, или, скорее, с азиатами, нежели с народами Севера: «Придворные манеры у них, как и всех прочих наций, европейские, характер же восточный»⁹. Именно смешение европейской цивилизации и азиатского характера, по убеждению писательницы, стало причиной того, что русской нации «присущи свойства самые противоположные». В этом Сталь видит силу народа, залог его великих деяний: «Характер его соединяет в себе контрасты самые разительные, предвещающие великие свершения, ибо противоположными качествами обладают, как правило, лишь существа выдающиеся; толпа в большинстве своем однообразна»¹⁰. Основным же фактором, везде и всюду искажающим национальный характер, де Сталь называет политические распри. Он с особой силой проявился в России, поскольку ее история «представляет нам череду преступлений, сначала возвышающих властителей, а затем низвергающих их с престола...»¹¹.

Другой французский автор – Фор – тоже время от времени обращается к климатической теории для объяснения природных физических и психических свойств русского человека, предопределявших многие качества его характера. Однако именно деспотическое правление и крепостное право рассматривает Фор в качестве основных факторов, наложивших отпечаток на характер русского народа. Можно сказать, что замечания о природных задатках русского человека необходимы автору, чтобы ярче оттенить искажающее воздействие на них российских общественно-политических установлений. В русской действительности французы нашли множество подтверждений мысли просветителей о том, что рабство дурно по самой своей природе, «от него нет пользы ни рабу, ни господину»¹². Крепостное

право отняло у русских крестьян возможность распоряжаться своей судьбой и делать все, чтобы ее улучшить.

Большинство же французов в своих сочинениях лишь констатируют наличие у русских тех или иных черт характера, выносят им свою оценку, не углубляясь, однако, в рассуждения о причинах. Порой они тоже обращаются к просветительским идеям для обоснования своих умозаключений, однако намного реже и менее последовательно, чем Фор.

Среди качеств, в наибольшей степени присущих русскому народу, французы называют лень. Именно ленью они объясняли многое в укладе русской жизни. Она заставляла людей довольствоваться малым и сводила нравы к чрезвычайной простоте. Домашний быт русского крестьянина был наглядным тому подтверждением: иностранцы отмечали его крайнюю примитивность. Все предметы несли на себе отпечаток лени, которая превратилась в привычный способ существования.

Не менее ярко, чем в домашнем хозяйстве, лень проявилась в отношении русского человека к работе. Все делалось наспех, спустя рукава. В доказательство Фор приводит многочисленные увиденные им эпизоды из крестьянской жизни, как, например, следующий: «Я видел, как крепостной столяр работает на своего хозяина; у него не было верстака; при каждом движении рубанка, доска его (верстак) заменяющая, падала, поскольку ножки, поддерживающие ее, были плохо закреплены. Он ее поднимал, поправлял ножки и продолжал – доска снова падала. Он повторял эту бесполезную процедуру в течение восьми дней: его собственный верстак находился у него в доме, на расстоянии пятидесяти шагов»¹³. Фор не единственный, кто отмечал, что работа не слишком занимает русского человека. «Я больше не видел страны, где бы население показалось бы мне более праздным. Мне казалось, что повсюду и всегда было воскресенье» – вспоминает французский путешественник Эдуард де Монтюле¹⁴. По наблюдению иностранцев, русский знал – чтобы жить, нужно есть, и работал ровно столько, сколько было необходимо, чтобы прокормиться¹⁵.

Необходимо заметить, что Фор, посвятивший не одну страницу в своей книге русской лени, не считал это качество свойственным человеку от природы. Автор полагал, что климат и обусловленный его влиянием темперамент («флегматический с оттенком сангвинического») и конституция («не отличается дородностью») русского человека предполагают его активность¹⁶.

Губительное воздействие на естественные человеческие свойства оказало крепостное состояние. Оно сделало людей равнодушными к богатству и лишило их тщеславия, по мысли просветителей, – мощного стимула развития общества, предопределив тем самым крайне примитивное существование. Монтескье писал, что тщеславие служит для правительства настоль-

ко же полезной пружиной, насколько гордость – опасной. «Достаточно только представить себе, с одной стороны, бесчисленные блага, вытекающие из тщеславия: отсюда рождаются роскошь, промышленность, искусство, моды, вежливость, вкус, <...> труд – следствия тщеславия»¹⁷. Это положение было воспринято и применено к российской действительности наблюдателями XVIII, а затем и XIX веков.

Помимо лени еще одной наиболее характерной чертой русского народа, вслед за своими предшественниками, авторы XIX столетия называют пьянство. Они уверены, что во всем свете не найдется другого народа, который бы так сильно любил спиртные напитки, как русский¹⁸. «Русский крестьянин, чрезвычайно умеренный в пище, удивительно несдержан в питье», – пишет режиссер французских театров Арман Домерг¹⁹. Фор был убежден в отупляющем воздействии неумеренного потребления водки, что, по его мнению, наглядно проявлялось в самой манере питья. Он сравнивал то, что он видел, с аналогичными традициями своей страны: во Франции пили, растягивая удовольствие, в России же крестьянин заходил в кабак, требовал водки, выпивал и через десять минут сваливался под стол. К тому же пили в любой ситуации, в любое время дня и ночи: «Он пьет ее во всех случаях своей жизни и во все часы дня. Если он рад и весел, он отправляется выпить, чтобы еще более усилить свою радость. Если он чем-то опечален или впал в тоску, он пьет, дабы найти утешение. Даже когда его приговаривают к порке, он считает величайшим несчастьем для себя, если ему не удастся утопить свое горе в глотке водки»²⁰. Какое бы срочное дело ни было у крестьянина, если он хочет напиться, он пьет, пока не упадет. Фор, дабы читатель смог лучше понять до чего доходит пагубная страсть русских, описывает следующий случай: «У одной дамы, у которой я гостил некоторое время, необходимо было накануне специально предупредить кучера, чтобы он назавтра не напивался, поскольку может понадобиться»²¹.

Большинство рассматриваемых авторов без удивления констатировали наличие пагубного пристрастия у русских. Для многих из них оно было логичным подтверждением низкого морально-нравственного уровня основной части населения страны и вполне соответствовало образу дикого народа. Мадам де Сталь, хотя и признавала пьянство русских, что отличало их от народов Юга, весьма воздержанных, все же оговаривалась, что «в военное время русские тоже способны на воздержание, каковому предаются с постоянством почти невероятным»²².

Однако как вышеупомянутые авторы, так и некоторые другие признавали усугубляющее влияние крепостного состояния на эту привычку русских. Оно оставило человеку так мало радостей в жизни, что пьянство становилось чуть ли не единственным средством, способным вызвать

сильные эмоции, внести некоторое разнообразие в ощущение жизни. В нем человек видел способ ухода от действительности, когда снижалась чувствительность как к физической – «он не чувствует более боли от ударов» – так и к душевной боли, – «что позволяет забыть о своем рабском состоянии». ²³ Фор пишет, что русскому алкоголь необходим, чтобы возбудить воображение и ум и чтобы в его голове зародились приятные мысли о самом себе ²⁴.

Еще одна черта характера, которую традиционно приписывали русскому человеку, – вороватость. Так, в частности, у Массона читаем, что «ни один другой народ на земле не имеет подобной естественной склонности присваивать чужое имущество...» ²⁵. Авторы XIX столетия, в свою очередь, обращаясь к этой особенности русского, подтверждают сложившийся стереотип. Русский тащит все, что подвернется под руку. Воровство как распространенное в России явление отметил Монтюле. Он писал, что в России нет убийц, но можно встретить множество мелких воришек ²⁶. И все же лень, по мнению Фора, проявляется и здесь: русский не способен к воровству, требующему приготовления, комбинаций, хитрости и активной деятельности. Русские вообще несравненно более способны в том, что требует неактивного постоянства, чем в деятельности, в которой необходима целенаправленная активность ²⁷. Интересно, как объясняет это Фор: он считает, что вороватость является логическим продолжением пороков, о которых речь шла выше. Поскольку русский не хочет работать, но хочет пить, ему ничего не остается как быть вором. И он таковым является.

К традиционным представлениям о русских людях относятся и описания их жестокости, особенно многочисленные в воспоминаниях военнопленных. «Это мстительные и жестокие люди, находясь среди них, мы подвергались самой серьезной опасности» ²⁸. Военные мемуары пестрят упоминаниями о проявлениях неприязни и бесчеловечного отношения к себе, а также к раненым со стороны местного населения ²⁹.

Мадам де Сталь, напротив, увидела в поведении русского человека много мягкости и изысканности, которой не заметила у других народов: «Ни один русский кучер не пройдет мимо женщины, какого бы возраста она ни была и к какому бы сословию ни принадлежала, не поклонившись ей, женщина же отвечает ему кивком головы, неизменно исполненным благородства и учтивости...». Не будучи лично свидетелем жестокости русских людей, Сталь обращается к историческим примерам. В страшных злодеяниях, коими изобилует история России, она склонна была винить не столько саму нацию, сколько бояр, развращенных деспотической властью, которой они служили орудием, либо опорой ³⁰. Писательница признает, что в порыве страсти русские люди могут быть страшны, и объясняет это необразованностью людей, которые не умеют укрощать свою ярость ³¹.

Невежество, в котором пребывает все крестьянское сословие, отметили практически все французы, побывавшие в России. «Умственный кругозор подобных существ ограничен», – читаем, например, у маркиза Пасторе ³². Следствием невежества мемуаристы считали излишнюю набожность русского крестьянина и суеверность. Вера в бога русских людей трактовалась французами как некая врожденная и непоколебимая идея, на истинное понимание которой эти «полудикари» были неспособны, а потому придавали чрезмерное значение соблюдению обрядов, описания которых время от времени встречаются на страницах иностранных сочинений ³³. Признавая религиозность русских, г-жа де Сталь, в отличие от большинства наблюдателей, не считала ее печальным следствием их непросвещенности, напротив, она рассматривала ее как наглядное проявление нравственной чистоты народа.

О невежестве, а также о беспечности русских свидетельствует присущий им фатализм, «схожий с фатализмом восточных стран, свойственный вообще всем народам, не вышедшим из некультурного состояния» ³⁴. Вера русских в предрешенность судьбы проявилась в языке, что и отметили иностранные наблюдатели. Так, они обратили внимание на распространенное выражение «Чему быть, того не миновать», которое для европейцев означало нежелание человека думать и решать самостоятельно, нести ответственность за свои поступки. Как пишет Фор, выражения «Бог знает» и «Господь знает» прекрасно сочетаются с милым русскому сердцу ничегонеделанием и являются тем аргументом, который легко разрешает все сомнения и трудности. «Не бойтесь», – говорит вам крестьянин при всяком случае не для того, чтобы вы не испытывали страха, а чтобы вы следовали его примеру – не думали ³⁵.

Единодушно признавая малую образованность русского крестьянина, авторы расходились в оценке его умственных способностей. Так, согласно мнению Фора, русский народ не менее ленив умственно, чем физически. Автор убежден – то, как человек выглядит, в большей степени зависит от его душевного состояния, чем от черт внешности. Облик русского человека для француза свидетельствует о том, что внутри него ничего не происходит, что мысли его не тревожат. Его взгляд – пассивный и неопределенный; он безразличен к тому, что происходит вокруг.

Противоположное суждение высказывает Монтюле. На страницах его воспоминаний русский мужик предстает активным и любознательным. Монтюле пишет, что среди бурлящего водоворота, который его окружал, он всегда видел лишь остроумных и подвижных людей. По словам путешественника, на протяжении всей своей поездки он не нашел ни одного бестолкового человека. Лишь однажды наконец-таки он встретил почтальона, как ему показалось, с глупейшей физиономией, и обратился к нему со

многими вопросами – все ответы, однако, были отменно умны³⁶. Подтверждение слов Монтюле об остроумии русского человека мы находим в воспоминаниях другого француза – Домерга, где он приводит свой диалог с русским мужиком, состоявшийся летом 1812 г., в период наступления французов. Отвечая на вопрос о причине начавшихся и длившихся вот уже несколько дней пожаров, крестьянин сказал с выражением глуповатой злобы, что огонь – это ожидание русскими Наполеона и французских солдат, которые хотят занять зимние квартиры в Москве. Поскольку мороз уже начинал ощущаться, они жгли свои дома. Домерга впечатлило то, что такие слова исходили от простого крестьянина³⁷.

Ум русского человека проявлялся в изворотливости и хитрости, что было неизбежно при существовании в условиях постоянно ограниченных средств и возможностей. «Если вы добавили или заменили веревку, ремень или какую-либо мелочь, вы платите тому, кто к вам явится и объявит цену, однако, вскоре приходит второй, и оказывается, что это была его работа, а первого уж и след простыл»³⁸.

С умственным и творческим потенциалом русского человека связывается его способность к подражанию – качество, подмеченное иностранными авторами в XVIII веке. Тогда оно оценивалось в основном отрицательно – как признак несамостоятельности³⁹. Со временем мнения разделились. Некоторые наблюдатели продолжают тенденцию предшествующего столетия в оценке этого свойства и Фор в том числе. Он признает, что русские ремесленники умело копируют произведения иностранных мастеров, изящные вещи, однако подчеркивает, что их работы поверхностны, в них не стоит искать качеств оригинала⁴⁰. Того же мнения придерживается пленный гарнизона Данцига: «Жители Рыльска более искусны в том, что касается рук, а не головы. Они превосходят в искусстве, о котором пока не могут судить, потому что они всего-навсего подражатели. Неуверенность в своем вкусе ведет к тому, что они не утруждают себя тем, чтобы чего-то достигнуть»⁴¹.

Однако начинали звучать и другие мнения. Способность к искусному копированию воспринималась и как проявление творческих способностей, которые пока не нашли своего всестороннего применения. «Если однажды они начнут творить, то станут одним из первых народов в мире!» – восклицает путешественник по России Курвиль⁴².

Не менее традиционным, чем констатация негативных качеств, присущих русскому человеку, о которых речь шла выше, было и признание того, что ему нельзя отказать в гостеприимстве и милосердии. Французов удивляло, насколько легко человек в России мог найти кров в совершенно чужом доме. «Нежданный гость не причиняет им больших неудобств; он ест вместе с ними, если ему предложили, или довольствуется своим

хлебом с солью; он спит на скамье или на печи, как и все обитатели дома»⁴³.

О милосердии русских много пишут французские военнопленные. Они оказались в России в тот момент, когда, по словам г-жи де Сталь, ярче всего проявляются черты народа. Наряду с жесткостью многие из них стали свидетелями разнообразных проявлений сочувственного отношения со стороны простого народа. «По мере того, как мы продвигались вглубь страны и очутились в так называемой Великороссии, мы замечали гораздо больше сердечной мягкости по отношению к себе со стороны местных крестьян. Те из них, которые приближались к нашим бивуакам, высказывали часто нам сочувствие, а иногда даже проявляли свое расположение и более реально. Женщины в особенности были жалостливы: простые крестьянки приносили нам свое платье, доставляли пищу и даже водку»⁴⁴.

Подобные проявления чувствительности привлекали особое внимание и удивляли, поскольку рабство, с просветительской точки зрения, калечило душу человека, лишало его всех достоинств.

С одной стороны, французы сожалели о том, что подобные явления не так часто встречаются в цивилизованных обществах. С другой стороны, согласно их взглядам, получалось, что положительные качества народа были продолжением его недостатков. Русскому человеку легко было делиться тем, что он имел, поскольку у него отсутствовали честолюбивые планы и надежды когда-либо разбогатеть⁴⁵. Нужно отметить, что в своем суждении Фор следует за своим предшественником, Массоном, который также отмечал легкость, с какой крестьянин, у которого нет никаких гарантий сохранения своего имущества, расставался с тем немногим, что у него есть: «Нуждаясь лишь в самом необходимом, обладая ничем не защищенным имуществом, он живет одним днем и легко тратит то, что имеет»⁴⁶.

Удивительным казалось французам, что, несмотря на свою лень и любовь ко сну, русские проявляли иногда живость. Военный врач Мерсье отмечает также в народе сильное влечение к разным играм и упражнениям в силе и ловкости, сопряженным иногда с опасностью. К подобным развлечениям он относит качели – летом, ледяные горы – зимой и танцы.⁴⁷

Одной из наиболее характерных черт русского человека Сталь считает страстность. Это качество предопределяет крайние проявления как всего лучшего, что есть в русском человеке, так и худшего⁴⁸.

Среди физических качеств русского человека, обусловленных климатом, авторы отмечают выносливость. «Они чувствуют себя одинаково в дороге, будь то ненастье, самая страшная буря, или же прекрасная погода. Они родились под этим небом, оно для них родное. Они могут путешествовать днем и ночью, на протяжении нескольких месяцев сряду, спать под открытым небом в самое

суровое время года, и все это без малейших усилий – для них это естественное положение вещей»⁴⁹. О том, что русский народ не боится ни усталости, ни физических тягот, пишет и г-жа де Сталь⁵⁰.

В наибольшей степени это качество проявилось в характере русского военного, на котором французы останавливались особо, чему способствовали обстоятельства войны 1812 г. Помимо выносливости авторы признавали за солдатом такие боевые качества, как отвагу и умение выживать в самой невыносимой обстановке. «Русский солдат признан одним из лучших в Европе <...> он противостоит усталости, стойко переносит мороз и жару, голод и жажду»⁵¹. Свое отношение г-жа де Сталь определила так: «Русские солдаты переносят все тяготы, которые сулят им климат и войны, почти так же терпеливо, как калмыки»⁵². Для писательницы это наблюдение крайне важно, поскольку для нее солдатское сословие являлось неотъемлемой частью нации, которой, следовательно, в неменьшей мере было присуще презрение к внешним трудностям и физическим страданиям, что, в свою очередь, рассматривалось Сталь как предзнаменование больших свершений. Не признавая абсолютного превосходства физических качеств над интеллектуальными, Фор, как и предыдущий автор, пишет, что «с народом, приученным самой жизнью к постоянству в борьбе с морозом – этим опасным врагом, можно совершить великие деяния»⁵³.

Пытаясь найти ответ на вопрос о том, что же двигало русским солдатом на войне, французы исключали из ряда побудительных мотивов стремление к славе: «Он не восприимчив к тому энтузиазму, который рождает блестящие подвиги: тому, кто родился рабом и кого железная рука постоянно удерживает в границах рабства, должна быть чужда любовь к славе»⁵⁴. В этих же строках и содержится ответ на вопрос. Привычка к рабскому подчинению и вытекающие из нее страх и вера в predeterminedенность судьбы определили военные качества русского солдата. Так, участник русской кампании Пьер-Луи Родерер пишет, что привычка к рабству сделала из русского крестьянина очень покорного солдата, в котором больше послушания, чем храбрости. Сравнивая французских и русских солдат, автор приходит к выводу, что мужество его соотечественников осознанно, а русских – нет, поскольку «мужество французских солдат вызвано мыслями о чести, мужество же русских солдат держится на сильной дисциплине»⁵⁵. Пассивно послушными кажутся солдаты и Домергу⁵⁶. Рассуждая о невероятной выносливости и стойкости русских солдат, авторы рисуют образ некоего механического существа, которому чуждо все человеческое.

Совершенно иного взгляда придерживаются Жермена де Сталь и другой французский литератор – Дюпре де Сен Мор⁵⁷. Для них русский солдат, как и крестьянин, чрезвычайно чувствителен к хорошему обращению. Писательница находит

подтверждение своего предположения в русской военной истории. Именно это качество, по ее мнению, понял и использовал великий русский полководец: «Секрет Суворова в управлении построением солдат заключался в отождествлении себя с ними и убеждении их в том, что он относился к ним как к своим детям»⁵⁸. Соответственно, Сталь была убеждена, что на войне русским человеком двигало не ощущение безысходности, а искренние чувства: «Он привязывается к офицерам и пренебрегает тысячами опасностей, чтобы оградить их от опасности и доказать им свою преданность»⁵⁹. Дюпре также пишет об исключительной преданности солдат своим командирам. За полным самоотречением, по его мнению, стоит нечто большее, чем чувство воинского долга. Автор полагает ошибочным относить их храбрость лишь к дисциплине и верить в то, что им чуждо чувство чести. События войны 1812 г., по его мнению, полностью опровергли это легковесное утверждение⁶⁰.

В образе русского офицера, нарисованного пленными, безусловно, сказалось чувство ущемленной гордости. В характере русского офицера Родерер особо подчеркивает отсутствие у него чувства собственного достоинства и понятия чести. Дикие нравы страны в целом в полной мере отразились в характере офицеров: «Грязь и фанфаронство характерны для большинства русских офицеров: почти все они игроки и пьяницы. В Вильне многие из них обедали на постоялом дворе и уходили, не расплатившись. Нужно было их заставлять присоединяться к своим полкам... Эти господа почти никогда не бьются на дуэли, но зачастую дерутся кулаками. Они боятся Сибири, но не бесчестия»⁶¹. Лишь очень немногие, по свидетельству того же автора, отличаются хорошим воспитанием и гуманностью, среди них особо выделяются те, кто побывал в плену во Франции. Интересно, что об этом же пишет и Мерсье, правда, в отношении солдат. Рассказывая о смене конвоя под Кирсановым, он особо подчеркивает тот факт, что теперь их сопровождали ветераны русской армии, принимавшие участие в итальянских и швейцарских походах Суворова. Многим из них пришлось самим побывать в плену во Франции. Эти солдаты сохранили самые приятные воспоминания о своем пребывании во Франции. От всех остальных этих солдат отличало то, что «при всей своей суровости они обладали сердцем, доступным общечеловеческим чувствам»⁶². Таким образом, авторы подчеркивали облагораживающее влияние страны с более высоким уровнем развития цивилизации.

О позиции г-жи де Сталь стоит сказать отдельно. В ее глазах вопрос о качествах русского военного имел особую значимость. Она единственная из авторов судила не с позиции неприятеля. Для нее чрезвычайно важно было верить в то, что «сердцами русских безраздельно владеет религиозный и военный дух, источник прекраснейших

человеческих деяний». Для г-жи де Сталь русские были «нацией воинов», о которых следовало судить по солдатам и по тому сословию, откуда их набирают⁶³.

У русских дворян всегда величественный вид. На страницах воспоминаний Фора русское дворянство в полной мере соответствует утверждению Монтескье, что «всякий ленивый народ отличается важностью, ибо те, кто не работает, считают себя как бы владыками тех, кто работает»⁶⁴. В условиях всеобщего подчинения и лести, при отсутствии серьезных жизненных трудностей, которые приходилось бы преодолевать, представители привилегированного сословия прониклись сознанием собственной исключительности и совершенно искренне поверили, что ни у кого нет больше ума и больше достоинств, чем у них, и что они достигли всего, к чему может стремиться человек. В результате самодовольство придало их облику выражение, полностью отсутствующее во внешности крестьян. Насколько одни казались проникнутыми ощущением собственного ничтожества, настолько другие были довольны собой⁶⁵.

Русские дворяне проводили свою жизнь в абсолютном безделье, не доставляя, с точки зрения европейца, удовольствия ни уму, ни сердцу. Пытаясь развеять повседневное однообразие, они искали развлечений, которые могли доставить им еда, охота и приезды гостей. Потребность в новых впечатлениях и желанием вырваться из домашней скуки объясняли французы и любовь русских к путешествиям, будь то поездка за границу или к соседу. Как сказал Фор: «Они ездят повсюду. Они ездят в гости тем чаще, чем меньше они находят себе занятий, и, соответственно, чем дольше тянется время»⁶⁶.

Одним из основных развлечений дворянина были приемы гостей. Французы неоднозначно оценивали русское гостеприимство. Можно проследить непосредственную связь между высказанными суждениями и тем, как сложилась жизнь иностранцев в России. Те, к кому судьба была менее благосклонна, воспринимали гостеприимство как показную щедрость и расточительность, свойственные тем русским, кому богатство достается легко⁶⁷. Другие иностранцы, у кого сложились теплые отношения с местным обществом, видели в гостеприимстве проявления искренности и радушия. Так, г-жа де Сталь пишет: «Русские с первого дня оказывают чужестранцу прием столь любезный, что с первого же дня кажется, будто знаешь их целую вечность, однако же, знакомство это не может сделаться более коротким и по прошествии десяти лет»⁶⁸.

В то же время многочисленные собрания обратили внимание французов на такие особенности характера русского дворянина, как отсутствие склонности к серьезным размышлениям, поверхностность суждений и чувств. Чередой приемов, свидетелем которых стал Фор, привела его к выво-

ду, что нигде не ценят радостей общения так, как в России, поскольку они являются спасением от скуки, в которой существует благородное сословие⁶⁹. Не способствовала формированию склонности к серьезным занятиям, развитию способностей сама атмосфера русского собрания. Совершенно иную роль играло общество во Франции, где люди необразованные, «вращаясь в обществе аристократов и слушая их беседы, разом и острые, и серьезные, научались в свете тому, чего не могли почерпнуть из книг»⁷⁰.

Жермена де Сталь отметила, что русские обычно охотно поддерживали разговор, однако, их речи не выражали ни мыслей, ни чувств говорящего, а свидетельствовали исключительно об учтивости. «Русские не умеют вкладывать в разговор ни душу, ни ум»⁷¹. Интересно, что одной из причин, по которым светское общение в России не радует ни блеском ума, ни задушевностью разговора, ни утонченностью нравов, ни учтивостью форм, мадам де Сталь называет чрезмерную страстность русского народа. Это качество не позволяет ему «любить мысли сколько-нибудь отвлеченные; русских забавляют только факты; до сих пор у них не находилось ни времени, ни вкуса для перехода от фактов к обобщениям»⁷². Писательница также пишет, что в обыкновенной жизни русские – само непостоянство. Они не способны долго восхищаться одними и теми же людьми, одними и теми же повелителями. По ее мнению, неизменность чувств и суждений есть плод повседневных спокойных рассуждений, «русские же, как все народы, существующие под властью деспотической, более склонны к притворству, нежели к раздумьям»⁷³.

Разговоры о предметах внешних наводили французов на мысль о скрытности русских, вполне понятной в условиях деспотического государства, где всякая яркая мысль была более или менее опасна, где все наблюдали друг за другом. «Быть может, – рассуждает де Сталь, – непривычка русских к обсуждению в обществе предметов сколько-нибудь значительных есть не что иное, как следствие великой осторожности, к которой приучает людей правление деспотическое. Именно этой сдержанностью, которая при иных царствованиях была им более чем необходима, и объясняется, по-видимому, нежелание говорить правду, им приписываемое»⁷⁴.

С другой стороны, отсутствие склонности к размышлениям, по мнению французов, могло быть следствием малой образованности русских дворян. Вообще невежество, которое французы отмечают как в народной среде, так и в привилегированном сословии, воспринимается ими как одна из черт, характеризующих деспотическое государство, в котором «безоговорочное повиновение предполагает невежество не только в том, кто повинуется, но и в том, кто повелевает: ему незачем размышлять, сомневаться и обсуждать, когда достаточно только приказать»⁷⁵.

Между тем иностранцы признавали у русских природный ум и богатое воображение. Последнее особенно интересно, если вспомнить, что авторы предшествующего столетия, в частности Шапп д'Отрош, писал, что «в России воображение так же редко, как гений»⁷⁶. Монтюле считает, что у русского много воображения, которому он дает полную свободу и редко сдерживает. По мнению г-жи де Сталь, русские наделены восточным воображением. Правда, писательница тут же уточняет, что оно до сих пор не проявилось ни в изящных искусствах, ни в поэзии. «Русские очень быстро продвигаются во всех сферах до известной точки, но далее не идут. Первый шаг делается под влиянием порыва, для второго же потребны мысли, меж тем русские, в отличие от народов Севера, до сих пор выказывали очень малую склонность к размышлениям»⁷⁷.

Отмечая в русских умственную лень, Фор полагал, что она была неизбежной в условиях праздного образа жизни русского дворянства. Не получая пищи для развития, ум терял свою силу и по прошествии определенного периода времени настолько ослабевал, что мысль о каком-либо занятии начинала отталкивать и утомлять. Ни один предмет уже не мог заинтересовать настолько, чтобы навести на размышления. Кроме того, в России, по мысли Фора, есть еще одно условие, не способствующее совершенствованию ума, – огромные пространства страны. Поскольку, чтобы обменяться мыслями, человеку необходимо преодолеть значительные расстояния, пересекая которые он оказывается во власти скуки. Таким образом, по мысли автора, густонаселенные страны намного больше способствуют развитию мысли⁷⁸.

Подобное бесцельное времяпрепровождение не вызывало сочувствия у французов. То, что на взгляд русского современника является «безгрешной скукой, непорочной сонливостью, неразрительной обжорливостью, отдыхом пылливому уму и покоем тревожному сердцу»⁷⁹, для большинства иностранных наблюдателей служило очередным доказательством губительного влияния крепостного права на нравственное развитие человека.

В целом, за разнообразием характеристик, данных французами представителям российских сословий, можно различить некоторые черты, свойственные русскому человеку, независимо от его социального статуса, как, например, лень (праздность), пристрастие к крепким напиткам, невежество и вместе с тем гибкий ум, богатое воображение, гостеприимство. В оценках авторами русского национального характера чувствуется сильное влияние сформировавшихся в предыдущие столетия стереотипов. Мемуаристы, стремящиеся смягчить негативный образ русского человека и акцентировать внимание читателей на его добродетелях, составляют явное меньшинство. Доминирующим остается представление о русском человеке как о существе, слепленном из пороков вследствие искажающего влияния на характер деспотизма и крепостного права.

Примечания

- ¹ См.: *Gerbod P.* Notes statistiques concernant la presence francaise en Russie au XIX siècle // *Cahiers du monde Russe et soviétique.* 1992. Vol. 33. P. 126.
- ² Об этом же, основываясь на материалах XVIII века, пишет Н. Ю. Вошинская (см.: *Вошинская Н. Ю.* Социокультурная проблематика французской «Россики» последней трети XVIII в.: Дис. ... канд. культурологии. М., 2005. С. 133.
- ³ Раймон Фор (1786–1850) – врач и литератор, кавалер ордена Почетного легиона, корреспондент Королевского медицинского общества и Академии наук, литературы и искусства Бордо. Фор участвовал в кампании в России в качестве врача Первого корпуса кавалерии. Был взят в плен 18 октября в районе Тарутино, после чего проехал Калугу, Тулу, Рязань и был отправлен в Орловскую губернию (см.: *Archives biographique franais / Ed. By H. And B. Dwyer. L.; Melbourne etc.* 1993. II/256. P. 144, 145).
- ⁴ *Сталь Ж.* Десять лет в изгнании. М., 2003. С. 210.
- ⁵ *Мильчина В.* Комментарии // *Сталь Ж.* Указ. соч. С. 422.
- ⁶ *Сталь Ж.* Указ. соч. С. 215.
- ⁷ *Массон Ш. Ф. Ф.* Секретные записки о России времен царствования Екатерины II и Павла I. Наблюдения француза, жившего при дворе, о придворных нравах, демонстрирующие незаурядную наблюдательность и осведомление автора. М., 1996. С. 137.
- ⁸ *Сталь Ж.* Указ. соч. С. 235–236.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. С. 203.
- ¹¹ Там же. С. 204.
- ¹² *Монтескье Ш.* О духе законов // *Избранные произведения.* М., 1955. С. 362.
- ¹³ *Faure R.* Souvenirs du Nord ou la guerre, la Russie et les Russes ou l'esclavage. P., 1821. P. 199.
- ¹⁴ Эдуард де Монтюле – кавалер Почетного легиона, путешественник, литератор. До своего путешествия по России в 1823 г. он побывал в Америке, Египте и Англии. Краткую справку о нем см.: *Querard J.-M.* La France litteraire, ou dictionnaire bibliographique: 12 vol. P., 1830. Т. 6. P. 271; *Montulé E.* Voyage en Angleterre et en Russie pendant les années 1821–1823: 2 vol. P., 1825. Т. 2. P. 123.
- ¹⁵ *Ibid.* P. 204.
- ¹⁶ *Faure R.* *Op. cit.* P. 169.
- ¹⁷ *Монтескье Ш.* Указ. соч. С. 414.
- ¹⁸ Пристрастие к крепким напиткам было характерно, по замечаниям французов, и для дворян (см., напр.: *Faure R.* *Op. cit.* P. 229).
- ¹⁹ Арман Домерг – режиссер французских театров, ставший непосредственным участником событий 1812 г.; в начале войны был арестован и выслан из Москвы вместе с сорока его соотечественниками по распоряжению московского губернатора Ф. В. Ростопчина (см.: *Domergue A.* La Russie pendant les guerres de l'empire (1805–1815): 2 vol. P., 1835. Т. 1. P. 159).
- ²⁰ *Рюа Ж.* Указ. соч. С. 150.

- ²¹ Faure R. Op. cit. P. 207.
- ²² Сталь Ж. Указ. соч. С. 218.
- ²³ См.: Руа Ж. Указ. соч. С. 151; Faure R. Op. cit. P. 207–208.
- ²⁴ Faure R. Op. cit. P. 208.
- ²⁵ Masson Ch. Memoires secrets sur la Russie // Greve C. Les voyages en Russie: Anthologie des voyageurs francais aux XVIII–XIX siecles. P., 1990. P. 1189.
- ²⁶ Montulé E. Op. cit. T. 2. P. 125 (см. также: Montravel. Voyage d'un officier francais prisonnier en Russie, sur les frontieres de cet empire, du coté de l'Asie (observations interessantes sur les moeurs, les usages et le caractère des habitants de la rive gauche du Wolga, près de la mer Caspienne). P., 1817. P. 192).
- ²⁷ См.: Faure R. Op. cit. P. 171.
- ²⁸ Montravel. Op. cit. P. 22
- ²⁹ См., напр.: Roederer P.-L. C. Notes d'un prisonnier en Russie (1812–1814) // La Revue de Paris. 1913. № 1. P. 129.
- ³⁰ См.: Сталь Ж. Указ. соч. С. 204.
- ³¹ Там же. С. 207.
- ³² Записки маркиза Пасторе о войне 1812 г. // Русский архив. 1900. Кн. 3, вып. 12. С. 502.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Руа Ж. Указ. соч. С. 145.
- ³⁵ Faure R. Op. cit. P. 204.
- ³⁶ См.: Montulé E. Op. cit. T. 2. P. 207.
- ³⁷ См.: Domergue A. Op. cit. T. 1. P. 309–310.
- ³⁸ Montulé E. Op. cit. T. 2. P. 48.
- ³⁹ См.: Мильчина В. Указ. соч. С. 423.
- ⁴⁰ См.: Faure R. Op. cit. P. 179.
- ⁴¹ Voyage en Pologne et en Russie, par un prisonnier de guerre de la garnison de Dantzick en 1813–1814. P., 1828. P. 161.
- ⁴² Courville A. Promenade de Saint-Petersbourg á Saratoff et retour, en passant par Nowgorod, Twer, Moscou, Résan, Morchansk, Kirsanoff, Saratoff. P., 1823. P. 10.
- ⁴³ Faure R. Op. cit. P. 114, 210. См. также: Руа Ж. Указ. соч. С. 148; Domergue A. Op. cit. T. 1. P. 169.
- ⁴⁴ Руа Ж. Указ. соч. С. 88.
- ⁴⁵ См.: Faure R. Op. cit. P. 206, 210.
- ⁴⁶ Masson Ch. Op. cit. P. 1190.
- ⁴⁷ См.: Руа Ж. Указ. соч. С. 152–153.
- ⁴⁸ См.: Сталь Ж. Указ. соч. С. 207.
- ⁴⁹ Faure R. Op. cit. P. 170.
- ⁵⁰ См.: Сталь Ж. Указ. соч. С. 203.
- ⁵¹ Chopin J. M. Op. cit. P. 53.
- ⁵² Сталь Ж. С. 203.
- ⁵³ Faure R. Op. cit. P. 173.
- ⁵⁴ Chopin J. M. Op. cit. P. 53.
- ⁵⁵ Roederer P.-L. Op. cit. P. 128.
- ⁵⁶ См.: Domergue A. Op. cit. T. 1. P. 332.
- ⁵⁷ Эмиль Дюпре де Сен-Мор, французский литератор и политический деятель, посетил Россию в 1820–1825 годах. Результатом поездки стали несколько его произведений: «Русская антология» (1823), «Отшельник в России, или наблюдения за нравами и обычаями в начале XIX в.» (1829), «Петербург, Москва и провинции» (1830), которые познакомили Францию с литературой, нравами и обычаями царской империи (см.: Grand dictionnaire universel du XIX siècle par Pierre Larousse: 20 vol. P., 1872. T. 6. P. 1419).
- ⁵⁸ Сталь Ж. Указ. соч. С. 203
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ См.: Dupré E. Op. cit. T. 2. P. 168–169.
- ⁶¹ Roederer P.-L. Op. cit. P. 127.
- ⁶² Руа Ж. Указ. соч. С. 89
- ⁶³ Сталь Ж. Указ. соч. С. 210.
- ⁶⁴ Монтестье Ш. Указ. соч. С. 414.
- ⁶⁵ См.: Faure R. Op. cit. P. 192.
- ⁶⁶ Ibid. P. 118.
- ⁶⁷ См.: Faure R. Op. cit. P. 243.
- ⁶⁸ Сталь Ж. С. 209.
- ⁶⁹ См.: Faure R. Op. cit. P. 239.
- ⁷⁰ Там же. С. 223.
- ⁷¹ Там же. С. 222.
- ⁷² Сталь Ж. Указ. соч. С. 223.
- ⁷³ Там же. С. 118–119.
- ⁷⁴ Там же. С. 230.
- ⁷⁵ Монтестье Ш. Указ. соч. С. 190.
- ⁷⁶ Chappe d'Autroche. Voyage en Siberie fait par ordre du roi en 1761 contenant les moeurs, les usages des Russes, et l'état actuel de cette puissance. Amsterdam, 1769. P. 1175.
- ⁷⁷ Сталь Ж. Указ. соч. С. 212.
- ⁷⁸ См.: Faure R. Op. cit. P. 230.
- ⁷⁹ Дубровин Н. Ф. Русская жизнь в начале XIX в. // Русская старина. 1899. Кн. 2. С. 19.

УДК 908(470.44-89)«18»+929

ИСТОРИЧЕСКИЙ КУРЬЁЗ

С.А. Мезин

Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: mezinsa@mail.ru

Публикация поздравительных стихов ветерана наполеоновской армии Н. Савена (1787–1894) саратовскому губернатору М.Н. Галкину-Враскому сопровождается вступительной статьёй, в которой показано, что стихи свидетельствуют о низком уровне грамотности бывшего унтер-офицера и мистификатора.

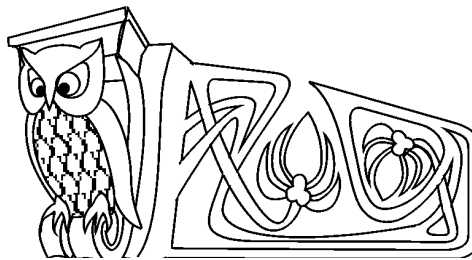
A Historical Curious Incident

S.A. Mezin

The publication of the congratulatory verses of a veteran of the Napoleon army Nicolas Savin (1787–1894) for the Saratov governor M.N. Galkin-Vrasky are accompanied with the introduction article, which ascertains that the verses are of a low level of literacy of the former non-commissioned officer and hoaxer.

В 1870–90 гг. XIX в. своеобразной живой достопримечательностью Саратова был ветеран наполеоновской Великой армии Николай Савен (Nicolas Savin), родившийся, по его собственным словам, в 1768 г. В Саратове его знали как Николая Андреевича; сам он говорил, что на родине его звали Жан-Батист. Саратовские краеведы обратили внимание на «современника французской революции» и «последнего наполеоновского офицера» уже в 1880-е гг., посвятив ему ряд публикаций. Военный историк К.А. Военский, встречавшийся со старожилом в год его смерти (1894), сделал известным имя Савена не только в России, но и во Франции. Историки, журналисты и писатели не забывали Савена и в XX в. В 1998 г. на одном из домов бывшей Грошовой улицы в Саратове появилась посвящённая ему мемориальная доска, на открытии которой присутствовал чрезвычайный и полномочный посол Франции в Российской Федерации. Текст на памятной доске на двух языках сообщает факты «канонической» биографии Савена:

«На этой улице жил и почил в возрасте 126 лет русский француз Николай Андреевич Савэн, уроженец Парижа, получивший образование в городе Туре на берегу Луары. Он оказался в России в рядах армии Наполеона, был взят в плен на Березине, направлен в Саратов, где принят под покровительство губернатора города (sic! – С.М.) Панчулидзева А.Д. Став преподавателем французского языка, живописи, истории и даже фехтования, он снискал себе почтение всего города. Саратов стал его второй родиной, где он мирно жил и скончался 29 ноября 1894 г. в собственном доме, который был расположен в нескольких метрах отсюда».

Документы, удостоверявшие личность Савена, сгорели, по его свидетельству, в 1848 г. Источники, проливающие свет на его жизнь и службу во Франции, отечественным историкам до сих пор неизвестны. Вся биография ветерана строилась до последнего времени на его воспоминаниях, главным образом, в записи К.А. Военского. Затем В.П. Тотфалушиным были обнаружены документы, которые косвенно свидетельствовали о том, что Савен едва ли был наполеоновским *офицером*, и наталкивали на мысль, что саратовский старожил не был чужд мистификации¹. Продолжая архивные поиски, историк обнаружил и опубликовал документы, которые подтвердили его сомнения². Выяснилось, что Николай Савен в наполеоновской армии служил унтер-офицером. Попав в плен, он, естественно, не попал в списки пленных офицеров и был направлен в уездный (а не в губернский, как настоящие офицеры) город Хвалынский. Там он принял российское подданство, вошел в мещанское сословие и женился на купеческой дочери Прасковье Сергеевой, от которой имел четырёх детей. В 1834 г. он обращался к правительству с просьбой разрешить ему вернуться на родину, однако такого разрешения не получил. В 1839 г. он, переехав в Саратов, перешёл в саратовское мещанство. Конечно, он не мог пользоваться покровительством губернатора А.Д. Панчулидзева, который возглавлял губернию и жил в Саратове до 1826 г. Наконец, выяснилась и подлинная дата рождения Савена – 1787 год. Таким образом, саратовскому историку удалось установить основные факты российской биографии и подлинный возраст ветерана наполеоновской армии.

Публикуемый ниже документ не содержит новых данных о жизни Н. Савена, но добавляет некоторые штрихи к характеристике его личности. Он представляет собой стихотворный поздравительный адрес Савена саратовскому губернатору М.Н. Галкину-Враскому. Известно, что в Саратове Савен зарабатывал себе на жизнь преподаванием французского языка. Однако большим знатоком родного языка бывший унтер-офицер, судя по его стихам, не был. Более того, можно говорить о недостаточной грамотности автора. Не беда, что он не всегда справляется с рифмой избранного им александрийского стиха. Но многие фразы в стихотворении плохо построены и не закончены. Автор, словно нерадивый школьник, путает окончания глаголов, забывает поставить окончание существительного во множественном числе. В

его тексте наличествует совершенно варварская пунктуация, иногда отсутствуют необходимые диакритические знаки³. Низкий образовательный уровень автора вполне соответствует тем фактам, на которые указал В.П. Тотфалушин. Своим банальным по содержанию и высокопарным стихотворным панегириком Савен, испытывавший материальные затруднения, хотел обратить на себя внимание просвещенного губернатора. Поздравление было написано, вероятно, по случаю 40-летнего юбилея главы губернии, о чём свидетельствует датирующая надпись, сделанная карандашом: «29 апр. 74 г.». К этому времени Савен, отмеченный своей родиной орденом Почётного Легиона, уже успел стать заметной фигурой в губернском городе.

Михаил Николаевич Галкин-Враский (1834–1916) – один из наиболее известных саратовских губернаторов, управлявший поволжской губернией в 1870–1879 гг. Учёный-этнограф, юрист с университетским образованием, крупный государственный деятель, он впоследствии возглавлял Главное тюремное управление Российской империи⁴.

Поздравительный адрес написан каллиграфическим писарским почерком (можно отличить два вида почерка) на плотной желтоватой бумаге. Содержит подлинную подпись Савена. Первый лист был украшен сверху изображением короны и монограммой М.Н. Галкина-Враского, под которой нарисованы лавровая и дубовая ветви. Слева от короны беглым почерком (вероятно, рукой М.Н. Галкина-Враского) сделана надпись: «Столетний француз Великой Армии Savin, саратовский старожил – преподаватель фр. язык<a>». Справа тем же почерком поставлена дата, относящаяся, очевидно, к получению стихотворения адресатом: «29 апр. 74 г.».

Во французском тексте сохранены правописание и пунктуация подлинника. Наиболее грубые ошибки отмечены в примечаниях.

A son Excellence Monsieur
Le Conseiller d'Etat Michel Nicola-
vitsch Galkine Vrasky gouverneur
de Saratoff

L'amenité Seigneur est toujours l'apanage
du bon coeur, de
l'esprit ou un mot du vrai sage.

Les demis dieux⁵ jadis, bienfaiteurs des mortels,
Affables comme vous, méritoient des Autels.
Vous savez de vous même, rendre la justice,
Protéger la vertu sans menager le vice.
Enfin des gouvernés, travaillant au bonheur;
Vous avez le secret de gagner tous les coeur⁶,
Plusieurs lustres de malheurs, de chagrin et
de peines,

Sont finis en ce jour, et nos fertiles plaines,
Pourrons⁷ à l'avenir, sans crainte et sans procès.

Charger sur le Wolga les trésors de Ceres;
Le paysan laborieux et ses buffes⁸ dociles
Conduiront désormais, leurs épis dans nos villes.
Ou les arts, les métiers, avec la bonne foi,
Enricheront l'état, sous l'empire des loix;
La probité, l'honneur dont la vertu craintive,
Vont fleurir en ces lieux, et regner sur nos rives,
Quel Dieu, ou quel genie à pu donc éloigner,
Des murs de Saratoff, les maux et les dangers;
Depuis plusieurs printemps Minerve
avec Constance;
Préparait de ces lieux le bonheur et l'aisance,
Avec Notre **Empereur**, etant toujours d'accord
Minerve avec Thémise nous
ont donné **Michel N. de GV**.

Votre bonté Seigneur, quoique dans mon hiver,
Inspire ces accents, que j'osai mettre en vers,
Ces vœux sont de mon coeur, la verité les guides⁹;
Très mince est mon talent, mais
l'honneur mon égide,
Fisant¹⁰ vous présenter cet hommage sans fard,
Recevez le Seigneur, contentez un vieillard.

De (sic! – C.M.) votre Excellence!
C'est avec la considération la plus distinguée, que
j'ai l'honneur de vous sou-haiter, pendant un million
d'années une bonne et parfaite santé, accompagnée des
bénédictions de Notre Seigneur Jesus-Christ pour vous et
votre famille.

Votre très dévoué serviteur, Lieutenant, Chevalier de
la légion d'honneur Savin.

Saratov á...

(ГАСО. Ф. 1221 (М.Н. Галкин-Враский), оп.
1, № 488, л. 1–2).

Перевод

Его Превосходительству Господину
Статскому Советнику Михаилу Николаевичу
Галкину-Враскому, Саратовскому губернатору

Любезность, сударь, всегда является уделом
добрého сердца и
ума или словом истинного мудреца.

Приветливые, как Вы, полубоги,
благодетели смертных,
Когда-то были достойны алтарей.
Вы умеете сам творить суд,
Покровительствуя добродетели и не щадя пороков.
Наконец, работая для счастья;
Вы владеете секретом завоёвывать сердца тех,
кем Вы управляете.
Многие пятилетия несчастий, печали и страданий
Миновали в этот день,
и наши плодородные равнины
Могут в будущем без страха и распри
Грузить на волжские суда сокровища Цереры;

Работающий крестьянин и его послушные буйволы
 Доставят в изобилии их урожай в наши города.
 Искусства и ремёсла,
     исполнившись добрыми намерениями,
 Обогалят государство под властью законов;
 Порядочность, честь,
     с их скромной добродетелью,
 Расцветут в этих местах и будут царствовать
     на наших берегах.
 Какое божество, какой добрый гений

    смог удалить
 От стен Саратова зло и опасности?
 Вот уже много вёсен Минерва с постоянством
 Готовила для этих мест счастье и достаток.
 В согласии с нашим **Императором**
 Минерва и Фемида нам даровали **Михаила**
Николаевича Галкина Враского.

Ваша доброта, господин,
     несмотря на мои седины,
 Внушает эти звуки,
     которые я осмелился представить в стихах,
 Эти пожелания от всего сердца,
     ими движет правда;
 Очень скуден мой талант, но честь – моя защита,
 Представляя Вам эту похвалу без прикрас,
 Примите её, сударь, уважьте старика.

Ваше превосходительство!
 С глубочайшим уважением имею честь вам желать
 на миллион лет доброго здоровья, сопровождаемого
 благословением Господа нашего Иисуса Христа Вам
 и Вашей семье.

Ваш покорнейший слуга, лейтенант, кавалер ор-
 дена Почётного Легиона Савен.

Саратов.

Вместе с панегириком в архивном деле хранится публикуемая здесь фотография Н. Савена, на обратной стороне которой имеется французская надпись: «Le Lieutenant de la Grande Armée Jean-Baptiste-Nicolas Savin né à Rouen le 17 Avril 1768 décédé à Saratov le 29 Nov. 1894 âgé de 126 ans, 7 mois, 12 jours (photographie faite en 1888)»¹¹.

Примечания

- ¹ См.: *Тотфалушин В.П.* Жизнь и судьба Ж.-Б. Савена в свете новых фактов // Бородино и наполеоновские войны: Битвы, поля сражений, мемориалы: Материалы междунар. науч. конф., посвящённой 190-летию Бородинского сражения. Бородино, 9–10 сентября 2002 г. М., 2003. С. 376–383.
- ² См.: *Тотфалушин В.П.* Новое о легендарном Савене // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. III: Сб. материалов. К 200-летию Отечественной войны 1812 г. // Труды ГИМ. М., 2004. Вып. 142. С. 233–236. В названных публикациях В.П. Тотфалушина приведена основная литература о Савене.
- ³ Благодарю Марию-Луизу Бонак (Тур, Франция) за помощь в лингвистической экспертизе текста.

- ⁴ Подробнее см.: *Зубов С.В.* Государственная и общественная деятельность М.Н. Галкина-Враского: Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2000.
- ⁵ Правильно: les demi-dieux.
- ⁶ Правильно: coeurs.
- ⁷ Правильно: pourront.
- ⁸ Правильно: buffles.
- ⁹ Правильно: guide.
- ¹⁰ Правильно: faisant.
- ¹¹ Лейтенант Великой армии Жан-Батист-Николя Савен родился в Руане 17 апреля 1768 года, скончался в Саратове 28 ноября 1894 в возрасте 126 лет, 7 месяцев и 12 дней (фотография сделана в 1888 году).

УДК 78(470–89)(09)«18»+929

МИТРОФАН БЕЛЯЕВ И ЕГО КРУЖОК: КАПРИЗЫ МЕЦЕНАТА ИЛИ НАПРАВЛЕНИЕ В ИСКУССТВЕ? (к постановке вопроса)

Д. Е. Луконин

Саратовский государственный университет,
кафедра туризма и культурного наследия
E-mail: Lukonin@info.sgu.ru

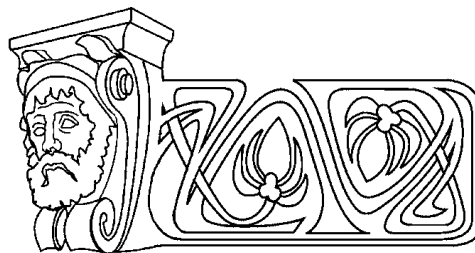
Имя Митрофана Беляева, богатого петербургского лесопромышленника и мецената, в современной русской историографии известно меньше, чем имена Третьякова, Морозова и Мамонтова. Однако современники находили их вклад в развитие искусства сопоставимым. Беляев учредил «глинкинские» премии, создал музыкальное издательство в Лейпциге, квартетные конкурсы, финансировал индивидуальную помощь и поддержку малоимущих композиторов, объединил ряд музыкантов, критиков, художников, преподавателей учебных заведений. Автор статьи ставит вопрос о том, представляли ли «беляевцы» какое-либо определенное художественное направление. Одно из определений, которое до сих пор сопутствует этому движению – это «академизм». Сами участники кружка называли его «новая русская школа». В статье представлены мнения как самих «беляевцев», так и музыкальных критиков второй половины XIX века, советских искусствоведов 50-х гг. XX века, оценивающих деятельность этого кружка и пытавшихся определить его специфику. В конечном итоге, нельзя говорить о художественном направлении без специализированного искусствоведческого исследования, однако представляется очевидным, что описанная проблема открыта для исследования и перспективна.

Mitrophan Belaiev and His Circle: a Maecenas Caprice or an Art Trend? (to raise a problem)

D. E. Lukonin

The name of Mitrophan Belaiev, who was a wealthy timber merchant and a maecenas, is not as well-known as those of Tretyakov, Morozov and Mamontov in the modern Russian historiography. But contemporaries regarded their contributions to the development of art comparable. Belaiev established «The Glinka Prizes», founded a publishing house in Leipzig «Belaieff Verlag», held the Chamber-music competitions, provided funding for individual grants to needy musicians. The author (of the article) attempts to investigate whether the Belaiev Circle constituted a singular trend in art. Some referred to it as «Academism», which was largely the position held by representatives of Modernism. If we look at the works of the Belaiev Circle through the eyes of its members, «nationalism» was a matter of principle and significant for their self-identification. Music and painting are very important for a nation to get mobilized as the «imagined community». That is why this problem is very interesting and topical today.

К размышлениям над вопросом, выдвинутым в заглавии, может подвигнуть простая аналогия. Приблизительно в то же время, когда сформировался «беляевский кружок», сложился «алексеевский кружок», на почве которого впоследствии

выросли столь значительные достижения русского искусства, как Московский Художественный театр (на практике) и «система Станиславского» (в теории). Первоначально же людьми недалекими и чуждыми всяким новшествам искания кружка нередко назывались уничижительно «праздными забавами купца Алексеева». Похожие выражения часто сыпались и в адрес М. П. Беляева, особенно в первые годы его деятельности на общественно-музыкальном поприще. Так, например, М. А. Балакирев, по воспоминаниям А. А. Оленина, не признавал за Беляевым «каких-либо заслуг перед русским искусством, считая его меценатство продуктом пустого тщеславия, самодурства и утверждая, что он развратил русских музыкантов»¹. Недоумение по поводу применения денежных средств Беляевым высказывал и А. Г. Рубинштейн².

Митрофан Петрович Беляев, богатый петербургский лесопромышленник и меценат, гласный Петербургской городской думы в 1881–1884 гг., в настоящее время известен значительно менее, чем, скажем, П. М. Третьяков, С. Т. Морозов или С. И. Мамонтов. Однако в начале прошлого века не только В. В. Стасов, лично связанный с Беляевым дружескими отношениями, ставил его деятельность на одну доску с деятельностью Третьякова³, но и такой независимый от «беляевского кружка» наблюдатель, как С. К. Булич⁴, находил подобное сравнение удачным. «Оба служили настоящему национальному русскому делу, – писал он, – оба руководились чувством, далеким от официального и показного патриотизма, неспособного на бескорыстные жертвы. В деятельности этих двух русских купцов, связь которых с «податными сословиями» была совсем свежа, сказалось здоровое общественное начало, тягущее в глубине русской коллективной души»⁵. Высокую оценку заслужили начинания Беляева и в работах некоторых иностранных авторов. М. Монтегю-Натан, настаивая на высокой значимости опыта Беляева для функционирования европейских художественных фондов, писал: «Он [Беляев] был более дальновиден, чем любой предыдущий или последующий музыкальный патрон в Европе»⁶.

Меценатская деятельность М. П. Беляева, действительно, была достаточно богатой и разнообразной. В 1884 г. он учредил премии на сумму 3000 руб., названные им «глинкинскими» в честь великого русского композитора, и ежегодно

присуждал их от имени «неизвестного доброжелателя» лучшим на его взгляд сочинениям русских композиторов. Тогда же им было создано собственное музыкальное издательство в Лейпциге, которым он руководил до конца жизни, а с 1885 г. ведется отчет организованным Беляевым Русским симфоническим концертам (РСК), ежегодно проводившимся в Петербурге. Позднее меценат расширил свою деятельность за счет квартетных конкурсов и квартетных вечеров, в которых также поощрялась и пропагандировалась музыка русских композиторов. Последним, но не менее важным, направлением стала для Беляева индивидуальная помощь и поддержка малоимущих композиторов. В этой области им была создана уникальная система патронажа: фиксированное ежемесячное денежное вспоможествование зачитывалось как аванс в счет создаваемых композиторами музыкальных произведений, которые в дальнейшем печатались в беляевском издательстве.

Все эти начинания, справедливо получившие впоследствии название «беляевского дела», были им вместе с основной частью личного капитала завещаны после смерти «Попечительному Совету для поощрения русских композиторов и музыкантов», организации, созданной по завещанию Беляева и получившей устав, утвержденный Министерством внутренних дел 5 февраля 1905 г. В состав совета вошли три крупнейших русских музыканта, уже при жизни М. П. Беляева координировавших его деятельность, – Н. А. Римский-Корсаков (председатель), А. К. Лядов и А. К. Глазунов.

Наконец, со второй половины 1880-х гг. и до смерти М. П. Беляева в его доме раз в неделю, по пятницам, собирался кружок, состоявший из музыкантов и любителей музыки, критиков, художников, преподавателей учебных заведений, который различные авторы называли то «домашним музыкальным салоном», то «клубом», сформировавшимся вокруг беляевского концертного и издательского дела⁷. В литературе о М. П. Беляеве «беляевские пятницы» нашли, наверное, наиболее полное освещение⁸. Тем не менее вопрос о том, представляли ли «беляевцы» какое-либо определенное художественное направление, остается в достаточной мере дискуссионным.

В наиболее безапелляционной манере ответ на этот вопрос дал М. О. Янковский в работе, написанной в конце 50-х гг. XX в.⁹ «Была ли у кружка какая-либо идейно-эстетическая платформа, вокруг которой группировались его участники? – писал он. – Быть может, эта программа была провозглашена кем-либо из композиторов, участников беляевского кружка? Нет, в то время никто из них не ставил перед собой подобной цели. <...> Они объединялись не на базе единого мировоззрения, а на базе меценатских начинаний; они не образовывали единого направления, не создавали единой школы <...> Был ли Беляев идеологом кружка? На этот вопрос нужно ответить отрицательно. В

качестве кого Беляев мог занять место в кружке? Лишь в качестве покровителя ряда музыкальных начинаний... Однако подобная роль мецената не могла перерасти в роль идеолога целого направления в русской музыке»¹⁰.

В указанной работе М. О. Янковского нетрудно заметить множество «передержек», вызванных теми условиями, в которых она писалась (об этом ниже). Автор, например, отказал Н. А. Римскому-Корсакову в праве на звание «главы кружка», которое, как известно, не ставилось под сомнение ни участниками «пятниц», ни хозяином-меценатом, ни, что особенно важно, самим Римским-Корсаковым. В. В. Стасов, в середине 90-х годов пропевший в печати панегирик М. П. Беляеву, под пером М. О. Янковского превратился в человека, с трудом сдерживавшего неприязнь по отношению к «беляевскому кружку»¹¹. Быть может, и пристрастное отношение к возможности существования «беляевского направления» также было вызвано каким-то особым «социальным заказом», проглядывающим сквозь строки данной работы?

В любом случае, имеется повод для обращения к более широкому кругу источников. Любопытно, что определенное единство «беляевского кружка» как особого и сплоченного направления неоднократно признавалось современниками, как сподвижниками, так и противниками его (не говоря уже о том, что само наличие «сторонников» и «противников» свидетельствует в пользу существования определенной линии, направленности «беляевского дела»). Можно указать на широко известные места из «Летописи» Н. А. Римского-Корсакова, в которых он стремился обозначить «лицо» кружка¹², неоднократные заявления В. В. Стасова и мн. др.¹³ Однако особенно показательным представляется мне свидетельство непримиримого врага «беляевцев», музыкального обозревателя газеты «Новое время» М. Иванова («Жирафа»): «программа их (конcertов Беляева. – Д. Л.) остается по-прежнему исключительной. Мне кажется, что пока она останется такою и пока в ней упорно будет проводиться одно направление, невзирая на то, талантливо или бездарно оно выражается, словом, до тех пор, пока устроители беляевских concertов будут держаться принципов крыловского прохожего, не признавая ничего, кроме своего прихода, до тех пор concertы эти не получат серьезного значения и публика инстинктивно будет сторониться от них, как сторонилась до сих пор»¹⁴.

Рассмотрим существующие точки зрения по поводу наименования направления, поддерживаемого композиторами беляевского круга. Одно из определений, которое до сих пор сопутствует этому движению – это «академизм». Еще в первые годы советской власти Б. В. Асафьев, будущий академик АН СССР, настаивал на этом определении в применении к «беляевцам». Н. А. Римский-Корсаков, по его мнению, должен был считаться «главой «школьного» академизма», художником,

выработавшим «образцы, по которым он быстро мог справляться с любым этнографическим песенным явлением»¹⁵. «Он же (Римский-Корсаков. – Д. Л.) – насадитель и воспитатель культа статического звучания, где схемы заменяют живую ткань и где музыка мыслится исключительно как бы на плоскости в пределах двух измерений <...> Словом, все, что так беспомощно возводится в догматы представителями «беляевского» толка и от чего стараются отойти, но, порой, только глубже вязнут наиболее талантливые его представители»¹⁶.

Позднее, в одном из первых советских учебников по истории русской музыки, Б. В. Асафьев продолжает отстаивать свой взгляд на творчество «беляевского кружка». Единственной общей чертой многочисленных композиторов, издаваемых Беляевым, оказывается «овладение общеобязательными приемами» композиции, «пассивное конструирование по указке и образцам «старших», «подражательность, малокровие и безличие»¹⁷. Точка зрения Асафьева оказалась настолько распространенной, что даже представители антагонистического направления в советском музыковедении¹⁸ нередко повторяли те же самые суждения.

Действительно, в подобном определении есть некоторые резоны. К концу XIX в. Н. А. Римский-Корсаков был крупнейшим педагогом Петербургской консерватории, из его консерваторского класса вышла большая часть молодых композиторов, ставших участниками «беляевского кружка». Ближайшие его сподвижники, А. К. Глазунов и А. К. Лядов, также имели прямое отношение к консерватории. Существовало ли давление наиболее авторитетных «старших беляевцев» на творческую молодежь? Видимо, можно говорить и о таком явлении. Активный участник «пятниц», представитель молодого поколения Н. Н. Черепнин писал так: «Следовало понимать: «Вот мы вас выучили сочинять, ну, вы и сочиняйте, как мы вас обучали...»¹⁹. Таким образом, если под «академизмом» понимать следование принципам и правилам, усвоенным в академии (консерватории), тогда можно говорить об определенной академичности «беляевского кружка».

Однако для второй половины XIX в. понятие «академизм» связывалось с совершенно иными явлениями в искусстве. Вот как понимал, например, борьбу с академизмом В. В. Стасов: «...нет богов и героев Греции, классической программы и личностей. Здесь отброшена в сторону вся условность и формалистика, выросшая над европейской оперной музыкой каким-то безобразным и рогаемым столпотворением полипов; здесь нет уже никакого помина об ариях, дуэтах и терцетах, выдуманных для оперы подобно условным балетным па; нет более хоров, нет ансамблей, нет симметричных и квадратных форм»²⁰. Когда в 1871 г. Н. А. Римский-Корсаков пришел в консерваторию, он пришел туда со своими взглядами на искусство, а во

времена директорства К. Ю. Давыдова оказывал на него решающее влияние в вопросах борьбы с «расхолаживающей» и «замораживающей» сущностью консерваторского академизма²¹.

Под академизмом в консерваториях деятели «русской школы» обычно понимали следование западным традициям обучения, направлению, проводившемуся братьями Рубинштейнами. Это направление в глазах националистически ориентированных авторов считалось чужеродным, ненациональным. В. В. Стасов писал: «...самое Русское музыкальное общество, их (консерваторий. – Д. Л.) голова и сердце, имело в своем корню направление вполне антинациональное, немецко-консерваторское. Это общество или вполне игнорировало новую русскую музыкальную школу, или же относилось к ней только со снисхождением, – точь-в-точь наша Академия художеств к новой русской школе живописи»²². Римский-Корсаков (а позднее – его друзья и ученики-«беляевцы») последовательно оказывался в стане «националистов»²³, а к концу XIX в. признавался официальным предводителем этого направления.

К тому же представление об академичности «беляевского кружка» исходило из лагеря «модернистов», постепенно вытеснявших на рубеже XIX–XX вв. приверженцев «передвижничества» и «кучкизма». Сам Б. В. Асафьев признавал свое «тяготение» в начале 10-х гг. XX в. к «Миру искусства» и журналам символического направления²⁴. Поэтому в терминах «академизма» и «новаторства» могла находить свое отражение традиционная борьба «отцов и детей»: молодых модернистов против отживших, по их мнению, установок господствовавшей «корсаковской школы».

Другое, на наш взгляд, прямо противоположное определение художественной направленности «беляевцев» – «реализм». С подобной точки зрения, «беляевский кружок» – прямое продолжение прогрессивной линии развития русской музыки, начиная с М. И. Глинки и заканчивая, как казалось «беляевцам», А. К. Глазуновым²⁵. Подтверждение этого взгляда находим, по-видимому, в знаменитом сравнении «балакиревского» и «беляевского» кружков Н. А. Римским-Корсаковым. Отмечая многочисленные отличия между ними, он все же настаивал на единой линии развития от «балакиревцев» к «беляевцам», присущей и тем и другим «передовитости, прогрессивности»²⁶. Под «передовитостью» же композитор, разумеется, подразумевал следование линии «новой русской школы», которую и принято в большинстве случаев считать реалистической.

Однако и в этом понятии много неясного. С одной стороны, даже у часто пользовавшегося термином «реализм» В. В. Стасова, как известно, не было четкого его определения. Реализм по Стасову – это не одна только «правда жизненная и душевная», презирающая «всю устарелую театральную фольгу и побрякушки»²⁷, но и требование наци-

ональности: «С чем художник родился, какими впечатлениями и картинами был постоянно окружен, среди чего вырос и возмужал, к чему глубоко прильнули глаза его и душа, только то и способен он высказать с великим выражением и правдой, с истинной силой. ...Наш век чем далее идет, тем более доказывает бессилие всякого искусства, не покоящегося на национальных корнях...»²⁸. И так, нереалистическое искусство – ненационально, а ненациональное – нереалистично. Поэтому не прав, по Стасову, А. С. Пушкин, увидевший в скульптуре Н. С. Пименова «Бабочник» произведение народное: созданное «без всякой жизненной правды» оно и от «русского» имело только «одно заглавие, да волосы, остриженные в кружок»²⁹.

Возможно, что с помощью еще одного своего излюбленного термина «самобытность» В. В. Стасов старался сформировать синтетическое понятие, включающее требования реализма и национальности. «Национальность – это что-то исключительное и особенное, – писал он, – что-то своеобразное и самобытное, а ничего из всего этого не терпит и не выносит классицизм старого и нового времени»³⁰.

С другой стороны, в использовании термина «реализм» применительно к русской музыке второй половины XIX в., в частности, к творчеству «беляевцев» практически невозможно разобраться без специального историографического подхода. В отечественной истории искусства интерес к термину «реализм» возникает в 20-е гг. XX в. в связи с так называемыми «социологическими» теориями искусства. В начале 30-х гг. он принимает массовый характер в связи с обсуждением лозунга «социалистического реализма», начинаются повальные поиски «реализмов» предшествовавших эпох, в том числе в истории музыки. Реализм в музыке XIX в. оказывается художественной политикой партии, «опрокинутой в прошлое»³¹.

Эта тенденция, впрочем, довольно нескорю коснется композиторов «беляевского кружка». В дискуссии на судьбоносном совещании деятелей советской музыки в ЦК ВКП (б) в январе 1948 г. т. Жданов заявил: «Надо восстановить в полной мере значение классического наследия, надо восстановить нормальную человеческую музыку. Надо подчеркнуть опасность ликвидации музыки, грозящую ей со стороны формалистического направления...»³². Так как в число композиторов-формалистов попали практически все крупнейшие советские композиторы, т. Жданову поневоле приходилось опираться на безмолвные имена композиторов-классиков, «реализм» которых, в таком ракурсе, оказывался непревзойденным. Произнесенное в ходе совещания выражение «полностью восстановленные партией» стало широко применяться к крупнейшим художникам и композиторам XIX в.

В отличие от ранее «реабилитированных» М. П. Мусоргского и М. И. Глинки «полное восстановление» творчества Н. А. Римского-Корсако-

ва пришлось на начало 1950-х гг., когда Институтом истории искусств АН СССР в серии «Музыкальное наследие» был выпущен академический двухтомник, посвященный исследованию его жизни и творчества и наполненный развенчанием «модернистской легенды» о Римском-Корсакове и прочими развенчаниями³³. На новый «светлый образ» композитора не должна была пасть тень тесного сотрудничества с представителями «крупного капитала». Критикуя отнесение творчества «беляевцев» к «академизму», редактор сборника выдвигал следующие положения: «Существование беляевского кружка до сих пор не изучено, роль самого Беляева бесконечно преувеличена, а облик Римского-Корсакова в эти годы затемнен...»³⁴. Дальнейшее разведение «беляевского дела» и «реалистического» творчества крупнейших композиторов его кружка привело к существенным искажениям исторического материала, некоторые из которых были показаны выше.

Какую же картину можно увидеть, если посмотреть на творчество «беляевского кружка» глазами самих участников, собиравшихся в гостеприимном доме купца-мецената? «Теперь уже признано лучшими ценителями всей Европы, – писал В. В. Стасов в биографическом очерке о М. П. Беляеве (1895), – что русская музыкальная школа именно в этом направлении выказала свою мощь и призвание, что важнейшая черта ее физиономии — *национальность*; со стороны национальности прежде всего взвешивают теперь создания нашей школы, и везде мало-помалу, во всей Европе все более и более расцветает и растет идея *национального* характера в музыке»³⁵. «...Пришедший на смену балакиревскому кружку беляевский кружок обозначает собой, в сущности, продолжение глинковского дела, – заявлял другой критик, «беляевец» В. Г. Каратыгин, – <...> установления, развития, очищения и укрепления национального стиля в музыке»³⁶. «Во всех своих отраслях оно («беляевское дело». – Д. Л.) вытекало из одного лишь начала – идеи всемерного содействия развитию русской национальной музыки», – считал участник «пятниц» и биограф Беляева А. В. Оссовский³⁷. И так, национальный принцип чаще всего ставился во главу угла самими «беляевцами» в вопросах самоидентификации. Об этом говорит и самоназвание кружка – «новая русская школа» – в котором ключевое значение имеет, конечно, определение «русская».

Однако национализм национализму рознь. С одной стороны, мы наблюдаем национализм «Гражданина» кн. Мещерского, упрекавшего лагерь братьев Рубинштейнов в том, что консерватории под их водительством «сделались средством для распложения в столицах жидов»³⁸. С другой стороны, это национализм В. В. Стасова, принявшего к своему 70-летию звание почетного члена «Общества распространения просвещения среди евреев»³⁹. В «беляевском кружке» понятие «русский композитор» определялось только под-

данством: среди членов кружка были люди самых различных национальностей, в том числе евреи. Постоянный участник «пятниц» и личный друг М. П. Беляева композитор И. И. Витол настаивал на том, что несмотря на исповедуемые Беляевым политические взгляды, близкие к шовинизму, «этот шовинизм отнюдь не касался ни личностей, ни этнографических особенностей»⁴⁰.

В статье, написанной по поводу 17-летия Русских симфонических концертов, сам М. П. Беляев, посетовав на то, что «большинство публики до сих пор относится к этим концертам равнодушно, но это свойственно русскому человеку, который скорее склонен относиться недоверчиво или даже хулить свое родное, чем радоваться хотя бы малому успеху своего соотечественника в области искусства», выражал убеждение, «что рано или поздно, но настанет время, когда русское национальное чувство к родному музыкальному искусству воспрянет и теперешнее равнодушие заменится видимым сочувствием большинства»⁴¹. Большое значение имели беляевские концерты на Всемирной выставке в Париже 1889 г. Здесь, в условиях «парада национализмов», «беляевцы» старались не только продемонстрировать собственные достижения, но и представить национальное направление как миссию русской нации перед европейским миром. Годом позже Римский-Корсаков с нескрываемым разочарованием писал: «Они (иностранцы. – Д. Л.) очень ценят русскую музыку; говорят, что русские сделали «кельке шоз де нуво» и т. п. Но сквозь это звучит нотка протектората. Глупые они: не понимают того, что русские сделали столько, что им и во сне присниться не может. Если б они понимали, то должны были бы восхищаться и благоговеть и каждую русскую нотку ценить на вес золота...». Таковы некоторые особенности саморепрезентации беляевского направления.

Но можно ли говорить о национализме как художественном направлении вообще? Поставив вопрос таким образом, надо иметь в виду понимание нации в качестве «воображаемого сообщества», для мобилизации которого чрезвычайно важна роль различных культурных средств, в том числе музыки и живописи. В конечном итоге, нельзя говорить о художественном направлении без специализированного искусствоведческого исследования, однако представляется очевидным, что описанная проблема открыта для исследования и перспективна.

Примечания

- 1 Балакирев М. А. Воспоминания и письма. Л., 1962. С. 346.
- 2 См.: Рубинштейн А. Г. Литературное наследство: В 3 т. Т. 1: Статьи, книги, докладные записки, речи. М., 1983. С. 101–102.
- 3 См.: Стасов В. В. Митрофан Петрович Беляев. М., 1954. С. 8–9.

- 4 Выдающийся филолог-языковед, директор Высших женских курсов с 1910 года.
- 5 Русский биографический словарь: В 20 т. М., 1998. Т. 2. С. 303.
- 6 Montagu-Nathan M. Belaiev – Maecenas of Russian Music // The Musical Quarterly. 1918. Vol. 4. № 3 (Jul). P. 450.
- 7 См.: Янковский М. О. Глазунов: вехи жизненного пути // Глазунов. Исследования. Материалы. Публикации. Письма: В 2 т. Л., 1959. Т. 1. С. 29–32.
- 8 Помимо большого количества воспоминаний участников «пятниц» «беляевскому кружку» посвящен также популярный очерк В. Я. Трайнина (см.: Трайнин В. Я. М. П. Беляев и его кружок. Л., 1975). Из более новых работ см.: Луконин Д. Е. Кружки как форма организации досуга русской художественной интеллигенции (на примере «беляевского кружка») // Городская повседневность в России и на Западе: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2006. С. 79–109.
- 9 Янковский М. О. Указ. соч. С. 28–42.
- 10 Там же. С. 30–31.
- 11 Там же. С. 37–39, 65.
- 12 См.: Римский-Корсаков Н. А. Летопись моей музыкальной жизни // Полн. собр. соч.: В 8 т. М., 1955. Т. 1. С. 163, 175.
- 13 См.: Стасов В. В. Указ. соч. С. 20–21. В своей обобщающей работе «Искусство XIX века» В. В. Стасов со ссылкой на мнение А. К. Глазунова называет М. П. Беляева «опорой» новой русской музыкальной школы (см.: Стасов В. В. Избранные соч.: В 3 т. М., 1952. Т. 3. С. 754). Многочисленные свидетельства других участников кружка можно найти в издании: Памяти Митрофана Петровича Беляева: Сб. очерков, ст. и воспоминаний. Париж, 1929.
- 14 Новое время. 1889. 2 окт. (№ 4883). С. 2.
- 15 Глебов И. (Асафьев Б. В.) Соблазны и преодоления // Мелос. СПб., 1917. Кн. 1. С. 11–12.
- 16 Он же. Пути в будущее // Мелос. СПб., 1918. Кн. 2. С. 84.
- 17 Асафьев Б. В. Русская музыка от начала XIX столетия. М.; Л., 1930. С. 257, 294.
- 18 Имеются в виду представители «пролетарской музыки» (РАПМ – Российской ассоциации пролетарских музыкантов), ведущие в 20-е – начале 30-х гг. непримиримую борьбу на всех фронтах с Ассоциацией современной музыки, главой которых считался Б. В. Асафьев. (Подробнее об этом см.: Луконин Д. Е. Борьба за искусство и искусство борьбы // Историк и власть: советские историки сталинской эпохи. Саратов, 2007. С. 46–96.) Так, например, один из самых видных рапмовцев писал: «Творчество беляевцев академично, лишено творческого порыва, в нем преобладают уменье, техника над содержанием». (См.: Громан-Соловцов А. А. Классовые корни «кучкизма» в свете ленинских взглядов на общественное развитие России // Пролетарский музыкант. 1932. № 2 (30). С. 87.)
- 19 Черепнин Н. Н. Воспоминания музыканта. Л., 1976. С. 74–75.
- 20 Стасов В. В. Двадцать пять лет русского искусства // Стасов В. В. Избранные сочинения: В 3 т. М., 1952. Т. 2. С. 531.

- ²¹ См.: Соколов Н. А. Воспоминания о Римском-Корсакове. СПб., 1908. С. 4–5.
- ²² Стасов В. В. Двадцать пять лет русского искусства. С. 538.
- ²³ Борьбу между «националистами» и представителями «лагеря Рубинштейна» признавал, между прочим, и Б. В. Асафьев, в учебнике которого ей посвящены яркие страницы (см.: Асафьев Б. В. Русская музыка от начала XIX столетия. С. XI–XII).
- ²⁴ Б. В. Асафьев о себе // Воспоминания о Б. В. Асафьеве / Сост. А. Н. Крюков. Л., 1974. С. 462.
- ²⁵ См.: Стасов В. В. Письма к родным: В 3 т. М., 1962. Т. 3, ч. 2: 1900–1906. С. 222.
- ²⁶ Римский-Корсаков Н. А. Летопись моей музыкальной жизни. С. 163.
- ²⁷ Стасов В. В. Двадцать пять лет русского искусства. С. 534.
- ²⁸ Он же. После всемирной выставки // Стасов В. В. Собр. соч.: В 3 т. СПб., 1894. Т. 1. Отд. 2. Стб. 683.
- ²⁹ Он же. Тормозы нового русского искусства // Стасов В. В. Избранные соч.: В 3 т. Т. 2. С. 588.
- ³⁰ Стасов В. В. Письма из чужих краев // Стасов В. В. Собр. соч. Т. 1. Отд. 2. Стб. 593.
- ³¹ Ирина Гуткин находит даже возможным говорить о «переориентации исторической перспективы» в связи с развитием мировоззрения, основанного на «социалистическом реализме» (см.: Gutkin I. The Cultural Origin of the Socialist Realist Aesthetic. 1890–1934 // Northwestern University Press, 1999. P. 36–38).
- ³² Совещание деятелей советской музыки в ЦК ВКП (б). М., 1948. С. 146. Тогда же, между прочим, было полностью «реабилитировано» критическое наследие В. В. Стасова, цитаты из трудов которого т. Жданов неоднократно использовал в данной дискуссии.
- ³³ Римский-Корсаков: Исследования, материалы, письма: В 2 т. М., 1953.
- ³⁴ Римский-Корсаков: Исследования, материалы, письма. Т. 1. С. 11–12.
- ³⁵ Стасов В. В. Митрофан Петрович Беляев. С. 20–21.
- ³⁶ Каратыгин В. Г. Скрябин: Очерк. Пг., 1915. С. 7. (В. Г. Каратыгин получил музыкальное образование на средства своего «патрона» М. П. Беляева.)
- ³⁷ М. П. Беляев и основанное им музыкальное дело: Краткий очерк. СПб., 1910. С. 22.
- ³⁸ Наши консерватории // Новое время. 1889. 7 июля. (№ 4796). С. 1.
- ³⁹ Незабвенному Владимиру Васильевичу Стасову: Сборник воспоминаний. СПб., 1908. С. 154.
- ⁴⁰ Витол И. И. Митрофан Петрович Беляев // Памяти Митрофана Петровича Беляева. С. 32.
- ⁴¹ ОР СПбГК, архив М. П. Беляева, № 2696, л. 2 об.

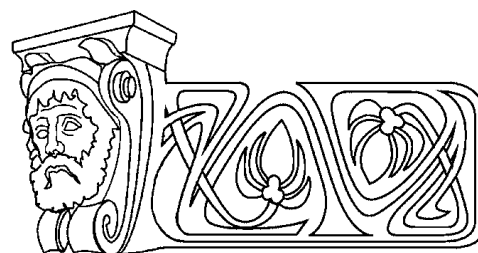
УДК 72(470.326–89)(09)«18»

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ БОРИСОГЛЕБСКОГО УЕЗДА ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX веке

С.В. Ласкина

ГОУ ВПО «Борисоглебский государственный педагогический институт»,
кафедра истории и методики её преподавания
E-mail: S_laskina@mail.ru

В статье представлена характеристика историко-культурных объектов Борисоглебского уезда Тамбовской губернии в XIX веке. Борисоглебск – второй по величине и социально-экономическому, культурному уровню город Воронежской области. Он является настоящим музеем-заповедником, насчитывающим более сотни историко-культурных и архитектурных памятников, сохранивших элементы декоративной отделки XIX века. На основе опубликованных исторических источников и архивных материалов создан исторический, архитектурный облик города. Дана характеристика архитектурных памятников культового, общественного, культурного назначения (церкви, учебные, административные здания), выполненных в стилях барокко, классицизма, эклектики. Градостроительная и архитектурно-художественная характеристика Борисоглебска позволяет показать процесс становления типичного русского торгово-купеческого города с развитым образовательным и культурным уровнем.

Historical and Cultural Heritage of Borisoglebsk District of Tambov Province in XIXth Century

S.V. Laskina

The article represents some features of objects of the historical and cultural heritage in Borisoglebsk district of Tambov губернии in 19th century. Borisoglebsk is the second largest in its social-economic and cultural level city in Voronezh region. It is a real city-reserve, counting more than hundreds of historian-cultural and architectural monuments which saved elements of the decorative interior of 19th century. The architectural outlook of the city has been created on base of the published source books on history and archive materials. The characteristics of religious, public, cultural architectural monuments (churches, educational and administrative facilities) performed in baroque, classicism and eclectic style are given here. Borisoglebsk's urban development and architectural features allow showing the process of the formation of a typical Russian trade-merchant's city with developed educational and cultural level.

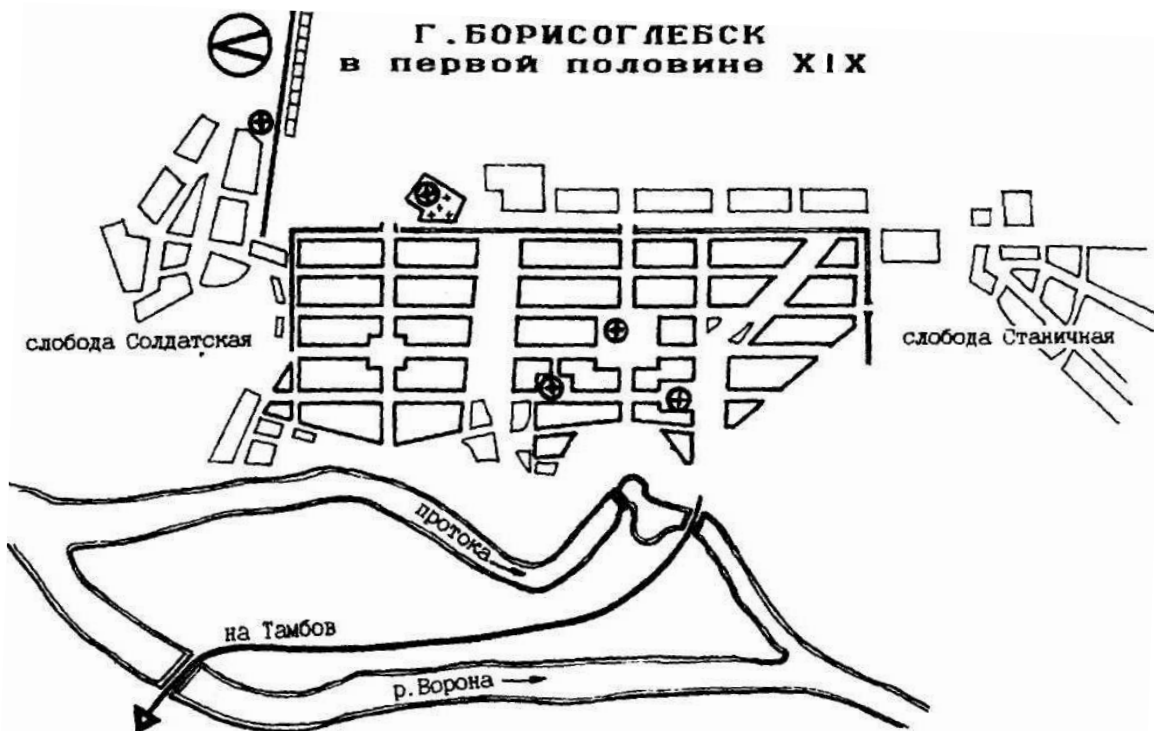
Борисоглебск – второй по величине и социально-экономическому, культурному уровню город Воронежской области, с 1796 г. по 1928 г. входивший в состав Тамбовской губернии. Борисоглебск в XIX в. являлся крупным торговым и культурный центром Центрального Черноземья.

По данным материалов Свода памятников Воронежской области¹, в Борисоглебске насчитывается более сотни историко-культурных объектов, большинство которых относится ко второй половине XIX – началу XX в.

Его геополитическое положение, природный ландшафт благоприятствовали строительству. Попытка создать укрепленное поселение при впадении реки Вороны в Хопер была сделана еще в 40-е гг. XVII в. В книге известного тамбовского историка-краеведа Петра Николаевича Черменского «Прошлое Тамбовского края» сказано: «В 1698 г. у устья Вороны был построен город Павловск, переименованный вскоре в Борисоглебск»². Крепость, как и во многих русских городах, стала основанием будущего города. На плане она представляла неправильный квадрат, в углах которого возвышались крепостные башни. Западная крепостная стена проходила над краем береговой террасы Вороны, южная соединяла крепостные башни, стоявшие на бровках склонов берега и южного оврага. В центре северной стены возвышалась проезжая башня, обращенная в сторону «большой дороги в Тамбов». Крепость Павловск являлась сторожевым укрепленным пунктом от набегов татар и донской вольницы. В 1704 г. ее считают городом и город, как указывают источники, переименовывают в Борисоглебск по названию церкви, построенной в том же году³.

Церкви были главными визуальными доминантами Борисоглебска. Их вертикали акцентировали основные планировочные узлы, смысловые и функциональные зоны города: поднимаясь над невысокой застройкой города, церкви определяли масштаб и компоновку улиц и площадей. Так, Успенская, Казанская и Преображенская церкви имели первостепенное значение в восприятии панорамы города, фиксируя его исторические площади, сформировавшиеся еще в XVIII в. На улице Большой (Свободы) стояла кладбищенская церковь-часовня Иконы Божьей Матери, над Александровской гимназией возвышалась главка домовая церкви. Северную часть города фиксировала вертикаль Казанской церкви Солдатской слободы, в южной же части, напротив друг друга стояли Знаменская церковь Станичной слободы и домовая церковь Иоанна Богослова (с колокольной и главкой) при железнодорожном училище. В восточной части города, почти на одной широтной оси с церквями Успения и Сретения, находилась полковая церковь. Многочисленные архивные фотографии Борисоглебска конца XIX – начала XX в. сохранили облик всех церквей города. Несмотря на разновременность строительства зданий и различие фасадного декора, всем им (как и вообще церквям Тамбовской епархии) были присущи шатровые завершения. К настоящему времени в городе сохранилось четыре культовых здания, а также две домовые церкви. Изучая архитектурные памятники Борисоглебска, необходимо отметить, что *строительство города включало три этапа*:

I этап. В конце XVII – начале XIX в. формировался город (крепость и посад) и его слободы,

складывалась свободная, обусловленная ландшафтом местности композиция поселения.

II этап. В первой половине XIX в. произошло преобразования планировочной структуры города на основе применения регулярного градостроительства.

III этап. Во второй половине XIX – начале XX в. расширяется территория города, развивается его функциональная структура, а также архитектурно-пространственная среда, которая во многом сохранилась до сегодняшнего дня.

С 1806 г. начинается второй этап развития города. 19 октября 1806 года был утвержден регулярный план Борисоглебска, этому предшествовала длительная и кропотливая работа местных землемеров. В архивах сохранилось множество рабочих вариантов плана города. Интересен один из них, содержащий подробную роспись градостроительной комиссии о том, как надо размещать отдельные городские объекты⁴.

По утвержденному регулярному плану территория города ограничивалась с юга и востока валом. Сетка улиц была запроектирована по широтному и меридиональному направлениям. На плане было сохранено сложившееся в XVIII в. деление города на три части.

Средняя часть была разбита на 8 кварталов прямоугольной и 4 квартала трапециевидной формы, объединенных тремя площадями. На главной широтной планировочной оси, в центре, размещалась большая квадратная Торговая площадь. Западнее, параллельно реке, проходила меридиональная планировочная ось с двумя исторически сложившимися площадями: с юга – Соборной, с севера – Казанской. Кварталы застройки рядом с Соборной площадью отводились по плану под «присутственные места и прочие казенные строения», а в районе Казанской – под «каменные обывательские дома с лавками».

Северная часть города, включавшая 10 прямоугольных кварталов и одну площадь, была спроектирована вновь на территории Солдатской слободы, при этом слобода была передвинута дальше на север.

Южная часть города расположилась на территории Станичной слободы, пересекаясь по диагонали улицей, ориентированной на Соборную площадь. В этой жилой части города кварталы были трапециевидной формы. Строительство общественных, жилых и промышленных зданий в 1806–1840 гг. осуществлялось строго в соответствии с генеральным планом. Так, в квартале, отведенном под «казенные строения», до середины XIX в. располагались здания тюрьмы, городской думы, присутственных мест, больницы. У реки и в её пойме размещались воскобойный, мыловаренный, пивной, винный, кожевенный заводы, шерстомойни и водяные мельницы. За городской вал, в восточном направлении, были вынесены салотопенные заводы, ветряные мельницы. Кузницы были сконцентрированы в

северном овраге, дав название улице Кузнечной. Экономическое развитие города в середине XIX в. привело к росту численности населения, что, в свою очередь, вызвало необходимость увеличения территории Борисоглебска.

В конце 1860-х г. разрабатывается второй генеральный план, который был утвержден 7 марта 1867 г. в Техническо-строительном комитете Сената. По этому плану город стал развиваться в восточном направлении.

На планах 1867, 1904, 1914 гг. видно чёткое разделение города на западную часть, которая сформировалась в первой половине XIX в., и восточную, образованную во второй половине XIX – начале XX в. Восточная часть города имеет форму правильного квадрата, ограниченного с юга железной дорогой, с восток – ул. Кладбищенской, с запада – ул. Большой, с севера – территорией завода.

Кварталы здесь значительно мельче, чем в старой части города, а площади – крупнее. На востоке городскую территорию ограничивали постройки запасного кавалерийского полка.

Для пригородных слобод Борисоглебска, вынесенных в начале XIX в. за черту города, генеральных планов не разрабатывали, и поэтому они развивались, с одной стороны, свободно, подчиняясь главным трассам движения и рельефу местности, а с другой – структуре самого города.

Солдатская слобода имела небольшие кварталы прямоугольной формы, полукольцом охватывающие северные заболоченные пойменные территории и располагающиеся далее к северо-востоку, вдоль дороги на село Чигорак.

Станичная слобода располагалась за железной дорогой. Первоначально, в первой половине XIX в., она формировалась по бровке надпойменной террасы рек Вороны и Хопра, о чем свидетельствует напоминающая лучевую планировка с небольшими кварталами неправильной формы. После строительства железной дороги слобода получила развитие в юго-восточном направлении. Кварталы этой части, правильной прямоугольной формы, расположились параллельно железной дороге.

Застройка Борисоглебска первой половины XIX в. тесно связана с так называемыми «образцовыми проектами». Однако каменное строительство в городе в первые два десятилетия XIX в. практически не велось. Исключение составили Казанская церковь на территории бывшей Солдатской слободы и «образцовый» двухэтажный жилой дом на Торговой площади. В 1830–1840-е гг. на Торговой площади были поставлены еще три каменных дома. К 1847 г. во всем городе насчитывалось около 20 каменных строений. Внешний вид сохранившихся зданий этого периода свидетельствует об использовании «образцовых» проектов 1809–1812 гг., изданных под названием «Собрание фасадов Его Императорским Величеством высочайше апробированных для частных

строений в городах Российской Империи». В конце 1840 – начале 1850-х гг. для Борисоглебска был разработан проект здания присутственных мест, которое предполагалось разместить западнее Успенского собора, на одной оси с ним. Однако двухэтажное здание, выполненное по «образцовому» проекту, было построено лишь в 1862 г. севернее первоначально предполагаемого участка. В 1850-е гг. на Торговой площади были сооружены двухэтажные здания магазинов, проекты которых заимствованы из альбомов «образцовых фасадов» 1843–1845-х гг. В северной части была воздвигнута Преображенская церковь.

К середине 1850-х гг. действовавшие прежде жесткие нормы регулярной планировочной системы застройки значительно упрощаются. Это совпадает с периодом повышения экономического благосостояния жителей Борисоглебска. В результате в центре города, особенно вблизи Торговой площади (с 1859 г. – Новособорной), начинается массовое строительство одно-, двухэтажных кирпичных жилых домов, лавок, трактиров.

Реформы 60-х гг. XIX века, развитие промышленности и транспорта коснулись Борисоглебска. Решающим событием стало строительство и открытие движения по железной дороге Грязи – Борисоглебск и Борисоглебск – Царицын (1869–1871 гг.). Пути сообщения связали город с промышленными центрами страны и с портами Балтийского моря. В марте 1868 г. Борисоглебское уездное земство получило концессию на строительство железной дороги Грязи – Борисоглебск, а позднее, 20 июля 1869 г. – разрешение на продолжение дороги до Царицына. Линия первого отделения (от Грязей до Борисоглебска) была построена в декабре 1869 г., движение по линии Борисоглебск – Царицын открылось 25 июля 1871 г. В этом же году началась эксплуатация здания вокзала. В нем с 1871 по 1893 г. находилось управление Грязе-Царицынской железной дороги. С 1893 г., с образованием Общества Юго-Восточных железных дорог, здесь размещалось Северное управление Общества (южное находилось в Воронеже). В 1870-е гг. управляющим Грязе-Царицынской железной дороги был инженер Н.О. Кулжинский, в 80-е гг. – П.Е. Сувчинский. В 1869 г. были открыты железнодорожные мастерские для ремонта подвижного состава, ставшие впоследствии главными на Грязе-Царицынской железной дороге. Здесь в 1888–1889 гг. работал А.М. Пешков (М. Горький). Борисоглебские впечатления оставили след в жизни и творчестве писателя и нашли отражение в рассказах «Сторож», «Скуки ради», «Книга».

В конце XIX – начале XX в. была построена большая часть сохранившихся до сегодняшнего дня жилых домов, административных, банковских, торговых, учебных и промышленных зданий. В XIX в. Борисоглебск выделялся среди других уездных городов Тамбовской и Воронежской губерний достаточно высоким уровнем развития культуры и образования.

Народное образование в этот период представляло собой многоуровневую систему разноплановых учебных заведений. В ней выделялись:

- Борисоглебское уездное училище;
- Александровская классическая гимназия;
- Маринская женская гимназия;
- Техническое железнодорожное училище;
- церковно-приходские школы;
- приходские училища;
- земские школы (начальные народные училища).

Во второй половине XIX в. население города составляло 22309 человек, в уезде проживало 261997 человек. По сведениям Первой всеобщей переписи населения, грамотными в Борисоглебске были 59,5% мужчин и 34,7% женщин, среди сельского населения – 24% мужчин и 4,4% женщин⁵.

Идея об учреждении и открытии в Борисоглебске среднего учебного заведения у городской управы возникла еще в 1872 г. Однако лишь спустя 8 лет, в октябре 1880 г. состоялось открытие прогимназии, названной Александровской в честь 25-летия царствования Александра II. Директором прогимназии с момента основания и до 1896 г. был Д.М. Вязьмин. С октября 1897 г. директором 8-классной гимназии был назначен Ф.И. Заркевич – выпускник Харьковского университета, преподаватель истории и географии. Борисоглебская прогимназия, а затем гимназия была престижным учебным заведением города: существовал конкурс на поступление в это учебное заведение. В период с 1 октября 1880 г. по 1 октября 1890 г. в гимназии обучалось 420 учеников, из них: 113 – дети дворян и чиновников, 20 – дети служителей церкви, 174 – из различных городских сословий, 49 – из разночинцев, 47 – из сельских сословий, 17 иностранцев.⁶

В конце XIX в. в городе функционировали две библиотеки: библиотека М.И. Ивановой, открытая в 70-х годах XIX в., и Публичная городская библиотека – первая общественная библиотека Борисоглебска. Она была открыта в январе 1897 г. по инициативе интеллигенции города и инспектора народных училищ Н.В. Павловского. В библиотеке не было штатных работников, и вся работа осуществлялась на добровольных началах. Библиотечный фонд был собран за счет пожертвований, а также путем выписки книг из московских книжных магазинов. К концу первого года работы книжный фонд составлял 1886 названий в 3197 томах по таким разделам знаний, как: философские науки, психология, политическая экономия, статистика, история, география, естествознание, публицистика, языковедение. Кроме того, была литература по искусству, детская, беллетристика, так называемая «литература для народа», справочные и периодические издания.

Таким образом, краткий анализ архитектурно-культурного наследия помогает воссоздать историю развития Борисоглебска, показать процесс становления типичного русского торгово-купеческого города с достаточно высоким образовательным и культурным уровнем.

Примечания

- 1 См.: Зайцева А.А., Кригер Л.В. Историко-культурное наследие Борисоглебской земли (материалы Свода памятников Воронежской области). М., 1994.
- 2 Черменский П.Н. Прошлое Тамбовского края. Тамбов, 1961. С. 23.

- 3 Борисоглебский край: Историко-краеведческий сборник. Вып. I / Под ред. В.В. Самошкина. Борисоглебск, 1998. С. 55.
- 4 См.: Зайцева А.А., Кригер Л.В. Указ. соч. С. 19.
- 5 Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Тамбовская губерния / Под ред. Н.А. Тройницкого. М., 1904. Т. 42. С. 24.
- 6 См.: Гостев В.М. Исторический отчет возникновения, состояния и деятельности Александровской Борисоглебской гимназии, по случаю исполнения 1 октября 1905 года 25-летия ее существования. 1880–1905. Борисоглебск, 1905. С. 32.

УДК 882.09+929

«...СДЕЛАТЬ ЭТО ИЗДАНИЕ Я СЧИТАЛ СВОИМ ДОЛГОМ» (к истории создания первого собрания сочинений Н. Г. Чернышевского)

Е.Н. Манова

Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: histrus@sgu.ru

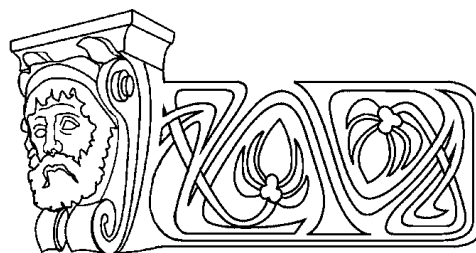
Главным делом жизни Михаила Николаевича Чернышевского, младшего сына Н. Г. Чернышевского, было систематическое изучение личной и творческой биографии отца, стремление сохранить и обнародовать его литературно-философское наследие. Михаил Николаевич издал первое собрание сочинений Н. Г. Чернышевского. Настоящая публикация дает представление о тираже и стоимости издания, а также трудностях, связанных с его реализацией.

«...I Regarded this Publication as My Derby» (about the history of N.G.Chernyshevski's first collection of works)

E.N. Manova

The main business of the life of Michael Nikolayevich Chernyshevski (1858–1924), N. G. Chernyshevski is younger son, was regular study of personal and creative biography of his father, aspiration to keep and promulgate his literary-philosophical heritage. Michael Nikolayevich issued first collected works of N. G. Chernyshevsk's. The present publication gives notion of the number of copies and the cost of the edition, and also the difficulties with its sale.

Несмотря на наличие в наши дни множества разнообразных изданий – публикаций первоисточников, монографических исследований, научно-популярной и даже художественной литературы¹, освещающих жизнь и труды Н. Г. Чернышевского и лиц из его ближайшего дружеского и семейного окружения, обращение исследователей к данной проблеме по-прежнему сохраняет свою актуальность. Перед современными учеными

стоит большая и сложная задача: отказавшись от мифологизированного облика талантливого писателя и мыслителя, приложить максимум усилий не только для восстановления его доброго имени в памяти потомков, но и для реальной оценки его личного вклада в сокровищницу российской культуры и общественной мысли. Кроме этого историкам предстоит немало еще потрудиться над заполнением многочисленных лакун, образовавшихся за длительный период изучения вокруг имени Н. Г. Чернышевского.

Одной из таких «недописанных» страниц в «родословной» опального литератора является жизнеописание его младшего сына, Михаила Николаевича Чернышевского (1858–1924)². Всю свою недолгую, но удивительно насыщенную событиями жизнь он, по справедливому замечанию Н. М. Чернышевской, без остатка «...посвятил служению памяти своего отца: был его историком, библиографом, издателем его сочинений; огромную и трудную работу проделал Михаил Николаевич по расшифровке дневников отца (1848–1853), а в последние годы жизни основал Дом-музей Николая Гавриловича»³.

После смерти М. Н. Чернышевского сохранился богатый в количественном и содержательном отношении личный архив, включающий в себя дневники, записные книжки, переписку семейного и делового характера, коллекцию документов по истории издания полного собрания сочинений Н. Г. Чернышевского. Но, увы, даже при таком изобилии разноплановых источников, жизнь и труды этого, безусловно, незаурядного человека, по сей день, за исключением отдельных публикаций⁴, не удостоились пристального внимания историков. Попытаться хотя бы частично восполнить данное упущение, сосредоточив вни-

мание на научной и издательской деятельности М. Н. Чернышевского, – такова задача, стоящая перед автором статьи.

С момента, когда был снят негласный запрет на упоминания в подцензурной печати имени Н. Г. Чернышевского, его сын вплотную приступил к разбору и переписке писем и бумаг для биографии отца, чем занимался ежедневно в течение нескольких лет, «хоть понемногу, за исключением тех дней, когда был болен или уезжал»⁵.

24 декабря 1904 г. Михаилом Николаевичем было получено из Главного Управления по делам печати официальное разрешение на публикацию сочинений покойного родителя с указанием имени автора, на общих основаниях цензурного устава того времени⁶. Издавать разрешалось по текстам «Современника». К этому списку Михаил Николаевич на свой страх и риск решил добавить еще расшифрованный им дневник отца 1853 г. и произведения, написанные им в сибирской ссылке.

«У меня был подготовлен почти весь материал для полного собрания сочинений, но все-таки я не мог тотчас же приступить к нему: надо было произвести окончательную систематизацию и разборку, собрать то, чего не хватало»⁷, – отмечал он в записных книжках.

На все это должно было уйти несколько месяцев, в связи с чем М. Н. Чернышевский решил вначале издать самостоятельными томами «Статьи по крестьянскому вопросу» и роман «Что делать?», а уже затем, с учетом конъюнктуры книжного рынка, приступить к выпуску полного собрания сочинений.

Итак, книги были сданы в печать в условиях надвигающейся первой русской революции. В Петербурге начались «большие беспорядки, так что было небезопасно выходить на улицу, – сообщил М. Н. Чернышевский в письме к Ольге Сократовне от 14 января 1905 г. – Разбивали окна, грабили лавки <...> газет не выходит, так как и типографии забастовали»⁸. В связи с этими событиями Михаил Николаевич переживал за дальнейшую судьбу сочинений отца: «Неизвестно теперь, можно ли будет продолжать печатание, когда типографии и заработают, так как теперь, по-видимому, хотят опять вернуться к самому строгому режиму и чего доброго опять запретят сочинения»⁹. Этого не произошло и в марте 1905 г. роман «Что делать?» вышел в свет. В письме к матери М. Н. Чернышевский отмечал: «Сейчас я ещё не могу ничего определённого сказать, книжка только ещё поступила в продажу и, прежде всего, должны быть уплачены расходы по изданию <...>. Но во всяком случае я думаю, что через несколько месяцев можно будет получать около 100 [рублей] в месяц»¹⁰. Итог по изданию и реализации романа превзошел, по признанию Михаила Николаевича, самые смелые ожидания. «Успех “Что делать?”, – писал он, – был поразительный: в две недели разошлось все издание в 10000 экземпляров, так что летом того же года я выпустил второе издание

также в количестве 10000 экземпляров, которое было распродано в течение года»¹¹.

«Пусть нас упрекнут в сентиментальности, но увидеть, наконец, изданными в России сочинения Н. Г. Чернышевского в высшей степени приятно, – отмечалось в газете «Наша жизнь». – Без сомнения статьи по крестьянскому вопросу не представляют теперь живого теоретического и тем более практического интереса, но пересмотреть их вновь бесполезно и теперь <...> И мы думаем, что читатель, раскрыв этот сборник статей <...> многое перечтет вновь с удовольствием и с пользой, – так велика увлекательность простоты его языка, ясности его мысли и логичности изложения предмета»¹².

«Николай Гаврилович Чернышевский не принадлежит к числу забытых писателей. И до сих пор могут быть важны и ценны его мнения по вопросам публицистики, литературы, искусства <...> его роман “Что делать?”, благодаря заботам цензуры, давно сделался обязательным этапом умственного развития молодежи», – констатировал журнал «Вестник Европы»¹³.

Нынешнее поколение россиян по-разному может относиться к художественным и идеологическим ценностям этого некогда эпохального произведения Н. Г. Чернышевского. Отрицать его мощное воздействие на современников абсолютно неправомочно. Русская молодежь, как писал А. М. Скабичевский, искала в романе «не какие-либо эстетические красоты, а программу для своей деятельности». Он писал: «Я немало не преувеличу, когда скажу, что мы читали роман, чуть ли не коленопреклоненно, с таким благочестием, какое не допускает ни малейшей улыбки на устах, с каким читают богослужебные книги. Влияние романа было колоссально на все наше общество»¹⁴. Это мнение поддерживают и разделяют не только отечественные исследователи, но также и их зарубежные коллеги. Так, например, А. Глисон пишет по этому поводу: «Как бы ни казались современному читателю безжизненными и карикатурными герои Чернышевского, они дали русской молодежи то же, что дал Че Гевара гораздо более позднему поколению радикальных студентов: комплекс идей, программу и образ поведения»¹⁵. И, несомненно, что после указанного выше издательского триумфа романа «Что делать?» не многие могли сомневаться «в большом успехе и полного собрания сочинений» опального писателя»¹⁶.

Полное собрание сочинений предполагалось издать в десяти томах по сорок печатных листов в каждом. За образец решено было взять «сочинения Салтыкова и по формату, и по шрифту»¹⁷. Объявленная по подписке цена десяти томов составляла пятнадцать рублей, а с пересылкой – двадцать. В одной из газетных статей Михаил Николаевич указывал на то, что «печатанное ныне издание будет заключать в себе именно «полное» собрание сочинений Н. Г. Чернышевского, гораздо

более полное, чем заграничное. Имеющийся у меня список сочинений моего отца, составленный А. Н. Пыпиным как наиболее компетентным в этом отношении лицом, и, кроме того, сверен с имеющимися у меня подлинными рукописями моего отца как напечатанными, так и не напечатанными»¹⁸. Из объявленного прессой содержания собрания сочинений было видно, что ни одна из выпущенных ранее книг не совпадает с томами предполагаемого издания. «Вышедшие отдельно тома подобраны более или менее однородно по содержанию; напротив, в полном собрании сочинений предполагается гораздо строже выдержать хронологический порядок», – отмечал корреспондент газеты «Наша жизнь» В. Водовозов¹⁹.

При таком большом объеме издания уже с самого начала было ясно, что если тираж будет печататься одна типография, она сможет завершить его через несколько лет. Исходя из этих соображений, Михаил Николаевич кроме Тихонова, у которого печатался до сих пор, обратился в типографии Вайсберга, Гершунина и Крайза. 26 июля 1905 г. М. Н. Чернышевский сдал в типографию Вайсберга материал для книги, которая должна была составить седьмой том полного собрания сочинений²⁰. В свое время на вопрос, какие из своих трудов он считает наиболее важными, Н. Г. Чернышевский отвечал, что к таковым он относит издание «Политической экономии Д. С. Милля» и «Очерки гоголевского периода русской литературы»²¹. Возможно, именно по этой причине его сын в первую очередь и сдал в печать том, который назывался «Милль, политическая экономия, перевод и примечания», поскольку ранее уже были изданы очерки гоголевского периода. Михаил Николаевич начал издание до нового закона о печати. Книгу надо было представлять в цензуру, и поэтому главу Милля, которую цензура не пропустила в 1861 г. (впоследствии она была напечатана за границей), он поместил в конце, рассчитывая, что если цензура потребует исключить ее, то это легко можно будет сделать, не портя книги. К счастью, этого не произошло, и 1 ноября 1905 г. седьмой том вышел из печати. «Но глава <...> все-таки не на своем месте», – сетовал М. Н. Чернышевский²².

Шел 1905 г. В России вспыхнул пожар революции. Начались забастовки. О нормальном ходе работ в типографиях нечего было и думать. Издатель М. М. Стасюлевич 9 декабря 1905 г. писал: «Вчера у нас объявлена всеобщая забастовка, и моя типография закрыта! Завтра, как говорят, не выйдет ни одна газета. Куда мы идем?! Россия, можно подумать, хочет покончить свою историю – самоубийством!!»²³.

В таких условиях Михаил Николаевич оказался перед выбором: либо забыть обо всем и бросить уже начатую работу, либо употребить все усилия к скорейшему ее завершению. «Бросить мне было жаль; да к тому же я рассчитал, что это будет уже совсем невыгодно: в ноябре у меня, кроме уже выпущенной первой книжки, печата-

лись еще три»²⁴. Вайсберг, отпечатав первую книгу за три месяца, вторую (том третий), за семь месяцев, затем отказался печатать сочинения за недостатком свободного шрифта. Подходящие шрифты оказались в типографиях Яблонского и Стасюлевича, которым М. Н. Чернышевский и отдал печатать девятый том, для выигрыша времени разделив его между двумя издателями.

Половина этого тома состояла из материалов архива А.Н.Пыпина. Дело в том, что Вера Александровна Пыпина по завещанию своего отца стала единственной наследницей его богатейшего архива. Она начала извлекать оттуда все относящееся к Николаю Гавриловичу и передавать его сыну. Таким образом, к Михаилу Николаевичу отошли рукописи, дневники, письма, корректуры его покойного родителя. Рукописи Н. Г. Чернышевского, присланные А. Н. Пыпину из Сибири, Михаил Николаевич решил немедленно включить в издание. Они составили девятый том, увидевший свет 12 июля 1906 г.

К этому времени были задействованы одновременно 4 типографии, но из-за ситуации в стране работа шла крайне медленно, поэтому Михаил Николаевич начал работать еще с одной типографией – Общественной Пользы. Он хотел во что бы то ни стало закончить все издание к 17 октября, годовщине смерти отца. Запоздал всего лишь на два дня, последний том вышел 19 октября 1906 года. При одновременной работе шести типографий М. Н. Чернышевскому удалось осуществить издание за один год²⁵. Характеризуя свое мировосприятие в то время, он с горечью констатировал: «Надо было постоянно ездить из одной типографии в другую и погонять, и поправлять. Сколько было путаницы, ссор, волнений и т. п. Работали ужасно небрежно, приходилось перечитывать целые листы; надо было самому предвидеть все могущие произойти в типографии ошибки и стараться предупреждать их. Сколько крови пришлось перепортить. Я вообще всегда с болью в сердце смотрю на русскую работу, на ее безалаберность и неаккуратность, даже когда она чужая, а тут приходилось плакать над работой, которая составляла часть моей души»²⁶. В дневниковых записях Михаила Николаевича подчеркивалось также, что издание полного собрания сочинений Н. Г. Чернышевского осуществлено им было «самостоятельно и единолично, при помощи 3–4 человек исключительно лишь для корректуры»²⁷.

Издание полного собрания сочинений Н. Г. Чернышевского представителями передовой российской общественности было встречено с живейшим интересом, они по праву считали его «самым крупным литературным явлением последнего года»²⁸. Все, кто так или иначе интересовался личностью и творческим наследием Николая Гавриловича, единодушно сходились во мнении, что данное издание являет собой существенный вклад в русскую литературу, предоставляя

«возможность изучать автора, столь популярного в 60-х годах XIX столетия, по полному собранию его трудов»²⁹. «Закончено огромное издание, осуществленное сыном знаменитого писателя и представляющее лучший памятник на его могиле»³⁰, – такого рода отзывы можно было встретить в газетах того времени. Но, по мнению Михаила Николаевича, «печать отнеслась к изданию довольно сдержанно»³¹. Из целой сотни редакций, куда он отослал экземпляры собрания сочинений, откликнулась лишь десятая часть. «Мне было больно это, но, стараясь относиться по возможности объективно, я оправдываю их прямо невозможностью <...> фактически дать обстоятельную рецензию: издание настолько велико, что для прочтения его требуются целые месяцы»³², – пришел к выводу М. Н. Чернышевский. Большой интерес проявили библиотеки эмигрантов Женева и Парижа. Они обратились к Михаилу Николаевичу с просьбой пожертвовать им «или уступить на льготных условиях» сочинения Николая Гавриловича³³.

Следует отметить, что некоторые газеты того времени выступили и с критикой в адрес Михаила Николаевича как издателя. В. Водовозов, корреспондент газеты «Наша жизнь», прямо указывал на целый ряд недостатков собрания сочинений. Он считал нелогичным, что редактор не включил в программу издания ряд беллетристических произведений Николая Гавриловича, написанных им на каторге. Кроме того, В. Водовозов полагал, что, жертвуя удобствами читателя ради хронологии, М. Н. Чернышевский напрасно разбил между тремя томами статьи по крестьянскому вопросу, перетасовав их с экономическими статьями, критикой и библиографией. То же самое произошло и с политическими обозрениями, которые Н. Г. Чернышевский вел в «Современнике». Они были помещены в четырех томах: 5, 6, 8 и 9 и перемешаны со статьями иного содержания³⁴.

Михаил Николаевич не исключал, что полное собрание сочинений может и «не удовлетворить некоторых строгих критиков»³⁵, желавших видеть издание «в более научной обработке», но в заслугу себе ставил быстроту выпуска издания. Он считал, что если бы замешкался из-за желания улучшить его, то рисковал надолго задержать выпуск в свет сочинений отца. «И в данном случае быстрота была неизмеримо важнее улучшения качества издания, которое вышло все-таки вовсе уж не так плохо»³⁶, – считал М. Н. Чернышевский.

Осуществление большого издательского проекта требовало вложения в него немалых денежных средств, а их в распоряжении Михаила Николаевича было, увы, немного. Так, газета «Закаспийское обозрение» отмечала, что «последнее издание Чернышевского стоило его сыну не только колоссального труда», но и «больших денег» (62 тысяч рублей)³⁷. В записных книжках Михаила Николаевича указана другая примерная стоимость издания, а именно 80000 рублей³⁸. «Я сделал свое дело. Трудно было его сделать, но еще труднее

оказалось рассчитаться по нему»³⁹. «Пользы от этого издания я не имел <...> Но сделать это издание я считал своим долгом», – читаем в дневниковых записях сына Н. Г. Чернышевского⁴⁰.

«Реакция, наступившая после 1905 года, послужила причиной чрезвычайно тягостного для нас периода жизни»⁴¹, – вспоминала старшая дочь М. Н. Чернышевского Марианна. Общая неблагоприятная ситуация в стране отразилась и на распространении уже вышедшего из печати полного собрания сочинений. Крупнейшие книготорговые магазины – А. Ф. Маркса, М. О. Вольфа, А. С. Суворина, И. Д. Сытина – отказались принимать книги на продажу, а Елисеев и того хуже – за неуплату расходов по их хранению на складе потребовал полного аннулирования ранее заключенного с М. Н. Чернышевским соглашения.

Кроме прочих бед на жалование Михаила Николаевича был наложен арест, ему грозила тюрьма. Постоянные повестки к мировому судье, угрозы описи имущества и связанные с этим хождения по истцам с просьбами отсрочить и переписать векселя под новые проценты, – все эти и другие грустные факты из жизни М. Н. Чернышевского тех лет в его календарях и записных книжках то и дело чередовались с пометами о заболеваниях на нервной почве, о гонениях по службе в железнодорожном ведомстве. Доведенному таким образом до полного психического истощения сыну Николая Гавриловича все чаще и чаще грезился трагический финал как самого издания, так и собственного физического существования.

Несмотря на проблемы с реализацией полного собрания сочинений, финансовые неурядицы Михаил Николаевич продолжал работать над семейным архивом. Он занимался исследовательской работой, тщательно собирая все относящееся к жизни и научно-литературной деятельности отца.

Непростой в это время была и ситуация в стране. Однако цензурный гнет был уже не тот, что ранее, и возврат к старому был невозможен. Именно в периодической печати в первые послереволюционные годы публикует свои работы М. Н. Чернышевский. Так, в 1906–1907 гг. журнал «Былое» напечатал две его статьи: «К делу Н. Г. Чернышевского» и «Последние дни жизни Н. Г. Чернышевского».

М. Н. Чернышевского заботила мысль о том, чтобы максимально облегчить занятия будущими исследователями жизни и трудов его отца. С этой целью в 1909 г. он подготовил и издал библиографический указатель всей известной на тот период литературы о Н. Г. Чернышевском за 1854–1909 гг.⁴² Собрав в нем массу библиографических указаний, Михаил Николаевич снабдил главнейшие из них пояснением по содержанию той или иной книги, отдельного очерка. Указатель составлен был в хронологическом порядке, по годам и долгое время являлся основным справочным

пособием для лиц, интересующихся биографией и творчеством Н. Г. Чернышевского. В него вошли не только статьи о гонимом литераторе, но и масса газетных заметок, рецензий, книг и отдельных глав из них.

В 1910 г. вышла книга М. Антонова⁴³, в которой, по собственному признанию Михаила Николаевича, библиографический указатель был гораздо полнее изданного им. В связи с этим М. Н. Чернышевский приходит к выводу о необходимости его переиздания.

25 января 1911 г. Михаил Николаевич сдал в столичную типографию «Общественная польза» для напечатания новый вариант указателя. 26 февраля он получил от С. Я. Штрайха письмо с очередными данными для него, но, к большому своему сожалению, воспользоваться ими (прежде всего, по техническим причинам) не смог. На следующий день из типографии были доставлены первые экземпляры указателя. А днем позже Михаил Николаевич отметил в записной книжке: «Вышло очень мило <...> Конечно, и это издание не вполне удовлетворительно, кое-что пропущено, много, быть может, лишнего (т. е. мелкого), может быть и не достаточно серьезно, но ведь и такого как мой никто не сделал. Все-таки будущему серьезному составителю будет легче работать по моему указателю, чем без него»⁴⁴.

В последние годы жизни Михаил Николаевич вместе с В. А. Пыпиной работали над третьим изданием библиографического указателя всей известной к тому времени литературы о Н. Г. Чернышевском. Для подготовки данной публикации М. Н. Чернышевский много лет работал в Книжной палате, организатором и первым директором которой являлся С. А. Венгеров. В итоге же, подготовленное Михаилом Николаевичем новое издание библиографического указателя так и не вышло в свет, а его рукопись долгое время считалась утерянной⁴⁵.

В 1911 г., параллельно с работой над библиографическим указателем, М. Н. Чернышевский совместно с Е. А. Ляцким предпринял издание трехтомника сибирских писем отца⁴⁶. Михаил Николаевич погрузился в кропотливый процесс подготовки источников: систематизацию писем, составление комментариев и приложений к ним. В мае 1911 г. М. Н. Чернышевский писал по этому поводу: «Ляцкий предполагает начать печатать сибирские письма отдельными книжками листов по 10, тогда, значит, выйдет 3 книжки»⁴⁷. Спустя месяц он сдал в типографию материал для публикации первого выпуска. В октябре получил корректуру, посмотрев которую пришел к выводу, что Ляцкий выбросил из примечаний все, что он считал наиболее интересным. «Возмутило это меня до невозможности, – констатировал М. Н. Чернышевский. – Положительно надо плюнуть на все и застрелиться»⁴⁸. Но Михаил Николаевич нашел в себе силы настоять на восстановлении своего варианта примечаний, и в

следующем месяце первый том сибирских писем поступил в продажу.

Публикации сибирских писем были с интересом встречены русским обществом. В журнале «Вестник Европы» появилась обстоятельная рецензия на это издание. В ней отмечалось, что «письма Чернышевского, вместе со вступительной статьей Е. А. Ляцкого, примечаниями М. Н. Чернышевского и рядом иллюстраций <...> дают полную <...> картину жизни знаменитого изгнанника»⁴⁹. «Три тома писем Чернышевского, превосходное издание, <...> составляют солидный исторический и историко-литературный памятник не только для русской литературы. Письма Чернышевского займут видное место и в мировой литературе <...> Особенно интересно все, что писано о Добролюбове, Некрасове»⁵⁰.

В 1917 году страну охватил социально-политический кризис. В прежнем виде система управления существовать, а тем более функционировать, была уже не в состоянии.

Накануне Февральской революции впечатление было такое, будто страна живет на вулкане. «Все чувствовали необычайную тревогу, сознавали, что что-то готовится и надвигается на нас, – вспоминал В. Н. Коковцов, – но никто не давал себе отчета, и едва ли я ошибусь, если скажу, что все ждали просто дворцового переворота»⁵¹.

4 сентября 1917 г. М. Н. Чернышевский напишет в дневнике: «Стоят мучительно тревожные дни. Сердце обливается кровью за судьбу России, которая висит на ниточке. Сегодня ходят слухи, якобы из разведочного бюро, что Вильгельм отдал приказ взять Нарву с моря. Говорят, что в случае успеха немцев, Англия объявит войну России. Говорят об эвакуации...»⁵².

Предчувствуя надвигающуюся на Россию катастрофу, Михаил Николаевич, в отличие от других современников, сумел все же внутренне мобилизовать свои силы и продолжить начатую исследовательскую работу. Из соображений безопасности он перевез в Академию наук все материалы об отце, оставив у себя лишь портреты и часть рукописи «Отблески сияния»⁵³.

В 1917 г. он приступил к подготовке четвертого дополнительного тома сибирских писем, однако в силу разных причин издать его не удалось. Хозяйственные трудности, вызванные гражданской войной и начавшейся иностранной интервенцией, не могли не сказаться и на издательском деле: «Безумно возросшие цены на бумагу, типографские расходы, на содержание книжных складов, редакций, на почтовую пересылку, упаковку и проч[ее] почти приостановили издательство»⁵⁴.

В 1919 г. Михаил Николаевич вслед за семьей переехал на жительство в Саратов, хотя внутренне к такому шагу еще не был окончательно готов. Пойти на это его вынудили тяжелые жизненные обстоятельства. «Служба моя, – писал он, – кончалась, новые занятия не налаживались <...> силы падали, дороговизна и условия жизни делали

почти невозможным дальнейшее пребывание в Петербурге»⁵⁵. Не вполне отчетливо рисовалась ему и саратовская жизнь. М. Н. Чернышевского заботила только одна мысль – сохранить во время переезда имеющее большое историческое и литературное значение рукописное наследие отца. «Какая масса нового материала, и какая жалость, что это не могло быть напечатано в свое время»⁵⁶, – с горечью констатировал он в письме к жене Елене Матвеевне Чернышевской.

Оказавшись в Саратове, М. Н. Чернышевский занялся организацией музея памяти своего отца, являлся непродолжительное время ученым секретарем Общества истории, археологии и этнографии, выступал с публичными докладами и лекциями, посвященными жизни и творчеству Н. Г. Чернышевского. В последние годы своей жизни Михаил Николаевич готовил к печати сочинения, написанные отцом в Петропавловской крепости. Однако изданы они были уже после его смерти, благодаря горячему участию в этом деле дочери Михаила Николаевича, Н. М. Чернышевской⁵⁷.

Даже беглое знакомство с научно-исследовательской и издательской деятельностью М. Н. Чернышевского поражает, насколько энергичным и целеустремленным человеком он был. Несмотря на многие трудности и лишения, он всегда оставался верным главной цели своей жизни – изучению и популяризации творческого наследия своего отца.

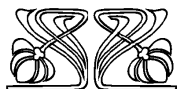
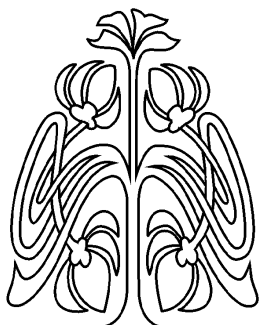
Примечания

- 1 См.: *Чернышевский М.* Библиографический указатель статей о Н. Г. Чернышевском и его сочинениях. СПб., 1909; *О Чернышевском: Библиогр. 1854–1910 / Сост. М. Н. Чернышевский.* 2-е изд., испр. и значит. доп. СПб., 1911; *Чернышевская Н. М.* Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников: Библиогр. указ. // Литературные беседы. Саратов, 1930. Вып. 2. С. 116–288; *Скафтымов А. П.* Изучение жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского за 30 лет. 1917–1947: Библиогр. // Учен. зап. Сарат. ун-та. 1948. Т. 19. С. 3–34; *Чернышевская Н. М.* Библиография писем Н. Г. Чернышевского // Там же. С. 142–195; Изучение Н. Г. Чернышевского в Саратове за советский период: Библиогр. / Сост. П. А. Супоницкая. Саратов, 1960; *Покусаев Е. И., Порох И. В.* Жизнь и деятельность Н. Г. Чернышевского в трудах саратовских ученых // Н. Г. Чернышевский: Статьи, исследования и материалы. Саратов, 1961. Вып. 2. С. 305–324; Н. Г. Чернышевский: Указ. лит-ры: 1960–1970 / Сост. П. А. Супоницкая, А. Я. Ильина. Саратов, 1976; *Троицкий Н. А., Антонова Г. Н.* Н. Г. Чернышевский в трудах саратовских исследователей // Н. Г. Чернышевский: История. Философия. Литература. Саратов, 1982. С. 16–34; Н. Г. Чернышевский: Указ. лит-ры. 1971–1981 / Сост. П. А. Супоницкая. Саратов, 1985 и др.
- 2 См.: *Чернышевская Н. М.* Семья Н. Г. Чернышевского. Саратов, 1987. С. 80–141.

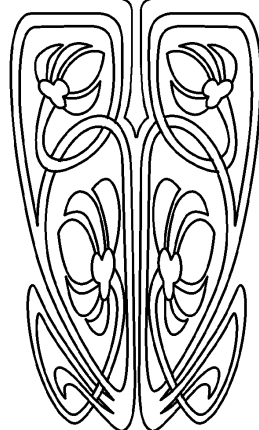
- 3 *Чернышевская Н. М.* Повесть о том, как М. Н. Чернышевский издавал Н. Г. Чернышевского: Машинопись // Муниципальное учреждение культуры (МУК) «Музей Н. Г. Чернышевского». О.Ф. № 7347 / 54, л. 4.
- 4 См.: *Чернышевская Н. М.* Семья Н. Г. Чернышевского... С. 80–141; *Она же.* Младший сын Н. Г. Чернышевского // Н. Г. Чернышевский: Статьи, исследования и материалы. Саратов, 1962. Вып. 3. С. 183–212; *Пытин Н. А.* Сыновья Чернышевского // Звенья. 1932. № 1. С. 266–281; *Муренина Г. П.* Из переписки М. Н. Чернышевского с Ф. Г. Беренштамом: 1919–1920-е гг. // Пропагандист великого наследия. Саратов, 1990. Вып. 2. С. 57–63.
- 5 *Чернышевский М. Н.* Записи о разных годах его жизни // МУК «Музей Н. Г. Чернышевского». О.Ф. № 7347 / 3871, л. 2.
- 6 *Чернышевская Н. М.* Краткое описание писем к М. Н. Чернышевскому различных лиц // Там же. № 7347 / 66, л. 23.
- 7 *Чернышевский М. Н.* История издания полного собрания сочинений Чернышевского // Там же. № 7347 / 54, л. 56.
- 8 Письмо М. Н. Чернышевского О. С. Чернышевской от 14 января 1905 г. // МУК «Музей Н. Г. Чернышевского». О.Ф. № 3897 / 11, л. 1.
- 9 Там же. Л. 1 об.
- 10 Письмо М. Н. Чернышевского к О. С. Чернышевской от 6 апреля 1905 г. // Там же. № 3897 / 15, л. 2.
- 11 *Чернышевский М. Н.* История издания ... Л. 56.
- 12 *Наша жизнь.* 1905. 6 мая.
- 13 *Вестник Европы.* 1905. № 6. С. 802.
- 14 *Скабичевский А. М.* Литературные воспоминания. М.; Л., 1928. С. 248–249.
- 15 Цит. по: *Соломонов В. А.* К вопросу о влиянии Н. Г. Чернышевского на студенческую молодежь // Проблемы философии, истории, культуры. Саратов, 1993. С. 54.
- 16 *Чернышевский М. Н.* История издания ... Л. 56.
- 17 Там же.
- 18 *Наша жизнь.* 1905. 1 декабря.
- 19 Там же. 25 ноября.
- 20 Российский архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1, оп. 2, д. 227, л. 10об.
- 21 *Новое время.* 1897. 30 сентября.
- 22 *Чернышевский М. Н.* История издания ... Л. 57.
- 23 М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке: В 4 т. СПб., 1912. Т. 4. С. 412.
- 24 *Чернышевский М. Н.* История издания ... Л. 57.
- 25 Полное собрание сочинений Н. Г. Чернышевского было издано в десяти томах (одиннадцать книг), с четырьмя портретами. Михаил Николаевич изначально предполагал, что оно будет на одну книгу меньше, однако в девятый том были помещены материалы из архива А. Н. Пыпина, поэтому десятый был издан в двух книгах. Общее количество томов М. Н. Чернышевский считал неудобным изменять, чтобы не вводить в заблуждение читателей.
- 26 *Чернышевский М. Н.* История издания ... Л. 58.
- 27 *Она же.* Записи о разных годах его жизни // МУК «Музей Н. Г. Чернышевского». О.Ф. № 7347 / 3871, л. 4.
- 28 *Товарищ.* 1906. 23 декабря.

- ²⁹ Сибирская жизнь. 1906. 18 февраля.
- ³⁰ Там же. 1906. 6 декабря.
- ³¹ *Чернышевский М. Н.* История издания ... Л. 60.
- ³² Там же. Л. 61.
- ³³ РГАЛИ. Ф. 1, оп. 1, д. 658, л. 4, 9 об.
- ³⁴ Наша жизнь. 1905. 25 ноября.
- ³⁵ *Чернышевский М. Н.* История издания ... Л. 81.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Закаспийское обозрение. 1909. 25 декабря.
- ³⁸ РГАЛИ. Ф. 1, оп. 2, д. 227, л. 7 об.
- ³⁹ *Чернышевский М. Н.* История издания ... Л. 59.
- ⁴⁰ *Он же.* Записи о разных годах его жизни // Там же. Л. 4.
- ⁴¹ *Чернышевская М. М.* Воспоминания о былом // Там же. № 7347 / 15, л. 72.
- ⁴² См.: *Чернышевский М. Н.* Библиографический указатель статей о Н. Г. Чернышевском и его сочинениях. СПб., 1909.
- ⁴³ *Антонов М. Н.* Г. Чернышевский: Социально-философский этюд. М., 1910.
- ⁴⁴ РГАЛИ. Ф. 1, оп. 2, д. 231, л. 12.
- ⁴⁵ Ныне рукопись указателя хранится в РГАЛИ (ф. 1, оп. 2, д. 216).
- ⁴⁶ См.: Чернышевский в Сибири: Переписка с родными. Вып. 1: 1865–1875; Вып. 2: 1876–1877; Вып. 3: 1878–1883 / Вступ. статья Е. А. Ляцкого; Прим. М. Н. Чернышевского. СПб., 1912, 1913.
- ⁴⁷ РГАЛИ. Ф. 1, оп. 2, д. 3862 / б., л. 36.
- ⁴⁸ Там же. Л. 57.
- ⁴⁹ Вестник Европы. 1912. № 1. Январь. С. 377.
- ⁵⁰ Там же. 1914. № 2. С. 397.
- ⁵¹ *Герасименко Г.* Народ и власть. 1917. М., 1995. С. 9.
- ⁵² Дневник М. Н. Чернышевского. 1917–1924 // МУК «Музей Н. Г. Чернышевского». О.Ф. № 529 / 1, л. 4.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ *Голубева О. Д.* Книгоиздательство «Парус». 1915–1918 // Книга: Исследования и материалы. Ч. 12. М., 1966. С. 192.
- ⁵⁵ Дневник М. Н. Чернышевского. 1917–1924 // Там же. О.Ф. № 529 / 3, л. 16.
- ⁵⁶ МУК «Музей Н. Г. Чернышевского». О.Ф. № 5564 / 99, л. 2.
- ⁵⁷ Первый том избранных сочинений Н. Г. Чернышевского вышел из печати в 1928 г. (см. подр.: *Озерянский А. С.* Из писем М. В. Нечкиной Н. М. Чернышевской // Историографический сборник. Саратов, 2004. Вып. 21. С. 38–53).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Подписка на I полугодие 2008 года

Индекс издания по каталогу ОАО Агентства «Роспечать» 36018.

Раздел 11 «Известия высших учебных заведений».

Раздел 15 «История. Филология».

Журнал выходит 2 раза в год.

Подписка оформляется по заявочным письмам непосредственно в редакции журнала.

Заявки направлять по адресу:

410012, Саратов, Астраханская, 83.

Редакция журнала «Известия Саратовского университета».

Тел. (845-2) 52-26-85, 52-50-04; факс (845-2) 27-85-29;

e-mail: izdat@sgu.ru

Каталожная цена одного выпуска 350 руб.